АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АГУ
1973

Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке (1914-1945)

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

НЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1914–1945)

Монография

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

УДК 930.9(5-011)
ББК 63.3(533)
Ш 502

Научный редактор:
кандидат исторических наук, доцент О. Ю. Курныкин

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор В. А. Бармин,
доктор исторических наук, профессор Ю. А. Лысенко

Шерстюков, Сергей Андреевич.

Ш 502 Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке (1914–1945) : монография / С. А. Шерстюков ; [под ред. О. Ю. Курныкина] ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 226 с.

ISBN 978-5-7904-2426-7

Рассматривается формирование и эволюция германской пропаганды на Ближнем Востоке от Германской империи к Третьему рейху. Исследование немецкой пропаганды на Ближнем Востоке в широких хронологических рамках позволило выявить новые линии разрыва и преемственности между «старым» империализмом Германской империи и «новым» империализмом Третьего рейха. Привлечение разных источников (опубликованных и неопубликованных документов из немецких и российских архивов, дипломатической переписки, периодики, мемуаров) и анализ поведения различных акторов (государственных служащих, дипломатов, ученых, общественных и религиозных деятелей) дали возможность воссоздать сложный механизм германской пропаганды на Ближнем Востоке в период, ограниченный двумя мировыми войнами.

УДК 930.9(5-011)
ББК 63.3(533)

Подготовка и издание монографии осуществлены при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-39-00052 «Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьему рейху (1914–1945)».

ISBN 978-5-7904-2426-7

© Шерстюков С. А., 2020
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

По мере того как Германская империя осознавала себя державой с глобальными интересами, Ближний Восток (и ряд других регионов) занимал все более значимое место в немецком имперском воображении. Исследователи, занимающиеся изучением германского империализма, отмечают, что Османская империя, Китай и Африка стали главными «пространствами», в которых разыгрывался эндшпиль мировой политики Германии[1]. Багдадская железная дорога, первоначально планировавшаяся как конечное звено сухопутного маршрута из Берлина через территорию Османской империи к Персидскому заливу, сформировала важную особенность Weltpolitik кайзера Вильгельма II — его стремление окончательно разместить Германию на карте великих европейских империалистических держав[2]. Визит кайзера в Османскую империю в 1898 г., в ходе которого он объявил себя «другом» «300 миллионов мусульман», станет прологом масштабных усилий Берлина по революционизированию «мусульманского мира», предпринятых в годы Первой мировой войны. Эта политика основывалась на комплексе сложившихся в Германии (не без влияния политически вовлеченных ориенталистов) представлений об исламе и «мусульманском мире». Результаты политики, направленной на мобилизацию мусульман и антиколониального национализма в интересах Германии, окажутся противоречивыми и в целом разочаровывающими для немцев, однако этот опыт не будет забыт.

После начала Второй мировой войны Третий рейх запустит масштабную пропагандистскую кампанию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Немецкая пропаганда будет обращаться к антиколониальной, националистической, а также антисемитской риторике, и хотя предпринятая в годы Первой мировой войны попытка инструментализации ислама была признана неудачной, после начала Второй мировой войны ислам окажется в центре нацистских пропагандистских усилий на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а Германия снова объявит

---

1 *Manjapra Kris K.* The illusions of encounter: Muslim «minds» and Hindu revolutionaries in First World War Germany and after // Journal of Global History. 2006. № 1. P. 365.

2 Ibid.

себя державой, защищающей интересы мусульман и стремящейся к союзу с «мусульманским миром».

С началом эпохи «высокого империализма»[1] конкурировавшие друг с другом империи опробовали новые формы противостояния. Наступающая эпоха несла с собой множество важных изменений, одно из которых — революционные изменения в сфере транспорта и связи, приведшие к невиданному прежде росту мобильности. Известный английский историк Эрик Хобсбаум писал в «Веке империй» об образовании и уплотнении мировой сети коммуникаций, потоков товаров, знаний и людей[2]. Следствием этих процессов стало в том числе появление новых средств для целенаправленного воздействия на массовое сознание.

В начале XX в. все более значимое место в давнем противостоянии великих европейских держав на Ближнем Востоке начинает играть пропаганда. После начала Первой мировой войны пропаганда приобретает невиданный прежде размах и формы, став важным элементом «тотальной» войны. Участники глобального конфликта, возникшего в эпоху массовых коммуникаций и массового производства, довольно быстро осознали, что для победы в нем необходима мобилизация всех имеющихся ресурсов и консолидация всего общества[3].

Поскольку Первая мировая война была войной империй, победа в ней зависела от способности имперских центров мобилизовать колониальные ресурсы. Имперские власти не только отслеживали общественные настроения в своих колониальных владениях, но и искали инструменты и возможности для того, чтобы контролировать и формировать эти настроения. Важной призмой, через которую колониальные чиновники рассматривали своих подданных, являлась религиозная принадлежность, а регулирование религиозной жизни было одной из основных забот для имперских властей[4]. Религию стремились использовать для легитимизации колониального порядка, однако она же рассматривалась как потенциально важный инструмент для его подрыва. Модернизирующиеся империи создавали новый инструментарий, но-

---

[1] Понятие, используемое, в частности, немецким историком Ю. Остерхаммелем в работе «Трансформация мира: история XIX века» (*Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009) для обозначения эпохи, переход к которой, по его мнению, происходил в течение 1880-х гг.

[2] *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999. С. 93.

[3] *Jowett G. S., O'Donnell V.* Propaganda and Persuasion. Fifth Edition. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington, 2012. P. 217.

[4] *Motadel D.* Islam and European Empires // The Historical Journal. 2012. Vol. 55, Issue 3. P. 832.

вые подходы и политику в отношении религии и национальных движений. С началом Первой мировой войны противостоявшие друг другу империи попытались максимально использовать потенциал национализма и религиозной солидарности, что имело самые разнообразные последствия и в конечном итоге стало одной из причин размывания фундамента колониального порядка.

После успехов британской пропаганды в годы Первой мировой войны нацистское руководство было одержимо ролью пропаганды, считая ее главной причиной поражения Германии в войне[5]. Пропаганда для национал-социалистического режима стала не только средством индоктринации (а во многом и конструирования) немецкого общества, но и являлась важнейшим инструментом достижения его внешнеполитических целей. Ближний Восток и Северная Африка находились на периферии стратегического (внешнеполитического) мышления Гитлера, в то же время эти регионы в годы Второй мировой войны стали объектами систематических, широкомасштабных и интенсивных пропагандистских усилий Третьего рейха.

Методологические подходы, применяемые в исследовании, позволили проанализировать германскую пропаганду на Ближнем Востоке не только как политическую, но и как дискурсивную практику, имевшую разные измерения (культурное, идеологическое, религиозное). Ситуационный подход предполагает в изучении империй как полиэтнических структур концентрацию внимания на разнообразных (этнокультурных, политико-идеологических, межведомственных и др.) взаимодействиях[6]. Данный подход позволил лучше понять сложный механизм взаимодействий (и взаимовлияний) разных акторов в ходе организации и осуществления немецкой пропаганды на Ближнем Востоке.

В исследовании применялись также подходы, выработанные в рамках «новой истории пропаганды», для которой, в частности, характерно разделение «пропаганды» («попыток убедить») и «общественного мнения» («того, что люди действительно думают»), особое внимание к изучению механизмов функционирования пропаганды, ее средствам и технологиям, а также интерес к проблеме диалогичности и интерак-

---

[5] *Hale J.* Radio Power. Propaganda and International Broadcasting. London, 1975.

[6] *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 28.

тивности пропаганды[1]. Обращаясь к данным подходам, автор попытался исследовать как институциональную структуру немецкой пропаганды на Ближнем Востоке и в Северной Африке, так и ее неинституциональные аспекты, в частности слухи.

В ходе написания данного исследования автор обращался к разным направлениям историографии. В центре западной историографии, посвященной изучению Первой мировой войны, на протяжении нескольких десятилетий находилась Европа, а сама война рассматривалась прежде всего как война европейских национальных государств. Однако в ряде новых исследований предпринимаются попытки рассмотреть это вооруженное столкновение в более широких хронологических и пространственных рамках и изучить его прежде всего как войну глобальных империй[2]. Похожий методологический сдвиг происходит в изучении истории Второй мировой войны, в рамках которого все большее внимание уделяется исследованию конфликта за пределами Европы[3]. Стремясь выйти за рамки страновой и региональной перспективы в изучении мировых войн, некоторые исследователи обращаются к понятию «мусульманский мир», пытаясь понять, как глобальные войны изменили обширные, сложноустроенные и неоднородные пространства, объединяемые этим концептом[4].

Изучение ближневосточной политики Германии предполагает рассмотрение того комплекса представлений о Востоке, Османской империи, исламе и мусульманах, который сложился в немецком обществе и влиянию которого были подвержены в том числе немецкие политики, военные, дипломаты. Эти представления не просто накладывали свой отпечаток на политическую практику, но и зачастую определяли ее.

---

1 *Лившин А., Орлов И.* Советское «пропагандистское государство» в годы II мировой войны: ресурсные ограничения и коммуникативные возможности // The Soviet and Post-Soviet Review. 2012. № 39. P. 197–198.

2 *Gerwarth R., Manela E.* Empires at War: 1911–1923. Oxford, 2014. P. 787–788. См. также: *Kelleher R., Storey W.* The First World War: A Concise Global History. New York, 2010; *Morrow John H. Jr.,* The Great War: An Imperial History. London, 2004; *Strachan Hew.* The First World War as a Global War // First World War Studies. 2014. Vol. 1 (1). P. 3–14.

3 *Heike Liebau* et al., eds. The World in World Wars: Experiences and Perspectives from Africa and Asia. Leiden, 2010.

4 *Andurain Julie (d') and Drieu Cloe.* Beyond the European stage of 14–18; The other Great War in the Muslim world // Revue des mondes musulmans et de la Mediterranee. 2017. Vol. 141. P. 1–16. *Motadel D.* The Muslim world in the Second World War // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A., (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Cambridge, 2015. II Politics and Ideology. P. 605–626.

Данный круг проблем рассматривался в историографии ориентализма. Исследования последних лет, посвященные отношению европейцев к Азии, во многом находятся под влиянием воззрений на ориентализм Эдварда Саида[5]. Предложенное Э. Саидом понимание ориентализма как одного из проявлений (и инструментов) западного империализма вызвало споры, отзвуки которых слышны спустя несколько десятилетий после выхода его работы[6]. Частью этих споров стала и продолжающаяся дискуссия о специфике немецкого ориентализма[7]. Для данного исследования важно понимание и учет контекста этих споров. Вскоре после выхода «Ориентализма» Э. Саида Бернард Льюис раскритиковал эту книгу за полное игнорирование германской ориенталистской традиции. В основе аргументации Э. Саида лежит тезис о том, что наука и колониализм шли рука об руку. Однако колониальные интересы Германии на Ближнем Востоке в период расцвета немецкой научной школы ориенталистики практически отсутствовали[8]. Вклад немецких ориенталистов в ближневосточную политику (и пропаганду) может быть оценен и оценивается по-разному. Вопрос о том, можно ли рассматривать участие немецких ориенталистов в германской пропаганде на Востоке в качестве подтверждения высказанных Э. Саидом идей о связях между знанием и властью, стал одним из стимулов для упомянутой дискуссии. В этом контексте изучаются личности крупнейших немецких ориенталистов, мотивы и формы их сотрудничества с официальными ведомствами[9].

---

[5] *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М., 2019. С. 14.

[6] *Саид Э.* Западные концепции Востока. СПб., 2006.

[7] *Loimeier R.* Edward Said und der Deutschsprachige Orientalismus: Eine Kritische Würdigung // Stichproben. Wiener Zeitschrift für kritische Afrikastudien. 2001, № 2. Jg. 1. S. 63–85; *Norman D.* Islam and the West. The Making of an Image. Oxford, 1993; *Essner Cornelia* und *Winkelhane Gerd.* Carl Heinrich Becker (1876–1933). Orientalist und Kulturpolitiker // Die Welt des Islams. 1988. № 28. S. 154–177. *Hanisch L.* Ausgegrenzte Kompetenz. Porträts vertriebener Orientalisten und Orientalistinnen 1933–1945. Bamberg, 2001; *Hörner K.* Das Islambild der Deutschen: Von Goethe bis Karl May // G. Rotter (Hrsg.). Die Welten des Islam. Frankfurt, 1993. S. 206–210.

[8] *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М., 2019. С. 17.

[9] *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. № 24 (2). P. 145–162; *Schwanitz W. G.* Djihad «Made in Germany»: Der Streit um den Heiligen Krieg 1914–1915 // Sozial. Geschichte. 2003. № 18. P. 7–34; *Wokoeck U.* German Orientalism. The study of the Middle East and Islam from 1800 to 1945. London; New York, 2009; Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zurcher. Leiden, 2016.

Давно сформировавшееся и мощное направление в историографии посвящено изучению германского империализма и Германии как империи. Растущий интерес к анализу глобальной истории и сравнительному изучению империй открыл новые возможности и для исследования феномена Германской империи[1]. Подчеркивая сложный характер Германской империи, исследователь Хизер Джонс полагает, что во время Первой мировой войны термин «Германская империя» относился к нескольким перекрывающим друг друга имперским компонентам. Он использовался, в частности, для обозначения Германии как глобальной империи, под которой понималась довоенная колониальная империя, построенная Германией в Африке, Азии и на Тихом океане[2]. В то же время Германия делала успехи и в создании обширной неформальной империи — особенно эффективно неформальное немецкое имперское влияние распространялось с помощью военных миссий и торговли (с использованием инструментов «мягкой силы») в Северной Африке и Османской империи[3].

Данное исследование было написано также в диалоге с историографией германо-османских отношений в начале XX в., и особенно в годы Первой мировой войны[4]. Отношения двух континентальных империй, ставших военными союзниками на протяжении всей войны, характеризовались сложной взаимозависимостью. Хотя они находились в одном лагере, их цели, интересы и логика действий нередко не только не совпадали, но и часто не могли быть согласованы. С одной стороны, Германия являлась для младотурецких лидеров источником финансовой и военной помощи, с другой — деятельность немцев вызывала недоверие, подозрения и нередко приводила к прямым конфликтам с османскими офицерами. Это касалось не только планирования и осуществления военных операций, но и, в неменьшей степени, организации

---

1 *Conrad S., Osterhammel J.,* eds. Das Kaiserreich trans-national: Deutschland in der Welt 1871–1914, Göttingen, 2004; *Conrad S.* Globalisation and the Nation in Imperial Germany. Cambridge, 2010.

2 *Heather J.* German Empire // Gerwarth R., Manela E. Empires at War: 1911–1923. Oxford, 2014. P. 53.

3 Ibid. P. 61.

4 *McMeekin S.* The Berlin-Baghdad Express: The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power. Cambridge, 2010; *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018; *Charles D. H.* The desperate Ottoman: Enver Paşa and the German empire: II // Middle Eastern Studies. 1994. Vol. 30, Issue 2. P. 224–251. *Hagen G.* Die Türkei im Ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1988; *Dahlhaus F.* Möglichkeiten und Grenzen auswärtiger Kultur- und Pressepolitik dargestellt am Beispiel der deutsch-türkischen Beziehungen 1914–1928. Frankfurt am Main, 1990.

специальных операций в тылу противника и организации пропагандистских кампаний.

Еще один круг литературы, к которому обращался автор, — это работы, в которых исследуется пропаганда Германской империи на Ближнем Востоке, ее цели, институциональное оформление, реакция на нее как на Ближнем Востоке, так и в Европе[5]. Другой круг исследований связан с изучением пропаганды, объектом которой были военнопленные-мусульмане в лагерях на территории Германской империи[6], а также, более широко — с изучением опыта участия солдат колониальных армий в Первой и Второй мировых войнах.

Автор также обращался к историографии мусульманской эмиграции в Германии[7]. После поражения в Первой мировой войне Германия лишилась своих позиций и почти всех связей на Ближнем Востоке, однако Берлин превратился в один из главных центров для мусульманской эмиграции. После окончания Первой мировой войны произошел не толь-

---

[5] *Bragulla M.* Die Nachrichtenstelle für den Orient: Fallstudie einer Propagandainstitution im Ersten Weltkrieg. Saarbrücken, 2007; *Hopkirk P.* Östlich von Konstantinopel. Kaiser Wilhelms Heiliger Krieg um die Macht im Orient. Wien, Munich, 1996; *Müller H.* Islam, «Ğihād» und Deutsches Reich: Ein Nachspiel zur wilhelminischen Weltpolitik im Maghreb 1914–1918. Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris, 1991; *Heine P.* El Dschihad (Al-Gihād) — eine deutsche Propagandazeitung im 1. Weltkrieg. Die Welt des Islams.1980. XX: 3–4. P. 197–199; *Kreutzer S.* Dschihad für den deutschen Kaiser: Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Grazes, 2012; *Kon Kadir.* Almanya'nin Islâm Stratejisi Mimarlarindan Max von Oppenheim ve Bu Konudaki Üç Memorandumu // Tarih Dergisi. 2012. № 53 (2011). P. 211–252; *Schwanitz W.* Die Berliner Djihadisierung des Islam: Wie Max von Oppenheim die islamische Revolution schürte // *KAS*. 2004. № 10. P. 17–37; *Heine P.* Sālih aš Šarīf at Tūnisi, a North African Nationalist in Berlin during the First World War // Revue l`Occident Musulman et la Mèditerranèe. 1982. Vol. 33. P. 89–95; *Рудаков Ю. М.* Германия и арабский восток в конце XIX — начале XX века. М., 2006; *Oberhaus S.* «Zum wilden Aufstandenent flammen»: Diedeutsche Propaganda Strategie für den Orient im Ersten Weltkrieg. Saarbrücken, 2012; *Burke E.* Moroccan Resistance, Pan-Islam and German War Strategy, 1914–1918 // Francia. 1975. № 3. P. 434–464.

[6] *Kahleyss M.*, Muslimische Kriegsgefangene in Deutschland im Ersten Weltkrieg. Ansichten und Absichten // Höpp G., Reinwald, B. (Hg.), Fremdeinsätze. Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen, 1914–1945. Berlin, 2000. S. 79–117; *Усманова Д.* Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 2016. T. 37. P. 73–101.

[7] *Manela E.* The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. New York, 2007; *Höpp G.* Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriß und Bibliographie. Berlin, 1994; Götz N., Umar R. (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York, 2014; Muslims in interwar Europe: a transcultural historical perspective. Leiden; Boston, 2016; *Motadel D.* The Global Authoritarian Moment and the Revolt against Empire // The American Historical Review. 2019. Vol. 124, Issue 3. P. 843–877; *Kuck N.* Anticolonialism in a Post-Imperial Environment — The Case of Berlin, 1914–33 // Journal of Contemporary History. 2014. Vol. 49 (1). P. 134–159.

ко подъем панисламизма, но и взлет антиколониальных националистических движений на Ближнем Востоке и в Северной Африке, многие представители которых — и это было одним из следствий глобального конфликта — окажутся в Германии. Берлин станет важным пунктом на карте формировавшихся транснациональных мусульманских сетей и местом, где антиколониальные активисты будут вступать в идеологические и политические контакты не только друг с другом, но и с немецкими либералами, социалистами и правыми националистами. Формулируя антиколониальную повестку, они использовали национальную, социалистическую или панисламистскую риторику, иногда, впрочем, делались попытки их сочетания.

Уровень изученности в западной историографии пропаганды нацистской Германии в арабском мире пока существенно уступает уровню изученности «ближневосточной» пропаганды Германской империи. Исследователи, занимавшиеся изучением политики Третьего рейха на Ближнем Востоке, до последнего времени редко проявляли интерес к изучению немецкой пропаганды в регионе. С другой стороны, исследователи пропаганды Третьего рейха — области, изучению которой посвящено необъятное количество работ, — также, за редкими исключениями, не фокусировали свое внимание на исследовании пропагандистских усилий национал-социалистического режима в арабском мире. Однако в последние годы начали выходить публикации, авторы которых не только исследуют пропаганду Германии в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но и изучают реакцию на эту пропаганду в странах региона (и в разных социальных группах этих стран)[1]. Пропаганда национал-социалистической Германии в арабском мире исследуется в западной историографии в более широком контексте «арабских встреч с национал-социализмом»[2].

Факторами, которые стимулируют интерес к данной теме, но одновременно способствуют ее политизации и идеологизации, являются незавершенный палестинский конфликт и проблема исламского ради-

---

[1] Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945 // Geschichte und Gesellschaft. 37. Jahrg., H. 3; *Nordbruch G.* «Cultural Fusion» of Thought and Ambitions?: Memory, Politics and the History of Arab-Nazi German Encounters // Middle Eastern Studies. 2011. № 47. P. 183–194.

[2] Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus. Herausgegeben von Gerhard Höpp, Peter Wien und Rene Wildangel. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004.

кализма[3]. Несмотря на меняющуюся историографическую ситуацию, монография Джеффри Херфа[4] пока остается единственной работой, в которой предпринята попытка комплексного взгляда на пропаганду Третьего рейха в арабском мире. В недавно опубликованной работе исследователь Давид Мотадель попытался реконструировать политику Третьего рейха в отношении мусульманского мира в годы Второй мировой войны, характеризуя свое исследование как «попытку поместить ислам на политической и стратегической карте Второй мировой войны»[5]. В годы Первой мировой войны Германская империя в союзе с османами вела широкую пропагандистскую кампанию, в ходе которой использовались исламская риторика и императивы для того, чтобы придать религиозную легитимность вовлечению мусульман в войну на стороне Тройственного союза. Британцы, французы и русские ответили на эти усилия собственными религиозными пропагандистскими кампаниями[6]. В годы Второй мировой войны попытки держав «оси» использовать ислам в качестве мобилизующей силы вызвали соответствующие ответы стран антигитлеровской коалиции. «Исламская политика» Третьего рейха рассматривается Д. Мотаделем и рядом других авторов в контексте изучения политики империй в отношении религии, и в частности темы «ислам и европейские империи»[7].

Глубокий кризис, охвативший современный Ближний Восток и фактически приведший к слому всей региональной ближневосточной подсистемы, сопровождается не только чередой войн и конфликтов, но и ожесточенным информационным противостоянием. Сто лет назад Ближний Восток также стал ареной противостояния, в ходе которого большое значение придавалось пропаганде. Применение более широкой исторической перспективы может способствовать лучшему пониманию сегодняшнего регионального кризиса. Изучение германской пропаганды на Ближнем Востоке позволит актуализировать достаточно традиционные темы, а также открывает перспективу для изучения новых тем (таких как пропаганда и межкультурное взаимодействие, «ментальные карты» Ближнего Востока, роль негосударственных акторов на Ближнем Востоке и в Европе, пропаганда и формирование

---

3 *Freitag U., Gershoni I.* The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. 2011. 37. Jahrg. H. 3. S. 311–331.

4 *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. London; New Haven, 2009.

5 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 5.

6 *Motadel D.* Islam and the European Empires // The Historical Journal. 2012. Vol. 55, Issue 3. P. 851.

7 Islam and the European Empires, ed. by David Motadel. Oxford, 2014.

идеологий национализма, пропаганда и историческая память). Исследование данной темы позволит уточнить имеющиеся в научной литературе взгляды на ближневосточную политику Германии в 1-й половине XX в., лучше понять эволюцию германской ближневосточной политики от Германской империи к Третьему рейху, элементов преемственности и разрыва в ней.

Первая глава настоящего исследования рассматривает усилия Германской империи, направленные на реализацию «стратегии восстания» в мусульманских колониях ее противников на Ближнем Востоке и в Северной Африке в годы Первой мировой войны. Поскольку основу этой стратегии составляли союз с Османской империей и пропаганда джихада, в этой главе анализируются особенности османо-немецкого взаимодействия в области пропаганды, а также проблемы, возникавшие в ходе него. Рассматривается также вклад немецких ориенталистов в институционализацию пропаганды Германской империи на Ближнем Востоке.

Во второй главе описывается превращение Берлина в один из центров мусульманской эмиграции. Уже в годы Первой мировой войны в Германии оказался ряд видных националистических и мусульманских лидеров, активно сотрудничавших со «Службой информации по Востоку». Одним из таких лидеров являлся Шакиб Арслан, анализ деятельности которого в годы Первой мировой войны позволяет лучше понять формы связей и сотрудничества двух империй, а также историю формирования транснациональных сетей взаимодействия в Германии. Функционирование этих сетей после окончания войны прослеживается на основе анализа начального периода эмиграции Энвер-паши, Джемаль-паши и Талаат-паши, связанного с Берлином. В этой главе также рассматривается то, как в 1920-е гг. мусульманские активисты стали участниками общественно-политических процессов в Германии (и в Европе в целом), вступали в контакты с различными политическими акторами, создавали новый политический язык и искали возможности для продвижения антиколониальной повестки.

В третьей главе исследуется пропаганда национал-социалистической Германии на Ближнем Востоке и в Северной Африке в годы Второй мировой войны. Обращаясь к истории радиовещания нацистской Германии в странах арабского мира, немецкой пропаганде в отношении мусульманских солдат союзников, а также проектам конструирования политического пространства на Ближнем Востоке (в частности к проекту «Великая Сирия»), автор исследует как институциональную, так и содержательную сторону пропаганды Третьего рейха.

Глава I

УСИЛИЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПО МОБИЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Джихад «made in Germany»: Первая мировая война и дискуссии об исламе

«Ислам и война» — так назывался доклад[1], с которым 8 декабря 1915 г., в разгар Первой мировой войны, выступил немецкий теолог и миссионер Д. Рихтер перед аудиторией большого зала Дворца искусств в Берлине. Его сообщение слушали не только ведущие немецкие ориенталисты, но и находившийся с «чрезвычайной миссией» в Берлине тунисский шейх Салих аш-Шариф ат-Туниси[2]. С началом Первой мировой войны, особенно после вступления в войну Османской империи и провозглашения сначала турецким султаном, а затем шейх-уль-исламом[3] джихада ее противникам, споры вокруг ислама, развернувшиеся на рубеже XIX–XX вв. на страницах прессы и в европейских академиче-

---

[1] Vortrag des Herrn Prof. *D. Dr. Richter*: «Der Krieg und der Islam» // Die Welt des Islams. 1915. Bd III, Heft 2. S. 134–139.

[2] Шейх Салих аш-Шариф ат-Туниси (1869–1920) — североафриканский националист и исламский ученый. В годы Первой мировой войны был одним из восточных сотрудников «Службы информации по Востоку». Привлекался к пропагандистской работе в отношении мусульманских солдат Антанты на фронте, мусульманских военнопленных, находившихся в лагерях на территории Германии. Шейх также прилагал усилия для того, чтобы уменьшить предрассудки немецкой публики в отношении ислама (*Heine P.* Sâlih ash-Sharîf at-Tûnisî, a North African nationalist in Berlin during the first world war // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1982. № 33. P. 92).

[3] Шейх-уль-ислам (араб. — старейшина ислама) — почетный титул мусульманских теологов и законоведов. В Османской империи этот титул применялся к муфтию Константинополя. Основная функция шейх-уль-ислама состояла в издании фетв (религиозных предписаний), которые освещали решения султана по политическим и социальным вопросам (Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 289.).

ских кругах Европы, вышли на новый виток. Эти дискуссии не ограничивались пределами Европы — самое активное участие в них принимали представители национальных движений стран мусульманского Востока.

В объявлении джихада султаном Мехмедом V, носившим также титул халифа, не было ничего необычного; удивление многих вызывало то, что одним из инициаторов и организаторов «священной войны» выступила империя Гогенцоллернов.

Упомянутая дискуссия по «исламскому вопросу» представляет интерес не только потому, что она высвечивает определенный комплекс представлений и стереотипов восприятия ислама, произраставших на почве европоцентризма, но и потому, что дает возможность проследить степень подвижности данных стереотипов и то, в какой мере и когда они становились предметом рефлексии ориенталистов.

Другим аспектом этой же темы является соотношение знания и власти, характер взаимосвязи европейского ориентализма и колониализма, иными словами, комплекс тех вопросов, которые сформулировал и полемически заострил Эдвард Саид. Насколько события, связанные с участием немецких ориенталистов в инструментализации ислама в годы Первой мировой войны, подтверждают высказанные Э. Саидом идеи? На этот счет существуют разные мнения. Как заметил немецкий востоковед Готфрид Хаген, на первый взгляд кажется, что в данном случае представлены все три структурных элемента ориентализма в понимании Эдварда Саида: академическая традиция изучения и описания Востока; стиль мышления, основывающийся на проведении онтологического и гносеологического различия между Востоком и, в большинстве случаев, Западом; западный стиль доминирования и реструктуризации Востока[1]. Однако, по мнению Г. Хагена, не только немецкие колониальные дискурсы не были едиными, но и, что подтверждает ряд исследований, мусульманские народы (в частности, турки и иранцы) не являлись просто объектом западной репрезентации, но играли активную роль в их взаимоотношениях с Европой. Более того, американский исследователь Усама Макдиси в своей работе «Османский ориентализм» показал, что Османская империя допускала отношение к части собственного населения, особенно в арабских провинциях, сравнимое с отношением европейского ориентализма к восточным народам[2].

---

[1] *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. P. 145.

[2] Ibid. P. 146.

На существование двух подходов к соотношению знания и власти при анализе колониальной и постколониальной истории обратил внимание и американский исследователь Стивен Хоу. Сторонники одного из них, отмечал он, «делают акцент не просто на центральной роли, могуществе и целенаправленности колониальных дискурсов (или идеологий: эти два понятия обескураживающе часто используют как синонимы), но и на способности колониализма самому создавать то, что он якобы обнаруживает в колонизованных обществах. Сомневающиеся в таком подходе и рассматривающие колониальное знание как нейтральную «информацию» или же совместный продукт колонизированных и колонизирующих отрицают то, что ориентализм в саидовском смысле представлял собой согласованную систему мышления, и подчеркивают слабость колониальной власти и степень самостоятельности, сохраняемой колонизованными»[3].

Дискуссия об ориентализме, в свою очередь, является только частью более широкой и в последнее время активно исследуемой проблемы взаимного восприятия.

Начиная с 1880-х гг. общее понимание религии все больше и больше изменялось под влиянием категорий национализма и набиравшего силу расового дискурса[4]. В разгоревшейся дискуссии об исламе и исламской политике великих держав в разных контекстах обсуждались отношения и противоречия между модерном и традицией, религией и национализмом — вопросы, которые по прошествии 100 лет не потеряли актуальность.

Европейские ориенталисты, с надеждой и тревогой следившие за процессами, происходившими в мусульманском мире во 2-й половине XIX — начале XX в., пытались дать свою интерпретацию исламской религиозной традиции, оказавшейся в состоянии кризиса и переживавшей сложный процесс трансформации, получивший название «мусульманская реформация».

Хотя предпринятую Берлином и Стамбулом попытку инструментализации религии в политических целях трудно назвать успешной, нельзя отрицать то, что мобилизация ресурсов в ходе ее осуществления не осталась без последствий. К примеру, американский исследователь Герман Бурке полагает, что в Марокко германо-турецкая поддержка антифран-

---

[3] *Хоу С.* Запад и все остальные // Ab Imperio. 2011. № 1. С. 34.

[4] *Konrad S. A* Cultural History of Global Transformation // An Emerging Modern World 1750–1870. Edited by Sebastian Conrad, Jürgen Osterhammel. Cambridge: Harvard University Press, 2018. P. 643.

цузского сопротивления в годы Первой мировой войны привела к расширению политического горизонта и появлению новых форм политической организации сельского населения страны[1]. Другой исследователь, Вольфганг Шванитц, даже приходит к выводу о том, что осуществленная Берлином «джихадизация» ислама в годы Первой мировой войны открыла дорогу современному исламизму: «Хотя джихад был и прежде, — полагает он, — но это не был современный политизированный и «избирательный» джихад…»[2].

Нарастающий интерес к исламу в европейском обществе в начале XX в. отчасти напоминает современную ситуацию как бы «нового открытия» Европой ислама. Неожиданно для самих себя европейцы обнаружили ислам не в соседнем регионе, к нестабильности которого уже привыкли, а в собственном доме. Этот факт размывает фундамент современной европейской идентичности и одновременно является стимулом для поиска и формирования новой.

Формирование дискурса об исламе в европейской науке и политике

К началу XX в. Европа накопила значительный массив знаний об исламе. На протяжении нескольких веков европейско-христианский мир находился в «искрящемся контакте» с миром мусульманским. Завоевание мусульманами Пиренейского полуострова, Реконкиста, крестовые походы, Венская битва (1683 г.), колониальная экспансия европейских держав представляли собой не только яркие эпизоды во взаимоотношениях двух цивилизаций, но и «осевые точки», определившие или, по крайней мере, серьезно повлиявшие на историческую динамику обоих «миров».

Взаимоотношения с мусульманским «другим» стали важной составляющей европейского самопознания и самоидентификации. Как полагает норвежский специалист по международным отношениям Ивэр Нойманн, «Турок» оставался главным «Другим» для европейской системы государств на протяжении всей ее истории[3]. Неоднократные всплески мусульманской агрессии против Европы — с VII по X в., а затем с XIV по XVIII в. (неважно, была ли агрессия реальной или вымышленной), —

---

[1] *Burke E.* Moroccan resistance, Pan-islam and German war strategy, 1914–1918 // Francia. 1975. Bd. 3. P. 463.

[2] *Schwanitz W. G.* Max von Oppenheim und der Heilige Krieg. Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940 // Sozial. Geschichte. 2004. № 19 (3). S. 43–44.

[3] *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 71.

по мнению итальянского исследователя Ф. Кардини, способствовали рождению самой Европы[4].

Несомненно, существует соблазн представить историю взаимоотношений разных государств и народов, принадлежавших к мусульманскому и христианскому мирам, как непрерывное противостояние, вылившееся в череду бесконечных войн и конфликтов. С какого-то времени мусульмане и христиане так и начали смотреть на историю их взаимоотношений. Так, эмир Абд аль-Кадир, долго и успешно противостоявший французской колониальной власти в Алжире, в 1839 г., обращаясь к французскому королю, писал: «С основания ислама мусульмане и христиане находились в состоянии войны. Веками она была священной обязанностью обеих сект; но христиане пренебрегли своей религией и кончили тем, что стали рассматривать войну как обычное средство мирского возвышения. Для истинного же мусульманина война продолжает оставаться священным долгом»[5].

Однако, во-первых, далеко не все подобные войны воспринимались их участниками как религиозное противостояние мусульман и христиан и, во-вторых, контакты христианских и мусульманских акторов никогда не ограничивались войнами, но включали в себя целый спектр взаимодействий и взаимовлияний — политико-идеологических, торговых, культурных, языковых, научных. Взаимодействие религий оказалось гораздо сложнее, чем просто лобовое столкновение[6]. Так, давно уже обращается внимание на ту роль, которую сыграл для Европы арабо-мусульманский мир в качестве хранителя и транслятора культурных и философских достижений античного мира.

Тем не менее к началу колониальных завоеваний европейских держав мусульманский Восток, по целому ряду причин оказавшийся в состоянии глубокого кризиса и стагнации, уже не воспринимался европейцами как источник знаний и высокой культуры. Комплекс представлений об исламе и мусульманах в Европе, часть из которых сложились задолго до начала колониальной эпохи, а часть — в ходе и в результате колониальных завоеваний, являлся неоднородным, но в целом базировался на идее превосходства и включал «сквозные» темы и понятия, подразумевавшие культурную отсталость и косность мусульманского мира, его неспособность к культурному прогрессу.

---

[4] *Кардини Ф.* Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007. С. 11.

[5] *Оганисьян Ю.* Абд-аль-Кадир. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 58–59.

[6] *Алексеев И.* За советскую власть, за шариат! URL: http://www.gazeta.ru/science/2011/06/20_a_3668461.shtml.

Как заметил голландский исламовед Рууд Петерс, западные авторы изображали ислам в качестве примитивной и отсталой религии, как препятствие на пути развития науки, учением о предопределении объясняя фатализм мусульман, учением о священной войне — их фанатизм и воинственность[1].

В формировании этих представлений участвовали не только ученые-ориенталисты, для которых изучение Востока стало профессией и смыслом жизни, но и люди, так или иначе соприкасавшиеся с восточными народами, — военные и чиновники, путешественники, литераторы, политики, дипломаты, миссионеры.

Европейские державы, управлявшие колониями с мусульманским населением, стояли перед двуединой задачей — обеспечения лояльности своих подданных и осуществления цивилизаторской миссии, которая и служила во многих случаях самооправданием их экспансии. Успех и того и другого напрямую зависел от степени эффективности политики имперских структур в отношении ислама. Независимо от того, была ли это Британская, Российская или Французская империя, пишет немецкий исследователь Юрген Остерхаммель, религиозная политика относилась к неизбежным долгосрочным задачам колониального государства[2].

Антиколониальные выступления мусульман, в ходе которых ислам и его институты играли определяющую роль, движение мусульманских реформаторов, пытавшихся актуализировать мусульманскую традицию, появление и распространение идеологии панисламизма, ставшего в глазах европейцев зримым и грозным символом «пробуждения» мусульманского Востока, — все это вызывало тревогу в европейских столицах.

Источником нарастающего беспокойства во многих европейских столицах являлись также претензии султана Абдулхамида II на покровительство над всеми мусульманами мира, а также наметившееся сближение Германской и Османской империй, происходившее на фоне распространившейся туркофилии в немецком обществе и «флирта» Берлина с исламом. С появлением «германского фактора» споры об исламе, и до этого носившие не только теоретический характер, в еще большей мере начали проецироваться на практическую политику европейских держав. В центре этих споров находились вопросы, над которыми в Средние века размышляли и вели диспуты улемы и факихи: кто может

---

[1] *Peters R.* Islam en imperialism // De Arabische uitdaging: Europa oog in oog met een nieuwe realiteit. Rotterdam, 1982. P. 92.

[2] *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009. S. 923.

объявлять джихад и в каких случаях это необходимо делать, кем должен избираться халиф и как далеко простирается его власть. На рубеже XIX–XX вв. эти споры уже не являлись прерогативой мусульманских интеллектуалов. Среди причин подобной перемены — неразделенность религии и политики в исламе, осознание того, что направление и исход этих споров непосредственным образом повлияют на положение европейских империй, а также «неясность судьбы» Османской империи. Существовал явный диссонанс между положением Османской империи как «больного человека Европы» и ее возрастающим влиянием (действительным или кажущимся) на мусульман в разных уголках мусульманского мира. Объективно этому содействовало то обстоятельство, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. религиозная самоидентификация в мусульманском обществе превалировала над этнической[3].

В ходе споров о панисламизме как идеологии и политическом движении одни указывали на его внутреннюю противоречивость и эфемерность, другие — на крепнущие связи между мусульманами в разных странах и попытки Османской империи определять вектор политических движений мусульман далеко за ее пределами. И те и другие были по-своему правы.

Как заметил современный исследователь Якоб Ландау, «понятие единой мусульманской общины с духовным и политическим лидером во главе было важнейшей частью панисламизма в конце XIX в., достигнуть этого единства, однако, было нелегко из-за напряженных отношений как в рамках панисламистского движения — между религиозными консерваторами и реформаторами, турками и арабами, шиитами и суннитами, так и за его пределами — между панисламизмом и пантюркизмом, поддерживаемым многими османскими реформаторами»[4].

Хотя в отношении панисламизма существовал широкий спектр мнений, в Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге и Берлине склонны были скорее переоценивать, чем недооценивать его силу и потенциал.

К примеру, на состоявшемся в ноябре 1906 г. заседании центрального азиатского общества в Лондоне, в котором приняли участие видные британские ученые и политики, а также мусульманские интеллектуалы, в частности мусульманский индийский мыслитель Амир Али, со-

---

[3] *Курныкин О. Ю.* Русско-турецкие войны XVIII — начала XX в. и российские мусульмане // Война и мир в истории Европы: сб. науч. ст. памяти проф. Е. П. Глушанина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 56.

[4] *Gossman L.* The Passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge, 2013. P. 55.

бравшиеся пришли к выводу о том, что султан Абдулхамид II подтвердил во всем мусульманском мире свою духовную власть, на которую он претендовал как наследник мусульманского халифата, и порекомендовали, чтобы британская политика не «имела цели поддержания антагонизма в отношении Турции, но, напротив, была готова уважать и даже поддержать и светскую, и духовную власть Султана до тех пор, пока она не используется во враждебных Британской империи целях»[1].

Европейские державы, выступавшие в роли покровителей христианских народов Османской империи и не раз использовавшие религию для защиты и продвижения своих интересов на Балканах и Ближнем Востоке, в конце XIX — начале XX в. неожиданно для самих себя встали перед необходимостью оградить своих мусульманских подданных от панисламистских притязаний сначала Абдулхамида II, а затем и младотурок.

Макс фон Оппенгейм и джихад как «новое оружие»

Как известно, Первая мировая война привела к крушению четырех континентальных империй. Российский историк А. Миллер полагает, что эти империи рухнули не в силу исчерпанности ими ресурса развития и неспособности найти ответ на вызовы новой эпохи, а вследствие того, что «соперничество (империй в годы Первой мировой войны. — *С. Ш.*) разрушило прежние конвенциональные ограничения, которых империи, разделившие Речь Посполитую, придерживались в вопросе об использовании карты национализма в борьбе друг с другом»[2].

Первая мировая война сняла прежние ограничения в использовании не только национализма, но и религии как политического инструмента в противостоянии империй.

Предпринятая Германской империей в годы Первой мировой войны попытка революционизирования мусульманского мира демонстрировала новое качество политики европейских держав в отношении ислама.

Человеком, предложившим план «революционизации» ислама, стал немецкий археолог и дипломат Макс фон Оппенгейм.

Родившийся в семье кельнского банкира Оппенгейм с детства грезил Востоком. Изучив в ходе долгих путешествий Арабский Восток, Оппенгейм смог, после некоторых затруднений, обусловленных его еврей-

---

[1] *Caesar E.* Farah Great Britain, Germany and the Ottoman Caliphate // Islam (Zeitschrift für Geschichte und Kultur des Islamischen Orients). 1989. № 66 (2). P. 274.

[2] *Миллер А. И.* Империя и современный мир — некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука. 2004. № 3. С. 8.

ским происхождением, попасть на службу в германский МИД[3]. С 1896 по 1910 г. он занимал пост временного атташе немецкого генерального консульства в Каире. Энергичная деятельность Оппенгейма, выражавшаяся в поездках по Ближнему Востоку, встречах с арабскими и турецкими лидерами (в том числе с Абдулхамидом II), составлении бесконечных записок и докладов для МИД, вызывала раздражение британцев, прозвавших его «шпионом кайзера». Позднее этого человека будут называть «отцом священной войны» («Abu Jihad» и «немецким Лоуренсом» («deutschen Lawrense»)[4] — прозвищами сколь яркими, столь и сомнительными.

Не вполне ясно, какую роль сыграл Оппенгейм в ходе поездки Вильгельма II по Ближнему Востоку в октябре 1898 г. Существует версия, что именно ему принадлежит авторство приобретшей широкую известность речи кайзера у гробницы Салах ад-Дина (Саладина), в которой он объявил себя другом султана и 300 миллионов мусульман, живущих на земле. Но именно в ходе этой поездки Вильгельм II ознакомился с запиской Оппенгейма, в которой тот обращал внимание на возможность использования ислама в политических целях[5]. Впрочем, письмо кайзера, которое он отправил из Стамбула российскому императору Николаю II, показывает, что эта идея волновала его воображение еще до визита на Ближний Восток: «Припомни, что и ты, и я условились в Петергофе никогда не забывать, что магометане были бы страшно крупной картой в нашей игре в том случае, если бы ты и я внезапно оказались в состоянии войны с известной, сующей всюду свой нос державой!»[6].

---

[3] *Studt J.-D.* Max von Oppenheim und der Nahe Osten — Lebenstraum oder politische Intrige? // Asien Afrika Lateinamerika. 1999. Vol. 27. S. 138–141.

[4] *Kröger M.* Max von Oppenheim im Auswärtigen Dienst, Lecture. Historische Gesellschaft of the Deutsche Bank. 2010. June. URL: http://www.bankgeschichte.de/de/docs/Vortrag_Kroeger.pdf.

[5] *Schwanitz W. G.* German-Kuwaiti Relations: From Their Beginnings to the Reunification of Germany // Meria Journal The Middle East Review of International Affairs. March, 2009. Vol. 13, № 1. URL: http://www.gloria-center.org/meria/2009/03/schwanitz.html#author.

[6] *Вильгельм II.* Мемуары. События и люди. 1878–1918. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. Отто Бисмарк. Вильгельм II. Воспоминания и мысли / Пер. с нем. М., 2007. С. 294.
Вильгельм II, называвший в своем письме российского императора «повелителем миллионов мусульман», в другом письме, направленном из Дамаска, прямо указывал на то, что осторожность в «мусульманском вопросе» следует проявлять и самому Николаю II: «Все мои предположения и расчеты, которые я так часто сообщал тебе, оказались вполне подтвердившимися. Турция вовсе не умирающий человек, а напротив, живет полной жизнью. Берегись затрагивать национальную честь мусульман или их калифа!» (там же. С. 298).

После начала Первой мировой войны Оппенгейм в октябре 1914 г. составил «Записку о революционизировании исламских областей наших врагов». План Оппенгейма, преследовавший цель осложнить жизнь противникам Германской империи путем «революционизации» британской Индии, французской Северной Африки и российского Кавказа и Средней Азии, носил глобальный характер и предполагал участие — хотя в разной степени — в «священной войне» мусульман от Восточной Африки до Китая.

Оппенгейм пространно описал, выходя, как он сам признался, за рамки его компетенции[1], собственное видение возможностей, способов и последствий «революционизации» мусульманского мира.

Определяющую роль в осуществлении предложенного им плана должна была сыграть Османская империя. «Главным условием революционизации мусульманских областей наших противников, — отмечалось в записке, — является осознанная организация интенсивного участия в ней турок под знаменем султана-халифа»[2]. Оппенгейм обсуждал даже возможность создания «нового мусульманского Тройственного союза», в который должны были войти Турция, Персия и Афганистан[3].

Записка Оппенгейма в целом была проникнута духом оптимизма. «С немногими людьми и относительно незначительными средствами, — отмечал он, — можно достичь огромных результатов, которые равнялись бы победам в больших битвах»[4].

Замысел немецкого дипломата состоял в том, чтобы придать «священной войне» «отсталой» Османской империи качественно новый характер путем экспертной, финансовой, военно-пропагандистской и логистической помощи со стороны Германии.

Оппенгейм назвал ислам «важнейшим оружием Германии в борьбе, которую навязала ей Англия»[5]. Следует заметить, что метафора «ислама как оружия» часто и с разными целями применялась европейскими политиками, учеными, журналистами в развернувшейся дискуссии об исламе и исламской политике великих держав.

Оппенгейм, несмотря на свой оптимизм, не мог не обратить внимания на угрозы и риски, проистекающие из реализации его стратегии.

---

1 *Epkenhans T.* Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // Archivum Ottomanicum. 2001. № 19. S. 122.
2 Ibid. S. 121.
3 Ibid. S. 144.
4 Ibid. S. 161
5 Ibid. S. 159.

В частности он задумывался о том, как управлять джихадом и как ввести его в определенные границы. «Этот призыв (к «священной войне». — *С. Ш.*), — писал Оппенгейм, — нужно направлять не в целом против неверных (язычников), а против соответствующих чуждых господ, чтобы не поставить под удар другие нации и предотвратить, в частности, в Индии напряжение между индусами и мусульманами»[6]. В рамках принятого дискурса инициаторы джихада одновременно рассчитывали на «фанатизм» мусульман и на рационализм и избирательность джихада.

Характерно, что амбициозный план «революционизации» мусульманского мира предложил человек, не связанный жесткой корпоративной этикой и модусом поведения и в этом смысле являвшийся маргиналом — Оппенгейм не был кадровым дипломатом и не принадлежал к академической среде.

Авторство идеи использования ислама в политических целях не принадлежит Оппенгейму, однако именно он стал создателем плана, привлекавшего внимание своим масштабом и кажущейся легкостью в осуществлении. Идеи, выраженные Оппенгеймом, оказались созвучными настроениям части военно-бюрократической элиты Германской империи и не вызвали неприятия у большинства немецких ориенталистов. Более того, последние использовали свои профессиональные знания и опыт для инструментализации амбициозного, но все же уязвимого с практической точки зрения плана Оппенгейма.

Джихад «сделано в Германии» и спор двух ориенталистов

Усилия Германской империи по «джихадизации» мусульманского мира и участие в них немецких ориенталистов не могли не вызвать реакции в европейской академической среде.

Знаковый характер имела дискуссия, разгоревшаяся в 1915 г. между двумя мэтрами европейской ориенталистики — голландским исламоведом Христианом Снук Хургронье и одним из основателей немецкого исламоведения, главным редактором выходившего в Берлине журнала «Мир ислама» Карлом Генрихом Беккером.

Голландский исламовед выступил с обличением исламской политики Германии, метко названной им «джихад made in Germany». Попытки Германской империи использовать ислам в борьбе с ее противниками направлены, по его мнению, на возрождение «умирающего средневеко-

[6] *Epkenhans T.* Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // Archivum Ottomanicum. 2001. № 19. S. 123.

вого фанатизма мусульманского мира». Х. Хургронье назвал этот проект Германии «интеллектуальным оружием» особого рода, охарактеризовав его как «позор для человечества и катастрофу для Турции»[1].

Х. Хургронье сомневался в праве Османской империи объявлять «священную войну» и ставил под вопрос ее претензии на роль лидера мусульманского мира. Он находил смешным то обстоятельство, что Османская империя, узурпировавшая, по его утверждению, титул халифа, зависимая от европейских держав и представляющая не более пяти процентов мусульман мира, именует своего султана «заместителем Посланника Аллаха и Верховным повелителем правоверных»[2].

Апеллируя к мусульманской традиции, он указывал на парадоксальность, с точки зрения мусульманского права, объявленного турецким султаном джихада, предполагавшего участие Османской империи в войне на стороне одних христианских держав против других христианских держав. По его мнению, назвать войну между кафирами джихадом для хорошего мусульманина либо кощунственно, либо смешно[3].

Признавая трудности пересмотра средневековых доктрин джихада и халифата, установленных исламом в форме вечных законов, Х. Хургронье тем не менее полагал, что в мусульманских странах, оказавшихся в прямой или непрямой (как Османская империя) зависимости от европейских стран, происходят изменения, в положительном векторе которых он не сомневался. Для Х. Хургронье, как и для других ориенталистов, преобразование общества, конституирующим стержнем которого является ислам, — было лишь вопросом времени.

Вместе с тем идеи панисламизма, ставшие одной из концептуальных основ внешней политики Османской империи, характеризовались голландским ученым как попытка «реанимации умершего халифата»[4]. И хотя он признавал, что неудовлетворенность мусульман может выражаться в мечте о халифате, тем не менее полагал, что панисламизм потерял свою власть над разумными приверженцами ислама[5].

Х. Хургронье поставил вопрос об ответственности европейских стран за «оживление» идей халифата и джихада в Османской империи, так как европейские государственные деятели, по его мнению, оказали

---

1 *Hurgronje C. Snouck*. The Holy War, «Made in Germany». New York; London, 1915. URL: http://en.wikisource.org/wiki/ The_Holy_War,_Made_in_Germany.
2 Ibid.
3 Ibid.
4 Ibid.
5 Ibid.

определенную поддержку панисламизму, «ошибочно принимая халифат за своего рода мусульманское папство», и более того, «все время подталкивали Турцию к джихаду»[6].

В оценках Х. Хургронье присутствовала амбивалентность — с одной стороны, он акцентировал внимание на том, что усилия турок и немцев организовать джихад носят постановочный, карикатурный характер и не могут восприниматься всерьез мусульманами даже в Османской империи, с другой — выражал опасения и даже страх перед возрождением опасных, по его мнению, тенденций в исламе.

Х. Хургронье упрекал своих коллег — немецких исламоведов, принимавших непосредственное участие в инструментализации ислама, не только в нарушении научной этики, но и в измене собственным взглядам, приводя их критические замечания о панисламизме, халифате и перспективах ислама в целом, высказанные до начала Первой мировой войны. В частности он процитировал К. Беккера, заявлявшего перед войной, что солидарность ислама — фантом, в отличие от солидарности белой расы[7].

По мнению Х. Хургронье, немецкие исламоведы также попали под влияние «джихад-сумасшествия», которым были охвачены немецкие политики[8].

Беккер не мог не ответить на публичный и довольно резкий выпад Х. Хургронье. Поскольку тот обвинил своих немецких коллег в ренегатстве, Беккер выступил со встречным обвинением. Он сфокусировал внимание на том, что Х. Хургронье фактически принадлежал к немецкоязычному академическому кругу, и поэтому немцы, полагал К. Беккер, вправе были рассчитывать на понимание трудного положения Германии, а его критику Германии, отвечающую интересам ее противников — Франции и Великобритании, расценили как «удар в спину»[9]. Тем самым К. Беккер фактически поставил под сомнение существование наднационального научного этоса. В то же время он полагал, что спор между ним и Х. Хургронье носит не научный, а политический характер, а позиция голландца, по его мнению, свидетельствует о том, «что и самые большие нейтральные ученые становятся жертвами политического фанатизма»[10].

---

6 *Hurgronje C. Snouck*. The Holy War, «Made in Germany». New York; London, 1915. URL: http://en.wikisource.org/wiki/ The_Holy_War,_Made_in_Germany.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 *Becker C.* H. Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) // Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien, Zweiter Band. 1932. S. 282.

10 Ibid. S. 303.

Другой аспект, который не остался незамеченным К. Беккером, заключался в том, что Х. Хургронье критиковал «исламскую политику» Германии не просто как ученый, но как защитник колониальных интересов Голландии.

По понятным причинам К. Беккер попытался найти приемлемый ответ на главное обвинение своего оппонента, состоявшее в том, что Германия разжигает «средневековую религиозную ненависть». Он выбрал нестандартную форму защиты — не посредством отрицания обвинения, а через введение его в другой контекст. По мнению К. Беккера, сам характер войны оправдывает применение подобных средств, а используемые противниками Германии современные средства войны ничем не лучше этого.

«Мы не в стране чудес из пацифистской утопии Берты фон Зуттнер и товарищей, — писал К. Беккер, — но в суровой реальности ведем борьбу за наше национальное существование против мира врагов. И действительно ли средневековая религиозная ненависть настолько хуже организованного убийства войны, осады экономической войны и моря лжи, в котором нас пытаются утопить наши враги?»[1].

Немецкий исламовед напомнил о том, что европейские державы уже давно использовали религию в своей политике в отношении Османской империи. «Кто первым применил религиозный рычаг для развала Турции?»[2] — задавался вопросом К. Беккер.

Привлечение Британской и Французской империями к военным действиям солдат-мусульман из собственных колоний также не ускользнуло от внимания К. Беккера: «Если против нас используют мусульманских цветных (“Farbige”), почему мы не можем делать то же самое с помощью нашего союзника…». К. Беккер разделял мусульман по расовому принципу и в ответ на обвинение Х. Хургронье в том, что Германия сделает Турцию своим протекторатом, заметил, «… что нельзя колонизировать в течение длительного времени народы, подобные туркам и арабам, в стиле “негров” (“der Neger”)»[3].

К. Беккер представил и свое понимание джихада. Он согласился со своим голландским коллегой в том, что этот джихад отличается от всех предыдущих, но если для голландского ученого данное утверждение стало поводом для признания джихада «нелегитимным»,

---

1 *Becker C.* H. Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) // Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien, Zweiter Band. 1932. S. 303.

2 Ibid. S. 291.

3 Ibid. S. 302.

то для К. Беккера — как раз наоборот. По его мнению, современный джихад — это только старая форма, наполненная новым содержанием: «Это просыпающиеся нации, это азиатство, которое все еще наследует формулу общей религии, но наполняет ее уже совершенно другими понятиями — свободы и самоопределения»[4]. Таким образом, К. Беккер одновременно утверждает и старую (не отрицая обвинений в том, что Германия разжигает «религиозный фанатизм»), и новую природу джихада.

Парируя упреки своего коллеги и оппонента, К. Беккер обыгрывал стереотипы, сложившиеся в отношении ислама, в частности стереотип о неподвижности, косности ислама. «Разве не ислам постоянно обвиняют в окаменении, — задавался вопросом К. Беккер, — и, как только он начинает адаптироваться к задачам времени, в этом сразу видят нарушение установлений шариата?»[5]

К. Беккер, оппонируя Х. Хургронье, высказал мысль о том, что панисламизм — это плод модерна, а не традиции, и, что еще более важно, существует скорее в умах европейцев, чем в реальности: «Панисламизм в его современной форме — дитя коммуникаций и прессы. В Европе сложилось неверное представление о его значении. Правительства и пресса десятилетиями рисовали пугало «священной войны», успехи Абд аль-Кадира и Махди из Хартума приучили мир европейцев испытывать оживленный ужас перед властью ислама»[6].

Таким образом, К. Беккер, как и Х. Хургронье, находил не вполне адекватным восприятие ислама европейским обществом, которое могло быть использовано для воздействия на европейские державы. Беккер рассматривал обращение к джихаду Энвера-паши и других руководителей Турции и желание Германской империи разыграть эту карту как сознательную игру на страхе европейских держав. Это свидетельствует о том, что попытка младотурецкого правительства использовать ислам в борьбе с противниками Османской империи основывалась на интернализации западных ориенталистских идей, на «оттоманском ориентализме», что усложняет наши представления об отношении европейских держав с мусульманскими странами[7].

---

[4] *Becker C.* H. Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) // Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien, Zweiter Band. 1932. S. 298.

[5] Ibid. S. 293.

[6] Ibid. S. 291.

[7] *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. 24 (2). P. 149.

Как и Х. Хургронье, К. Беккер признавал постановочность джихада, но для него это не было аргументом против его применения. Тем более что он делал важную оговорку, вновь утверждая двойственную природу джихада: «И все же объявление джихада на Востоке — это вовсе не театральное, а очень реальное и только из тонкого знания закона объяснимое намерение»[1].

Рассуждая о возможных масштабах священной войны и ее возможных последствиях, К. Беккер приходит к выводу о том, что и то и другое будет иметь ограниченный характер. По мнению Беккера, не нужно беспокоиться о том, что «деревья вырастут до неба»: «Турция, несомненно, знает международный контекст и препятствия, существующие в психике чужих мусульман, для необузданного развития кровожадного фанатизма — порицаемого, впрочем, и шариатом, — в колониях великих держав»[2].

К. Беккер, как видим, описывал и Османскую империю, и ислам в двух ракурсах — традиционном и современном. Несмотря на то что во взглядах на допустимость использования ислама в политических целях К. Беккер и Х. Хургронье расходились кардинально, в целом в их видении ислама больше общего, чем различий. Х. Хургронье почти не сомневался в том, что ислам будет меняться (в нужном Европе направлении), для этого необходима только долгая работа по распространению образования и европейской культуры. Пафос критики исламской политики Германской империи со стороны голландского исламоведа состоял в том, что она, стремясь подорвать позиции своих конкурентов, взяла курс на традиционализацию ислама, бросая тем самым вызов идеям европейского Просвещения и европейской культуры.

К. Беккер, не отрицая глубоких изменений, произошедших с исламом и Османской империей, полагал, что последняя, став современным государством, сохранит вместе с тем свой мусульманский облик. «Будущее Турции, — писал он, — это исламское государство, но исламское государство европейской окраски, т. е. с равноправием христианских граждан. Халифат в старом смысле окончательно погребен; будущее принадлежит новому халифату, появление которого в сто раз вероятнее, чем возникновение нейтральной Османской империи…»[3].

---

1 *Becker C.* H. Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) // Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien, Zweiter Band. 1932. S. 292.

2 Ibid. S. 299.

3 Ibid. S. 303.

В подходах обоих исследователей к исламу заметен европоцентристский акцент на роли европейского воздействия на ислам и на европейском восприятии ислама, проявившийся, в частности, в интерпретации панисламизма как феномена, порожденного Европой и отраженного в европейском зеркале. Однако К. Беккер не сводил природу панисламизма к этому, признавая, что у ислама, так же как у Османской империи, своя траектория развития.

Джихад: за и против

В обсуждении исламской политики Германской империи ключевым являлся вопрос о том, выгодна ли для нее мобилизация ислама в тактическом и стратегическом плане. Немецкий арабист Мартин Хартманн, который в период Первой мировой войны сотрудничал с германским МИД (в частности, со «Службой информации по Востоку»), в записке «Некоторые мысли к организации исламского дела» от 26 мая 1915 г. поставил под сомнение курс на поддержку ислама. «Здоровая исламская политика (Германской империи. — *С. Ш.*), — писал он, — не может иметь задачи поднимать "религиозную жизнь" мусульман»[4]. По его мнению, приоритетными направлениями для Германии в мусульманском мире должно стать развитие экономики и культуры и смягчение, а не подчеркивание религиозных различий, которое в конечном итоге может ударить бумерангом по интересам Германии и по ее претензиям стать мировой державой[5].

Схожие опасения высказывал упомянутый в начале раздела теолог и миссионер Д. Рихтер. Посвятивший большую часть своего доклада обоснованию необходимости союза Берлина и Стамбула и опоры Германской империи на ислам, он, тем не менее, в заключение констатировал, что у этой политики есть не только положительная сторона. Заметив, что «в течение прошлых столетий джихад был обоюдоострым мечом ислама против христианского мира», он задался вопросом: «не легко ли будет джихаду переродиться в кровавую безжалостную партизанскую войну», которая станет угрозой для христиан Турции, так же как для христиан всех восточных церквей?»[6]. Это предостережение представляется запоздалым, с учетом того, что к моменту, когда

---

[4] Bundesarchiv, Abteilung Potsdam. Auswärtiges Amt (далее: BArchivP, AA). FC 62322. L. 367266.

[5] Ibid.

[6] Vortrag des Herrn Prof. D. Dr. Richter: «Der Krieg und der Islam» // Die Welt des Islams. 1915. Bd III, Heft 2. S. 140.

оно произносилось (декабрь 1915 г.), в Османской империи уже проходили массовые убийства христиан.

Другое обстоятельство, которое следовало учитывать, по мнению Д. Рихтера, состояло в том, что «джихад приведет к усилению исламского религиозного сознания»[1]. И хотя он делал оговорку, что «религия — это объединяющее звено движения, целью которого является независимость ислама от англичан…»[2], ему, как и другим немецким специалистам, участвовавшим в инструментализации ислама, трудно было избавиться от опасения опалиться огнем, который они хотели направить в сторону противников Германской империи.

Ислам стал одной из констант европейской политики и европейского общественного сознания, по крайней мере, к рубежу XIX–XX вв. Недостаточность знаний об этой религии в европейском обществе, а также стереотипность этого знания, значительный интерес к происходящим изменениям на мусульманском Востоке и нарастающее соперничество европейских держав — все это открывало простор для самых разных оценок и интерпретаций ислама.

Попытки экстраполировать знания, полученные в результате осмысления европейской христианской традиции, на исламскую почву подчас скорее искажали, чем проясняли предмет изучения.

Европеизация и колониализм, нарождающиеся национализмы, имперская политика и взаимоотношения империй — в дискуссиях по этим и целому ряду других проблем исламская тематика занимала центральное положение.

С одной стороны, в дискуссиях и при выработке практической политики в отношении мусульманского Востока были востребованы знания европейских ориенталистов. С другой — у них не было и не могло быть монополии на репрезентацию ислама в публичном пространстве. Многим из них приходилось делать сложный выбор между политической вовлеченностью и научной беспристрастностью. Часть из них сознательно стремились дистанцироваться от злободневных политических проблем, связанных с исламом, другие, как Мартин Хартманн или Карл Беккер, напротив, считали, что изучение ислама не должно ограничиваться средневековыми штудиями.

В подходах европейских ориенталистов к Османской империи и к исламу причудливо переплетались признание наличия в мусульманском

---

[1] Vortrag des Herrn Prof. D. Dr. Richter: «Der Krieg und der Islam» // Die Welt des Islams. 1915. Bd III, Heft 2. S. 140.

[2] Ibid.

движении антиколониальной, освободительной составляющей и в то же время опасение столкнуться с обновленным и, возможно, усилившимся исламом. Приходит национализм на смену исламу либо ислам наполняется националистическим содержанием (как полагал К. Беккер) — на эти вопросы трудно было, как, впрочем, и сегодня, найти удовлетворительные ответы.

С началом Первой мировой войны европейские ориенталисты оказались в еще более сложном положении. В условиях войны пространство спора сузилось, а его накал вырос. Сама дискуссия вокруг ислама окончательно стала важной частью пропагандистского противостояния. В то же время в развернувшихся спорах предпринимались попытки осмысления и критической оценки отражения ислама в зеркале европейского общественного мнения, что видно на примере дискуссии К. Беккера и Х. Хургронье.

В европейской традиции восприятия и описания ислама, по крайней мере со времени колониальных завоеваний, присутствовала конструктивистская составляющая, предполагающая не только допустимость, но и необходимость воздействия на ислам извне и изнутри при одновременном признании трудности и опасности этого процесса. К. Беккер и Х. Хургронье, несмотря на их антагонизм, в сущности, расходились не в том, следует ли воздействовать на ислам, а в векторе и способе этого воздействия. В то же время немецкий исследователь П. Гейне полагает, что спор К. Беккера и Х. Хургронье свидетельствует о том, насколько разными могли быть позиции в прикладной ориенталистике в отношении исламского мира, и что эти различия, хотя и выраженные не так явно, существуют и сегодня. С одной стороны, это позиция патерналистского воспитателя, представленная Х. Хургронье, который строго, но справедливо относится к своим протеже, а с другой — предлагавшаяся К. Беккером идея партнерства, из которого обе вовлеченные стороны должны извлекать прежде всего экономическую выгоду[3].

В ходе Первой мировой войны немецкие ориенталисты получили уникальную возможность применить и проверить на практике свои обширные познания в отношении мусульманского Востока. Правда, довольно скоро выяснилось, что академические знания об исламе, так же как и блестящее владение классическим арабским языком, мало при-

[3] *Heine P.* C. Snouck Hurgronje versus C. H. Becker. Ein Beitrag zur Geschichte der angewandten Orientalistik // Die Welt des Islams. 1984. XXIII–XXIV. P. 383.

годны для пропагандистского воздействия на традиционные слои мусульманского Востока[1].

Предпринятая в годы Первой мировой войны попытка немецкие военных, дипломатов и значительной части ориенталистов использовать ислам как инструмент в противостоянии противникам Германской империи, на первый взгляд, укладывается в описываемую Э. Саидом парадигму отношений между Востоком и Западом и место в этих отношениях европейского ориентализма. Однако возложить основную ответственность за эту политику на немецких ориенталистов, или, шире, на немецкую сторону значило бы серьезно упростить ситуацию. Само сотрудничество немцев с турецкими и арабскими националистами в годы Первой мировой войны вряд ли исчерпывающе может быть описано в категориях доминирования и подчинения или инициирования и исполнения.

Наиболее дальновидные сторонники инструментализации ислама с немецкой стороны видели, какие опасности таятся за рациональной попыткой сыграть на религиозных чувствах мусульман, вступив таким образом на зыбкую почву иррационального. «“Отодвижение” рациональности стало козырной картой исламистов и главной причиной их популярности»[2], — полагает российский исламовед А. Малашенко. Не делая далеко идущих выводов, все же отметим, что между германо-турецкой инструментализацией ислама в годы Первой мировой войны и действиями современных исламистов прослеживаются определенные параллели.

В годы Первой мировой войны Германская империя направила значительные ресурсы на мобилизацию ислама. В XX в. еще не раз различные силы будут стремиться использовать ислам как инструмент в политической борьбе, но, как показал уже опыт Первой мировой войны, стремление к манипуляции религией часто приводит к результатам, далеким от планируемых.

---

[1] *Heine P.* El Dschihad (Al-Ǧihād) — eine deutsche Propagandazeitung im 1. Weltkrieg // Die Welt des Islams. 1980. XX, 3–4. S.197–199.

[2] *Малашенко А.* Исламисты хлопают дверью? // Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 444.

2. Германо-османский альянс и пропаганда джихада: между вымыслом и реальностью (1914–1918)

Обращения к религиозному (псевдорелигиозному) языку и символам были характерными для всех участников начавшегося в 1914 г. глобального конфликта. Они позволяли придать межгосударственному противостоянию новое, «сакральное» измерение и одновременно историческую глубину. Это происходило в условиях размывания границ между религиозным и нерелигиозным и являлось проявлением того, что сегодня описывается как процесс сакрализации политики и политизации религии.

Довольно часто, однако, речь шла не о возвращении к традиции, а, если пользоваться определением Эрика Хобсбаума, о ее изобретении. Элементы подобного «изобретения традиции» можно найти в османском проекте «Великого джихада», пропаганда которого в годы войны станет одной из важнейших задач не только для османов, но и для их немецких союзников. Оформлению подобной стратегии способствовало много причин, среди них — сложившиеся к тому времени в Европе способы восприятия и описания ислама и мусульман, подъем панисламизма и значительное число мусульманских подданных у главных противников Германской империи (России, Великобритании и Франции). Пропаганда джихада не принесла результатов, на которые рассчитывали немцы, однако спустя столетие после окончания Первой мировой войны эта грань германо-османского сотрудничества продолжает оставаться предметом изучения и серьезных дискуссий среди исследователей.

1 декабря 1806 г., прибыв в польский город Познань, Наполеон отправил письмо османскому султану Селиму III, в котором предлагал правителю Османской империи выступить совместно с Францией против России. Позднее Наполеон приказал одному из своих министров, Камбасересу, перевести на турецкий и арабский языки бюллетень Великой армии и подготовить специальный памфлет, текст которого нужно было распространить в Османской империи. В напечатанной в 1807 г. в Париже брошюре османский муэдзин, от имени которого был написан памфлет, призывал османских мусульман проснуться, восстановить мужество и начать войну с Россией, с тем чтобы вернуть территории, когда-то принадлежавшие Османской империи. Мусульманам предлагалось обратиться к одному из сокровищ, которое всемогущий бог укрыл для них, — французской дружбе и поддержке Наполеона — героя, которого бог послал, чтобы спасти его страну и изменить условия в дру-

гих странах[1]. В этой брошюре, написанной по приказу Наполеона, использовались приемы, логические ходы и риторические конструкции, к которым спустя более столетия, в годы Первой мировой войны, будет обращаться пропаганда Германской империи на Ближнем Востоке и в мусульманском мире в целом (а позднее, в годы Второй мировой войны, — пропаганда Третьего рейха).

Наполеон не смог создать коалицию с османами; немцы в 1914 г. не только заключили союз с Портой, но и на протяжении всей мировой войны осуществляли совместно с ней пропаганду, в центре которой находился обращенный к мусульманам призыв к джихаду. К настоящему времени опубликовано значительное число исследований, посвященных немецкой и османской пропаганде в отдельных странах и в мусульманском мире в целом, роли в ее планировании и осуществлении европейских ориенталистов, реакции на эту пропаганду Великобритании, России и Франции и другим темам[2]. Степень немецкого участия в османском джихаде при этом оценивалась по-разному и вызывала споры среди исследователей. Данный раздел посвящен изучению некоторых аспектов османо-немецкого сотрудничества в сфере пропаганды, а также того, как представляли себе пропаганду джихада (и какое место отводили ей в своих планах) немецкие дипломаты, ориенталисты и военные, как они оценивали ее итоги в ходе войны и сразу после ее завершения.

К началу XX в. большая часть стран и территорий, на которых проживали мусульмане, находилась под прямым или непрямым контролем европейских империй. Однако парадоксальным образом по мере укрепления и расширения европейского господства в мусульманском мире в сознании европейских колонизаторов появлялись все новые опасения и страхи, связанные с исламом. Возникает, в частности, страх того, что однажды европейские державы могут столкнуться не с отдельными мусульманскими восстаниями, а с всеобщим «панисламистским» восстанием, которое положит конец европейскому колониальному господству[3].

---

1 *Haddad A., George M.* Napoleonic Arabic Fragment of Anti-Russian Propaganda in the Ottoman Empire // The Muslim World. 1981. V. 71. № 2. P. 100–101.

2 См., например: Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Leiden, 2016.

3 *Ludke T.* Strange Fronts, Strange Wars: Germany's Battle for «Islam» in the Middle East during the First World War, and British Reactions // Joachim Burgschwentner, Matthias Egger, Gunda Barth-Scalmani, eds., Other Fronts, Other Wars? First World War Studies on the Eve of the Centennial. Leiden / Boston: Brill, 2014. P. 389.

Этот страх питали утвердившиеся в сознании европейцев представления о «фанатичности» мусульман, появление и рост популярности панисламизма, а также политика Османской империи, лидеры которой с 1870-х гг. обращались к панисламизму в попытке обеспечить выживание османского государства[4].

В 1889 г. либерал Фридрих Науманн уже предсказывал, что в случае войны «халиф Константинопольский еще раз поднимет знамя священной войны. Больной человек в последний раз встанет, чтобы громко прокричать в направлении Египта, Судана, Восточной Африки, Персии, Афганистана и Индии: «Война против Англии!». Весьма важно знать, кто поддержит его, когда он произнесет на его кровати этот крик!»[5].

С одной стороны, более или менее успешные попытки операционализации религии можно встретить на протяжении всего «длинного» XIX в., с другой — XIX столетие принято считать веком нарастающей секуляризации — процесса, который затронул и Османскую империю. Однако вряд ли можно оценивать события, развернувшиеся в начале XX в. на Ближнем Востоке, Балканах, в Северной Африке, в которых значительную (часто определяющую) роль играли европейские державы, с точки зрения постепенного ослабления влияния религии.

Религии не только не уходили со сцены истории, но иногда занимали новые пространства или, как казалось, отвоевывали когда-то утраченные позиции. Религии играли большую, иногда недооцениваемую роль во всех проектах строительства нации — в том числе в тех случаях, когда их строительство происходило в ядре империи. Религии оказывались незаменимым инструментом при проведении границ между сообществами «своих» и «других» (внутренних и внешних), позволявшим обратиться к выработанным в рамках каждой религиозной традиции практикам консолидации верующих и способам критики иноверцев.

С потерей балканских владений и сокращением территории Османской империи, которая включала теперь преимущественно мусульманских подданных, произошло то, что исследователь Хасан Кайали описывает как «исламистское переосмысление оттоманизма». В результате младотурки «стали полагаться на религию в их поисках централиза-

---

[4] *Khalid A.* Pan-Islamism in Practice. The Rhetoric of Muslim Unity and its Uses // Elisabeth Ozdalgaed. Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy, SOAS / RoutledgeCurzon Studies on the Middle East. L.; N. Y., 2005. P. 203.

[5] *Ludke T.* Strange Fronts, Strange Wars: Germany's Battle for «Islam» in the Middle East during the First World War, and British Reactions. // Joachim Burgschwentner, Matthias Egger, Gunda Barth-Scalmani, eds., Other Fronts, Other Wars? First World War Studies on the Eve of the Centennial. Leiden / Boston: Brill, 2014. P. 391.

ции и социальной гармонии, так же как это делал их заклятый враг Абдулхамид»[1]. Этот парадоксальный, на первый взгляд, пример идеологической эволюции младотурок демонстрирует, как происходившие в империи процессы (в данном случае — процесс «сжатия» империи) могли не только способствовать приходу к власти в империи новых сил, но и зачастую определяли логику их действий вне зависимости от первоначальных устремлений этих сил.

Германская империя, ее дипломаты, военные и предприниматели в течение нескольких десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, сделали многое для упрочения немецкого присутствия в Османской империи и внесли определенный вклад в ее модернизацию. Тем не менее, когда в начале Первой мировой войны перед Берлином возник вопрос о заключении военного союза с Османской империей, идея и перспектива этого союз казалась привлекательной не всем немецким деятелям. Посол Германии в Стамбуле барон Ганс фон Вангенгейм и генерал Лиман фон Сандерс, глава германской военной миссии, считали, что османы будут больше бременем, нежели полезным союзником как в дипломатическом, так и в военном отношении[2]. На подписании соглашения с османами в тот момент настоял лично Вильгельм II. Относительная военная слабость Османской империи компенсировалась в глазах части немецких руководителей тем положением, которое занимала Османская империя и ее формальный руководитель — султан-халиф — в мусульманском мире, и надеждами использовать это положение в военных целях Германии.

Упоминавшийся уже немецкий археолог и дипломат Макс фон Оппенгейм, будучи непримиримым противником Британской империи, был одним из первых, кто предложил использовать дружбу Германии с мусульманским миром для противостояния британцам[3]. Сблизившись с Вильгельмом II во время знаменитой поездки немецкого кайзера на Ближний Восток и неоднократно встречаясь с ним впоследствии, он донес до кайзера свои взгляды на ислам и мусульманский мир. Когда в августе 1914 г. началась война, по предложению Оппенгейма в Берлине была создана так называемая «Служба информации

---

1 *Adal R.* Constructing Transnational Islam: the East-West Network of Shakib Arslan // Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation, and Communication. Ed. by Stephane A. Dudoignon, Hisao Komatsu and Yasushi Kosugi.L.; N. Y., 2006. P. 179.

2 *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018. С. 43.

3 Там же. С. 48.

по Востоку» («Бюро джихада»), которая должна была заниматься панисламской пропагандой во французской Северной Африке, российской Центральной Азии и в британских колониальных владениях, прежде всего в Индии[4].

В 1915–1916 гг. в Малой Азии и Восточной Аравии по инициативе Оппенгейма была открыта сеть из 70 редакций и корреспондентских служб[5]. Сотрудничество с немцами, в ходе которого происходила передача технологий и опыта, позволило вывести на новый уровень и османскую пропаганду. Под влиянием немцев, использовавших кино для пропаганды внутри страны и открывавших с теми же целями кинозалы в Османской империи, Энвер-паша в 1915 г. распорядился создать Центральный отдел военного кино — структуру, ставшую основой османской (а впоследствии турецкой) киноиндустрии. Подаренные немцами своим турецким союзникам военные самолеты использовались в том числе для разбрасывания листовок над позициями врагов.

Пропаганда была частью, хотя и весьма важной, более широкой стратегии, предусматривавшей наступательные действия османских войск в направлении Египта, а также на Черном море (в черноморском регионе), работу с националистами и националистическими движениями в колониальных и зависимых от европейских держав странах, прежде всего в Афганистане и Персии, направление специальных миссий[6], организацию мятежей и восстаний в разных частях мусульманского мира, снабжение инсургентов деньгами и оружием и ряд других мероприятий.

Подчеркивая важность союза с османами, Оппенгейм тем не менее полагал, что они не способны самостоятельно, без немецкой помощи, организовать и осуществлять эффективную пропаганду. «Турецкая пропаганда, — писал он, — должна быть централизована в Константинополе, но постоянно руководиться и поддерживаться немецкой стороной, однако, разумеется, делать это надо таким образом, чтобы турки думали, что немцы являются только дружественными советниками, и так, что-

---

[4] *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018. С. 43.

[5] *Hagen G.* Die Turkei im Ersten Weltkrieg, Flugblatter und Flugschriften in arabischer, persischer und osmanischturkischer Sprache aus einer Sammlung der Universitat bibliothek Heidelberg eingeleiter, uberstzt und kommentiert. Frankfurt am Main; Bern; N. Y., 1990. S. 41.

[6] Об усилиях немецев и турок, направленных на вовлечение в войну Афганистана, см.: *Панин С. Б.* Германо-турецкая миссия в Афганистане в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 10. С.99–114.

бы они по-прежнему могли рассматривать себя как ее настоящие творцы и распространители»[1].

Эти слова Оппенгейма остались скорее пожеланием — хотя сотрудничество двух сторон в сфере пропаганды осуществлялось, оно никогда не укладывалось в описанную немецким дипломатом модель. Тем не менее идея о том, что Османская империя не является самостоятельным игроком и что за ее призывом к джихаду (и за ее пропагандой, направленной на мусульман) стоит Германия, стала одной из определяющих для антиосманской пропаганды Великобритании и Франции.

Ключевой фигурой немецко-османских отношений накануне и в годы Первой мировой войны являлся военный министр и один из руководителей Османской империи Энвер-паша, приложивший немало усилий для заключения военного союза с Германией. Впоследствии его обвинят в том, что он втянул Османскую империю в войну, закончившуюся для нее поражением и коллапсом. Однако в 1914 г. исход войны не был ясен, а союз с Германской империей являлся в тот момент дипломатической победой османов, позволившей Османской империи выйти из международной изоляции и получать от Берлина на протяжении всей войны финансовую, экономическую и военную помощь[2]. Другие дело, что османы надеялись, используя преимущества союза с немцами, как можно дольше оставаться вне войны, что, естественно, совершенно не соответствовало стратегии немцев в отношении Османской империи.

Поскольку немцы возлагали большие надежды на инструментализацию джихада, последний становится предметом обсуждения и торга между османами и немцами. Призыв к джихаду не только влек за собой множество последствий, не все из которых могли принести пользу османам и их союзникам, но и был связан с рядом трудностей, в частности он должен был носить избирательный характер, так как Османская империя выступала в союзе с одними европейскими державами против других европейских держав. Обращая внимание именно на это обстоятельство, Энвер накануне вступления Порты в войну сказал Вильгельму II, что объявление джихада было бы неблагоразумным, и предложил вместо этого, чтобы султан-халиф призвал поднять восстание всех мусульман, находившихся под властью британцев, французов и русских. Как полагает исследователь Мустафа Аксакал, Энвер в это время не вы-

---

[1] *Epkenhans T.* Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // Archivum Ottomanicum. 2001. № 19. S. 123.

[2] *Aksakal M.* Holy War Made in Germany? Ottoman Origins of the 1914 Jihad // War in History. 2011. № 18 (2). P. 196.

ступал против объявления джихада, но эксплуатировал одномерное понимание джихада (как оружия, которое можно было активизировать по сигналу султана-халифа) Вильгельмом II[3].

14 ноября 1914 г. шейх-уль-ислам Османской империи Угрюплю Мустафа Хайри Эфенди выступил с пятью фетвами, в которых объявил Великий джихад России, Англии и Франции, а участие в нем — индивидуальной обязанностью «живущих по всей земле мусульман»[4]. Особое внимание акцентировалось на том, что «все мусульмане, находящиеся под властью этих правительств, обязаны присоединиться к джихаду и поскорее напасть на них»[5]. Напротив, «борьба против высокого исламского правительства и поддерживающих его Германии и Австрийской империи» объявлялась большим грехом, заслуживающим мучительного наказания[6].

С двумя обращениями к подданным выступил и султан-халиф Мехмед Решад, в одном из которых он объявил, что Османская империя находится в состоянии войны с Россией, Францией и Англией, а в другом, предназначенном армии и флоту, призвал солдат броситься как львы на врага, «потому что не только существование нашей империи, но и жизнь и будущее трехсот миллионов мусульман, которых я в священной фетве призвал (к Великому джихаду. — *С. Ш.*), зависят от вашей победы»[7]. Энвер, как представитель верховного командования, также обратился с воззванием к армии. Речь Энвера, в которой он призвал солдат к жертвенному мужеству, была наполнена отсылками к исламу и подвигам «славных предков»[8].

---

[3] *Aksakal M.* Holy War Made in Germany? Ottoman Origins of the 1914 Jihad // War in History. 2011. № 18 (2). P. 196.

[4] Kriegsurkunden. Funf Fatwas osmanischer Geistlicher zur Kriegserklarung des Kalifen // Die Welt des Islams. Band III. 1915. Heft 1. S. 3.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] Ibid. S. 9.

[8] В то же время секретные донесения российских генеральных консулов в Багдаде, Иерусалиме, Дамаске, Эрзеруме, Конье, а также российского посла в Константинополе показывают, что призывы к джихаду против России (в том числе от имени шейх-уль-ислама), а также попытки турок и немцев организовать восстания в Персии и на российском Кавказе начались уже в августе — сентябре 1914 г. Так, российский посол в Константинополе Гирс в донесении от 25 сентября 1914 г. сообщал о своем разговоре с великим везиром «по поводу прокламации — писем шейх-уль-ислама»: «Я объяснился с Великим Везирем, настаивая на немедленном прекращении агитации духовенства против нас. Защищая Шейх-уль-Ислама, который, по его мнению, человек умеренный и благоразумный, именем коего могли, однако, воспользоваться без его ведома, Великий Везирь обещал произвести следствие и, во всяком случае, принять меры к обузданию агитации» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 55. Т. 2. Л. 568.).

Частью публичного сценария в день объявления джихада стали торжественные шествия и выступления официальных лиц перед посольствами Германской империи и Австро-Венгрии в Стамбуле. В своей речи, произнесенной перед посольством Германии, доктор Назим-бей, один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс», выразил удовлетворение тем, что Германская и Австро-Венгерская империи вступают в войну против общего врага вместе с Османской империей: «Его величество император Германии во время его посещения Иерусалима сказал, что он является другом и помощником трехсот миллионов мусульман, проживающих на земле. Теперь серьезность этих слов подтверждается действиями. Так или иначе османская армия, участвуя в войне вместе с героическими немецкой и австрийской армиями, защитит права трехсот миллионов мусульман»[1].

Эти мероприятия, которые должны были продемонстрировать общественный подъем и солидарность мусульман, откликнувшихся на призыв халифа, произвели двойственное впечатление на немцев и австрийцев, которые являлись одновременно и их участниками, и наблюдателями. И те и другие, однако, вряд ли догадывались, что адресатами этого действа с элементами театрализации не в меньшей степени, чем османская публика, являлись они сами.

Позднее, в октябре 1915 г., спустя почти год после торжественного провозглашения шейх-уль-исламом и султаном-халифом джихада врагам Османской империи, на протяжении которого османская и германская пропаганда не раз призывала мусульман к восстанию, Энвер высказал скепсис по поводу эффективности этих призывов. Вангенгейм сообщал в своей телеграмме, что «Энвер рекомендует отказаться от пропаганды священной войны или от принесения присяги»[2]. Вангенгейм изложил также видение Энвером перспектив восстаний в мусульманских странах против Антанты, упомянув среди них и Кавказскую Грузию, «где российское влияние давно и глубоко укоренилось», поэтому у местных движений мало шансов: «Если турецкая армия придет в страну, люди охотно выступят. А до тех пор они будут сохранять спокойствие, так как боятся русских»[3]. Такая же ситуация была, по мнению Энвера, в Индии, Египте и Тунисе. Напротив, в Персии и Афганистане шансы для восстаний оценивались им как благоприятные. «Как только здесь

---

1 *Kol M.* Birinci Dunya Savaşı'nda psikolojik bir operasyon olarak Cihad-ı Ekberilanı. İstanbul Bilgi Universitesi.Yuksek lisans tezi. İstanbul, 2017. S. 102.

2 BArchivP, AA. F 62323. L 367758.

3 Ibid.

вопрос об оружии решится, можно надеяться на избавление от британского и российского влияния», — отмечалось в документе[4]. Благоприятными возможности для осуществления восстаний представлялись Энверу также в Бенгази, Триполи и Марокко. Поэтому Энвер предлагал как можно быстрее доставить оружие в Марокко и упорядочить финансирование сопротивления в Бенгази и Триполи[5].

Вряд ли данная позиция Энвера объясняется тем, что он сомневался в эффективности джихада, к нему и исламской солидарности он мог апеллировать и без немецкой помощи. Немцев он рассматривал как источник получения оружия и денег и убеждал их в том, что помощь тем и другим гораздо эффективнее призыва к «священной войне».

Энвер впервые увидел и смог оценить мобилизующие возможности ислама во время войны с итальянцами в Ливии, в которой он принял непосредственное участие. Энвер был женат на племяннице императора Мехмеда V и, оказавшись в Ливии, с удивлением осознал, какое влияние на арабов он приобрел благодаря этому родству[6]. «Настроение арабов растет изо дня в день. Неожиданное прибытие родственника халифа произвело на них большое впечатление… — писал Энвер в то время[7]. — Удивительно, что я могу назначать так просто губернаторов. Но я делаю это только как зять султана и посланник халифа, отдающий приказы… Мои родственные связи с династией имеют здесь огромное значение. Арабы не знают Энвер бея, так называемого «Героя свободы», или даже майора генерального штаба Энвер бея; они уважают зятя халифа, представляющего здесь султана»[8]. Однако опыт ливийской кампании показал Энверу не только то, что можно достичь многого с ограниченными ресурсами, но и то, что в условиях дефицита мобилизационных ресурсов невозможно победить.

Идеи, транслируемые Энвером осенью 1915 г., были созвучны настроениям, постепенно возобладавшим в немецких военных и дипломатических кругах. Надежды немцев на «глобальное» восстание мусульман или, в крайнем случае, на многочисленные локальные восстания, разделявшиеся многими из них в начале войны, сменились к 1916 г. разочарованием и потерей веры в пропаганду джихада. О неэффективности

---

4 BArchivP, AA. F 62323. L 367758.
5 Ibid. L 367758–367759.
6 *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018. С. 25.
7 *Enver Pascha.* Um Tripolis: Feld-Ausgabe. Munchen, 1918. S. 12.
8 Ibid. S. 15.

этой пропаганды немецкие дипломаты и военные писали в конце войны и после ее окончания почти так же единодушно, как до войны выражали веру в ее силу.

Лиман фон Сандерс в своих мемуарах, изданных в 1919 г., назвал несколько причин, по которым надежды турецкого правительства (а также Германии, хотя он прямо не пишет об том) повлиять на мусульман во всем мире через призыв их к «священной войне» были обмануты. Он полагал, что в одних случаях этот призыв оказался не нужен («Для глубоко религиозных анатолийских солдат, — писал он, — не было необходимости в священной войне; они и без этого храбро и доверчиво шли на смерть за своего падишаха»[1]), а в других — не подействовал (в частности, Лиман заметил, что «священная война не могла устранить глубоко укоренившиеся противоречия между арабами и турками»[2]).

Признавая неудачу объявленной Турцией «священной войны», Лиман тем не менее считал, что в продолжавшемся противостоянии Турции с европейскими державами ислам может сыграть гораздо более значимую роль: «Теперь никакие союзные христианские государства больше не помогают Турции как тогда (в годы Первой мировой войны. — *С. Ш.*), что делало с самого начала неправдоподобной сильную, вовне выходящую деятельность ислама. Теперь для Турции речь идет только о христианских врагах, и это может привести к последствиям, которые, по-видимому, не были должным образом оценены Антантой»[3].

Немецкий ориенталист и дипломат Карл Шабингер также писал в своих воспоминаниях, что он «в то время (в 1914 г. — *С. Ш.*) и позже немногого ожидал от «священной войны»[4].

Взгляд, согласно которому усилия немцев, а также их османских союзников, направленные на инструментализацию ислама, потерпели неудачу, был принят и большинством западных исследователей. Однако, если рассматривать влияние ислама на участников глобального конфликта не с точки зрения несбывшихся немецких планов, а в более широком контексте, то выводы не будут столь однозначными. В годы войны происходили восстания мусульман (правда, самое крупное из них, поднятое в июне 1915 г. шерифом Мекки Хусейном, было направлено против Османской империи), а также акты неповиновения и дезертир-

---

1 *Liman von Sanders O.* Funf Jahre Turkei. 1919. Berlin: Avgust Scherl, S. 48.
2 Ibid. S. 48.
3 Ibid. S. 50.
4 *Schabinger von Schowingen K. E.* Weltgeschichtliche Mosaiksplitter: Erlebnisse und Erinnerungen eines kaiserlichen Dragomans. Baden-Baden, 1967. S. 108.

ства в мусульманских подразделениях Британии и Франции, иногда — под воздействием османо-немецкой пропаганды. Еще более важно, что на протяжении всей войны (и даже после ее окончания) в правящих кругах Великобритании, России и Франции существовали страхи и опасения по поводу лояльности их мусульманских подданных, которые непосредственным образом влияли на принимаемые ими политические и военные решения. Юджин Роган в своей прекрасной работе «Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920» показывает, как опасения того, что мусульмане откликнутся на османский призыв к джихаду, и страх потерять престиж в мусульманском мире заставляли Великобританию все сильнее втягиваться в войну на Ближнем Востоке.

Не следует недооценивать мобилизующий потенциал ислама ни до 1918 г., когда Османская империя на протяжении почти четырех лет противостояла трем сильнейшим державам, ни после указанного года, когда Мустафа Кемаль возглавил движение сопротивления, в основе идеологии которого находилась скорее религиозная, чем этническая или национальная идентичность[5].

3. Германская и османская пропаганда в Египте в период Первой мировой войны

После вступления Османской империи в войну и объявления султаном-халифом Великого джихада странам Антанты Египет становится ключевой целью в османской и немецкой пропаганде джихада. Восстание в Египте, как рассчитывали в Берлине, могло вызвать «эффект домино» и привести к восстаниям во всем мусульманском мире. Хотя Османская империя в ходе итало-турецкой (1911–1912) и балканских (1912–1913) войн официально не объявляла джихад, она все более активно стремилась к использованию ислама в качестве идеологического и мобилизационного ресурса. Борьба за этот ресурс становится частью многомерного противостояния Германии и Великобритании на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которое с началом Первой мировой войны выходит на новый уровень. Египетские мусульмане стали одновременно и зрителями, и участниками этой борьбы. Совмещение

[5] *Aksakal M.* The Ottoman Empire // Gerwarth R., Manela E. Empires at War: 1911–1923. Oxford, 2014. P. 32.

локальной и глобальной перспективы позволит не только проанализировать пропагандистские и военные усилия османов и немцев, целью которых являлась одновременная подготовка восстания в стране и османского наступления на Египет, но и то, как эти усилия воспринимались по другую сторону Суэцкого канала, в Египте.

2 августа 1914 г. был подписан тайный договор между Османской и Германской империями, спустя три месяца, 30 октября 1914 г., Османская империя вступила в войну со странами Антанты на стороне Тройственного союза. Вместе с Великобританией войну Османской империи объявило правительство Египта, который с 1882 г. де-факто был протекторатом Великобритании. Это событие означало для египтян не только то, что их страна вовлекается в военное противостояние с Османской империй, но и то, что потенциально может возникнуть ситуация, в которой им придется выбирать между сохранением лояльности Великобритании и поддержкой османов. При всех сложностях османо-египетских отношений многим казалось очевидным, какой выбор сделают египтяне.

Ситуация выбора пока была чисто гипотетической, на практике речь шла о потенциале недовольства британским правлением в Египте и возможности его использования против Великобритании.

Документы российского генерального консульства в Каире из Архива внешней политики Российской империи в какой-то мере дают возможность отследить динамику настроений в египетском обществе, реакции египтян на действия (или бездействие) египетских и британских властей, на события, происходящие внутри Египта и на различных фронтах войны, а также на османо-немецкую пропаганду. В то же время следует учитывать, что взгляд российского посланника в Каире[1] — это взгляд со стороны, взгляд избирательный и часто слишком обобщенный. Российский дипломатический представитель описывал ситуацию в Египте в рамках принятого в то время в Европе дискурса об исламе и мусульманах, неотъемлемой частью которого было, в частности, признание «мусульманского фанатизма» и страх перед ним.

Хотя Египет занимал важное место в стратегии Берлина в годы Первой мировой войны, в западной историографии данной теме посвящено

[1] В годы Первой мировой войны генеральным консулом и дипломатическим агентом Российской империи в Египте был Алексей Александрович Смирнов (1857–1924), востоковед и крупный дипломат, ставший последним царским посланником в Египте (*Беляков В. В.* И это все о нем. Штрихи к портрету А. А. Смирнова // Восточный архив. 2009. № 1 (19). С. 64–65).

сравнительно небольшое число специальных исследований[2]. Политика Германии в отношении Египта, как правило, рассматривалась в общих работах, посвященных немецкой и османской политике (и пропаганде) на Ближнем Востоке[3], а также Первой мировой войне в регионе[4]. Российские исследователи фокусировали свое внимание прежде всего на изучении военно-политической активности османов и немцев в годы Первой мировой войны в Индии, Иране, Афганистане[5].

Османское наступление на Египет: военная мобилизация и исламский призыв

Историки, занимающиеся изучением Османской империи, рассматривают войну и запущенные ею процессы в другой, более длительной перспективе, не укладывающейся в принятые хронологические рамки Первой мировой войны. Отличие конфликта, в который вступила Османская империя в 1914 г., — в масштабе и уровне рисков. Младотурки понимали, что начавшаяся в 1914 г. война, в которую были втянуты все ведущие европейские державы, на протяжении предшествующих десятилетий превратившие Османскую империю в полуколонию и существенно урезавшие ее границы, могла закончиться исчезновением всей империи.

Времена, когда османские войска стояли у стен Вены, а громадная Османская империя была источником страхов для европейских народов и государей, остались в далеком прошлом. Многие процессы, которые происходили в Османской империи в XIX и начале XX в., определялись логикой «сжимающейся империи». Однако опыт младотурок убеждал их в том, что необходимо военным путем отстаивать границы империи. Война рассматривалась младотурецким руководством как единственный способ самосохранения империи, однако в их рассуждениях

---

[2] *Oberhaus S.* Des Kaisers Heiliger Krieg. Die deutsche Propagandastrategie im Orient wahrend des Ersten Weltkrieges am Beispiel Agypten // Journal For Intelligence, Propaganda And Security Studies, Vol. 1, No. 2/07 (Graz). 2007. S. 1–20.

[3] *Lüdke T.* Jihad made in Germany. Ottoman and German propaganda and intelligence operations in the First World War. Berlin, 2005; *McKale D. M.* War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I. Kent, 2008; *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

[4] *Woodward D. R.* Hell in the Holy Land: World War I in the Middle East. Lexington, 2006.

[5] *Васильев А. Д.* Османская разведка и национально-освободительное движение в Индии в годы Первой мировой войны // Vitaleus: Сб. ст. в честь юбилея В. И. Шеремета. М.: ИВ РАН, 2010. С. 65–75; *Панин С. Б.* Германо-турецкая миссия в Афганистане в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 99–114.

и планах присутствовала и идея мести европейским державам, и ирредентистский мотив возвращения утраченных территорий, на которых проживали мусульмане, и идея экспансии, которая легитимировалась двумя конкурирующими и одновременно дополняющими друг друга дискурсами — панисламистским и пантюркистским.

Столкнувшись с возрастающим давлением европейских держав и ростом национализма среди христианских народов Османской империи, Абдулхамид II обратился к исламской политике в попытке защитить империю от внутренних и внешних угроз. Концепция халифата и титул халифа[1], который османские султаны носили с 1517 г., все более активно стали использоваться как инструменты внешней политики и внутренней консолидации[2]. Младотурки, отстранившие от власти Абдулхамида II и во многом подорвавшие престиж султана-халифа в глазах мусульман не только в Османской империи, но и за ее пределами, не собирались отказываться от использования ислама, рассматривая его как важный мобилизационный ресурс и как несущую конструкцию империи, ядро которой в результате войн и переселений становилось все более гомогенным и все более мусульманским.

В европейской прессе, в дипломатических и научных кругах возникла дискуссия о халифате, и в частности о праве халифа провозглашать джихад. С началом XX в. вопрос о халифате становится предметом англо-германского соперничества[3]. Не нужны были большие усилия, чтобы сформулировать идею о возможности использования ислама в качестве политического инструмента в противоборстве европейских держав друг с другом.

Европейские востоковеды, писатели и колониальные авантюристы коллективно готовили дискурс «священной войны». В то же время накануне Первой мировой войны джихад уже утвердился в мусульманских националистических дискурсах как «народная война» против европейских/христианских колонизаторов. Таким образом, джихад, провозглашенный в ноябре 1914 г., не был чем-то неожиданным[4]. Главный вопрос

---

[1] Подробнее об исламской концепции халифата и эволюции халифата как политического института см.: *Бартольд В. В.* Халиф и султан: Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 15–78; *Сюкияйнен Л.* Р. Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате // Право. 2016. № 3. С. 185–205.

[2] *Caesar E. F.* Great Breat, German and the Ottoman Caliphate // Der Islam. 1989. Vol. 66, № 2. P. 264.

[3] Ibid.

[4] *Yenen Alp.* Legacies of Jihad 100 Years after World War I // Gingko Library Blog. 2014. № 14. URL: https://edoc.unibas.ch/40784/

заключался в том, каковы будут последствия провозглашенного джихада, в особенности с учетом того, какую роль в его пропаганде сыграла Германская империя.

Еще до вступления Османской империи в войну германское Верховное командование рассматривало Египет как одно из приоритетных направлений для наступления османских войск. Берлин высказывался за нападение на британские позиции в Суэцком канале, чтобы прервать морское сообщение Великобритании с ее заморскими владениями и сыграть на враждебном отношении египтян к британским оккупантам. Кайзер и его военачальники надеялись, что такими дерзкими ударами по Антанте османы смогут воодушевить мусульман в Азии и Африке, и те откликнутся на призыв к джихаду[5].

Однако, несмотря на очевидную заинтересованность немцев в наступлении османских войск на Египет, это наступление нельзя рассматривать только в контексте выполнения «союзнических обязательств» Стамбула перед Берлином. У младотурок были свои планы в отношении Египта, которые не всегда согласовывались с Берлином, а нередко вступали в прямое противоречие с планами немцев.

Египет, формально остававшийся османской провинцией, с 1882 г. был оккупирован Великобританией. Хотя у Стамбула не было ресурсов для того, чтобы оказывать влияние на процессы, происходившие в Египте, египетский хедив назначался османским султаном и формально был подчинен ему. Между Стамбулом и Каиром сохранялись религиозные связи, а в египетском обществе — память об османском владычестве и османской мощи.

Ни одно османское правительство никогда не отказывалось от суверенитета над Египтом и прав, которые перечислялись в фирманах о введении в должность египетских хедивов[6]. Назначение в 1913 г. великим визиром Саида Халим-паши, члена египетской правящей семьи, имевшего тесные связи с арабскими интеллектуалами, демонстрировало то, что партия «Единения и прогресс» серьезно относится к идеологии панисламизма, которая должна была обеспечить лояльность арабов имперскому центру. Одновременно этот шаг показывал стремление младоту-

---

[5] *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018. С. 85.

[6] *Ahmad F.* The Dilemmas of Young Turk Policy, 1914–1918 // War and collapse: World War I and the Ottoman State / ed. by M. Hakan Yavuz with Feroz Ahmad. Salt Lake City, 2016. P. 71.

рок к усилению связей с Египтом[1]. Поэтому, вопреки их более поздним заявлениям, османские правители всерьез планировали захватить Египет, и эти планы были важным компонентом их политики джихада[2]. Египет волновал политическое воображение Энвера и Джемаля: возможный успех планируемого наступления на Египет и последствия этого успеха перевешивали в их глазах многочисленные трудности, которые нужно было преодолеть для подготовки египетской экспедиции. Впрочем, и в османском руководстве были те, кто считал, что ограниченные ресурсы империи надо направить на защиту ее границ, а не на попытки вернуть утраченные земли. Этой точки зрения придерживался, в частности, упомянутый выше Саид Халим-паша. Обращаясь к Энвер-паше и отвергая его экспансионистские устремления, он говорил: «Я прошу вас отказаться от завоевания Турана и Египта и стремления к Триполи, Тунису, Алжиру и т. д.»[3].

Назначенный командующим 4-й армией Джемаль-паша не только верил в возможность завоевания Египта, но и с первых же дней своего пребывания в Сирии направил всю свою энергию на организацию египетской экспедиции. Поражения, которые с 1908 г. потерпела Османская империя, привели к падению ее престижа среди арабского населения Сирии. Поэтому Джемаль-паша был убежден, что победа в Египте, в подавляющем большинстве населенном арабами, повысит престиж «османского мира», окажет положительное влияние на реформы, проводимые в Сирии, и усилит лояльность арабов к империи[4].

Несмотря на различие в подходах к египетской экспедиции в стратегических планах немцев и османов, важнейшим фактором, от которого зависел исход всей операции, и те и другие считали восстание египтян против британского правления.

Пропаганда джихада, организованная по указанию Джемаль-паши в Сирии для мобилизации арабских и турецких солдат, оказалась достаточно эффективной. Однако организовать такую же пропаган-

---

1 *Behlül Ö.* Ottomanism and the Ottoman Vatan (1908–1918) // War and collapse: World War I and the Ottoman State / ed. by M. Hakan Yavuz with Feroz Ahmad. Salt Lake City, 2016. P. 237.

2 *Talha Çiçek M.* The Holy War in Syria: Cemal Pasha and the Ottoman Plan to conquer Egypt in the First World War // War & Society. 2016. Vol. 35, № 1. P. 40.

3 *Behlül Ö.* Ottomanism and the Ottoman Vatan (1908–1918). // War and collapse: World War I and the Ottoman State / ed. by M. Hakan Yavuz with Feroz Ahmad. Salt Lake City, 2016. P. 237.

4 *Talha Çiçek M.* The Holy War in Syria: Cemal Pasha and the Ottoman Plan to conquer Egypt in the First World War // War & Society. February 2016. Vol. 35, № 1. P. 40.

ду в закрытом британцами Египте было невозможно. В этой ситуации особое значение имела организация пропаганды и поиск союзников на территориях, граничащих с Египтом, в частности в Судане и Триполи. Поскольку колониальные державы подвергали цензуре новости обо всех действиях мусульман в Марокко, Триполи, Тунисе, Сомали, Судане, даже османское правительство не могло знать о том, как мусульмане откликнулись на призыв к джихаду[5]. Немцы и османы в течение всей войны должны были решать две задачи, свидетельствовавшие о структурных проблемах в немецкой и османской пропаганде: получение актуальной информации о событиях в мусульманских колониях стран Антанты и поиск путей распространения собственной пропаганды на этих территориях.

Энвер-паша надеялся привлечь к джихаду султана Дарфура Али Динара. 3 февраля 1915 г. Энвер-паша направил Али Динару письмо, в котором призвал последнего присоединиться к джихаду, объявленному османским султаном-халифом[6]. Расчеты Энвер-паши оправдались: 22 апреля 1915 г. Али Динар объявил о своей полной независимости, отказавшись платить налоги британской колониальной администрации в Хартуме[7], присоединившись к османскому джихаду. Это был серьезный успех для османов и немцев — стратегия джихада начала приносить первые результаты.

Определенную опасность для британцев представляли и отряды суфийского ордена сенуситов[8] на западной границе Египта. Британцам удавалось какое-то время поддерживать мирные отношения с влиятельным главой этого ордена Сайидом Ахмадом аш-Шарифом ас-Санусси, но в конечном итоге последний встал на сторону османов. Для того чтобы привлечь Сайида Ахмада к джихаду и повысить боеспособность сил ордена сенуситов, в марте 1915 г. в Ливию отправилась миссия из 20 османских офицеров во главе с Нури-беем, братом Энвер-паши[9].

В лице Сайида Ахмада британцы столкнулись с серьезным противником, тем более что он смог при османо-немецкой помощи значительно повысить боеспособность подчиненных ему племен. «Враги наши

---

5 *Çabuk M.* Cihan Harbi'nde Sudan'daki Osmanlı Faaliyetleri ve Şeyhülislam'ın Cihat Mektubu // Türkiyat Mecmuası. 2017. C. 27/1. S. 108.

6 Ibid. S. 107.

7 Ibid.

8 О деятельности сенуситского религиозно-политического ордена см.: *Егорин А. З., Миронова Г. В.* Сенуситы в истории Ливии. М., 2006.

9 *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018. С. 182.

не теряли времени и с помощью немецкого золота и турецких инструкторов успели за последнее время создать на западной границе Египта боевые силы, с которыми англичанам нельзя будет не считаться», — отмечал российский посланник в Каире[1]. В ситуации сохраняющейся угрозы османского наступления в направлении Суэцкого канала британцы не могли допустить разрастания антиколониальных движений в непосредственной близости от Египта. Тем более они не могли допустить, чтобы движения сенуситов и Али Динара объединились и организовали (при содействии немецких и османских агентов) совместное наступление на Египет и Судан.

Поэтому в начале марта 1916 г. англо-египетские войска перешли границу Дарфура и заняли целый ряд колодцев, лишая тем самым Али Динара возможности для наступления на Судан. Еще одним успехом англо-египетских войск, о котором было сообщено египетскими газетами, стало занятие города Эль-Фашер.

Немцы надеялись получить максимальный пропагандистский эффект от выступления Али Динара. В немецкой радиотелеграмме, перехваченной британцами, сообщалось о том, что «имам Дарфура объявил священную войну против Англии. Имам с войсками и 8000 верблюдов уже идет на восточный Судан. Он отбросил встретившиеся ему британские силы и полагает наступать в согласии с Сенусси. Сообщение о победе англичан над войсками Имама совершенно ложно. Английские силы в полном бегстве направляются к Нилу»[2]. Британские власти опубликовали текст данной радиотелеграммы в египетских газетах в качестве «яркого примера германских вымыслов»[3].

Британская колониальная администрация в Судане при поддержке египетских колониальных сил подавила восстание Али Динара, сам он 6 ноября 1916 г. погиб в битве при Джебель-и Джуба. Однако мусульмане в Судане в таких местах, как Мункула и Нубийские горы, продолжали бороться против британского колониального правления до конца 1917 г.[4]

Ценную помощь османам и немцам могли оказать египетские националисты, которые находились в эмиграции в Европе и Османской империи. Египетские националисты, с которыми контактировал Джемаль-

---

1 Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Каир. Л. 3031.

2 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Каир. Л. 250.

3 Там же.

4 *Çabuk M.* Cihan Harbi'nde Sudan'daki Osmanlı Faaliyetleri ve Şeyhülislam'ın Cihat Mektubu // Türkiyat Mecmuası. 2017. C. 27/1. S. 108.

паша, сообщили ему, что египтяне будут помогать османским войскам всеми возможными способами, а также уверили его в том, что, как только первый османский солдат появится перед каналом, весь Египет восстанет против Великобритании как один человек[5]. Хотя это были, вероятно, всего лишь те слова, которые Джемаль-паша хотел услышать от них, он поручил Эшрефу Кушчубаши заниматься пропагандой с целью подстрекательства такого восстания[6].

Эшреф Кушчубаши принадлежал к организации Тешкилят-и Махсуса («Специальной организации»), которая возникла во время войны в Ливии и являлась «личной» спецслужбой Энвер-паши. Перед этой организацией была поставлена задача «революционизации» исламских областей в сирийско-египетском пограничном районе и на Кавказе[7]. Кроме того, по указанию Энвер-паши в военном министерстве был образован «центральный офис исламского движения», который должен был координировать с немцами проведение панисламских акций[8]. Опыт партизанской войны, полученный многими османскими офицерами в ходе войны в Триполи, теперь мог быть использован в ходе противостояния британцам в Египте. Уже в начале сентября 1914 г. Энвер-паша, который участвовал в Триполи, изложил Курту Прюферу — немецкому дипломату, прибывшему в Стамбул для организации разведывательной и пропагандистской службы на Ближнем Востоке, план партизанской войны в Египте и принятые меры по его осуществлению. План предусматривал, в частности, атаки небольших групп во главе с турецкими или египетскими офицерами на военные посты, железные дороги, телеграфы и суда, а также распространение листовок[9].

Хотя немецкая стратегия «революционизации» Египта не сильно отличалась от того, что предлагал Энвер, проблема заключалась в согласовании действий и осуществлении руководства — Энвер, готовый принимать помощь немцев и делиться информацией с ними, всегда стремился к тому, чтобы контроль за любой акцией находился в его руках. Немецкая стратегия исходила из необходимости совместных дей-

---

5 *Talha Çiçek M.* The Holy War in Syria: Cemal Pasha and the Ottoman Plan to conquer Egypt in the First World War // War & Society. 2016. Vol. 35, №. 1. P. 43.

6 Ibid.

7 *Oberhaus S.* «Zum wilden Aufstande entflammen»: Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges. Düsseldorf. 2006. S. 182.

8 *McKale D. M.* War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I. Kent, 2008. Reviewed by Wolfgang, G. Schwanitz. P. 2.

9 *Prüfer C.* Germany's covert war in the Middle East: espionage, propaganda and diplomacy in World; edited and translated by Kevin Morrow. London: I. B. Tauris, 2018. P. 17.

ствий турок, египетских националистов и бывшего египетского хедива Аббаса II Хильми под «верховным руководством» Берлина.

Османская пропаганда обращалась к панисламистскому дискурсу, представляя войну как джихад против неверных[1]. Османские соединения, посланные для вторжения в Египет, были изображены на почтовых марках как Исламская армия Египта, спаситель завоеванных земель[2]. Важным элементом османской пропаганды являлась апелляция к образу халифа — символу, укорененному в историческом сознании мусульман. В своем письме, написанном в апреле 1915 г. в виде фетвы, шейх-уль-ислам Османской империи Угрюплю Мустафа Хайри Эфенди призывал мусульман Судана присоединиться к джихаду, объявленному халифом: «Глава верующих (Emirьl Mьminin) приказал начать джихад. В этом случае мы будем бороться или нет?»[3] — вопрошал шейх-уль-ислам в своем послании. В другом месте письма Мустафа Хайри Эфенди снова легитимировал идею войны через обращение к концепту «Главы верующих» — «Шейх-уль-ислам»: Кто нашу нацию (milletimize)[4] (мусульман) поддерживал? Глава верующих поддерживал. Кто главу верующих поддерживает, поддерживает ислам. Это приказ Главы верующих — ничего из имеющегося в вашей стране не давайте французам, англичанам и русским. Потому что они враги Аллаха. Враги мусульман»[5].

---

1 *Talha Çiçek M.* The Holy War in Syria: Cemal Pasha and the Ottoman Plan to conquer Egypt in the First World War // War & Society. 2016. Vol. 35. № 1. P. 50.

2 *Aksakal M.* The Ottoman Empire // The Cambridge History of the First World War. Ed. by Jay Winter. Chapter 17. Oxford: Cambridge University Press. 2014. P. 473–474.

3 *Çabuk M.* Cihan Harbi'nde Sudan'daki Osmanlı Faaliyetleri ve Şeyhülislam'ın Cihat Mektubu // Türkiyat Mecmuası. 2017. C. 27/1. S. 120.

4 Мустафа Хайри Эфенди в основном использовал в своей фетве понятие «мусульманские общины» (и «суданская община»), но один раз употребил в отношении мусульман (речь, очевидно, шла о всех мусульманах) понятие «нация» («millet»). Впрочем, смысл понятия «милла» — одного из коранических терминов, которыми Мухаммад обозначал людей, объединенных по религиозному признаку, — менялся с течением времени. В Османской империи со 2-й половины XV в. термином «миллет» обозначались религиозные общины (греко-православная, армяно-григорианская и иудейская), официально признававшиеся государством и пользовавшиеся ограниченной автономией. В новое время слово приобрело значение «народ», «нация», сосуществующее со старым, кораническим (*Резван Е. А.* Милла // Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991. С. 165.). Вероятно, в двойственном значении использовал это понятие и Мустафа Хайри Эфенди, рассматривая всех мусульман как религиозную общину и одновременно как нацию. Таким образом можно было, обращаясь к ключевому для дискурса национализма понятию «нация», не подрывать, а укреплять концепт единой исламской общины-нации.

5 Ibid.

Мусульманское население сочувствовало военным усилиям турок до тех пределов, пока османская победа обещала улучшить условия или продвинуть местные повестки дня. Националистическая партия в Египте, например, активно сотрудничала с османами в их стремлении изгнать англичан из Каира. Мухаммед Фарид, лидер Националистической партии, надеялся на национальную революцию против британского правления и создание регионального альянса, поддержанного Германией, против трех держав Антанты[6].

Хотя египетские националисты, сотрудничавшие с немцами и османами, говорили о единстве египтян и их готовности вступить в борьбу с британцами, как только представится такая возможность, — и то и другое являлось явным преувеличением. Между декларируемым сочувствием египтян к Османской империи в войне с Антантой и действиями, направленными на ее поддержку, лежала большая дистанция. Панисламистский дискурс, который использовала османская пропаганда, сталкивался с дискурсами национализма. Право османского халифа говорить от имени всех мусульман (и объявлять джихад) оспаривалось другими мусульманскими лидерами, выступавшими с соответствующими фетвами (часто — по настойчивой просьбе со стороны британцев, французов и русских). Хотя египетские националисты, как и младотурки, стремились использовать мобилизующий потенциал ислама, конечные цели тех и других не совпадали. Происходивший в это время процесс национализации ислама проблематизировал универсалистскую идею единой исламской уммы.

Египет в военной стратегии Германской империи

2 августа 1914 г. был подписан немецко-османский тайный договор о союзе. Спустя три дня начальник немецкого Генерального штаба Гельмут фон Мольтке дал указание министерству иностранных дел «развязать» «исламский фанатизм»[7]. С августа 1914 г. Германия и Османская империя начали направлять пропагандистские материалы, агентов и деньги в колонии стран Антанты в Азии и Африке[8].

---

[6] *Aksakal M.* The Ottoman Empire // The Cambridge History of the First World War. Edited by Jay Winter. Chapter 17. Oxford, 2014. P. 474.

[7] *McKale Donald M.* War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I. Kent, 2008. Reviewed by Wolfgang G. Schwanitz. S. 2.

[8] *Çabuk M.* Cihan Harbi'nde Sudan'daki Osmanlı Faaliyetleri ve Şeyhülislam'ın Cihat Mektubu // Türkiyat Mecmuası. 2017. C. 27/1. S. 105.

Немецкое Верховное командование после начала войны утвердило стратегию, предполагавшую организацию восстаний в колониальных владениях противников Германской империи. Прежде всего речь шла об использовании союза с Османской империей и объявленного османским султаном-халифом джихада для «революционизации» находящихся под контролем стран Антанты частей мусульманского мира. Автором этой стратегии принято считать археолога и дипломата Макса фон Оппенгейма, который в октябре 1914 г. направил заместителю германского МИД Артуру Циммерману меморандум «О революционизации исламских областей наших врагов»[1]. В действительности возможность организации восстаний в колониях как средство ведения войны с Великобританией обсуждалась в военных и дипломатических кругах Германской империи на протяжении довольно длительного времени. Однако до начала войны немецкой дипломатией не было сделано почти никаких конкретных шагов для того, чтобы подготовить условия для реализации «стратегии восстания».

По мнению исследователя Сальвадора Оберхауса, данная глобальная стратегия — «революционизации» исламских областей стран Антанты в Азии и Африке — была принята немецким Верховным командованием в качестве реакции на необходимость вести войну на два фронта и одновременно противостоять Великобритании[2].

В меморандуме Оппенгейма, который представлял собой рамочную программу для организации восстаний в мусульманском мире, были обобщены и систематизированы предложения, инициативы и уже начатые действия, ранее обсуждавшиеся в МИД[3]. Египет являлся важнейшей целью глобальной стратегии Германской империи, в которой пропаганде отводилось не меньшее значение, чем планам военного наступления.

В своем меморандуме Оппенгейм писал о том, какие территории необходимо «революционизировать» в первую очередь для того, чтобы обеспечить победу Германии и союзных ей держав в войне. На пер-

---

[1] Интересно, что в своем меморандуме Оппенгейм использовал информацию, полученную от Энвер-паши. По одной из версий во время работы над меморандумом он напрямую контактировал с Энвером, однако, вероятнее всего, Оппенгейм получил доступ к переписке между Энвер-пашой и германским Генеральным штабом в соответствии с указанием Циммермана от 14 сентября 1914 г. (*Kon K.* Almanya'nın İslam Stratejisi Mimarlarından Max von Oppenheim ve Üç Memorandumu // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi. 2011. № 53. S. 239–240).

[2] *Oberhaus S.* «Zum wilden Aufstande entflammen»: Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges. Düsseldorf, 2006. S.10.

[3] Ibid. S. 39.

вом месте в выстраиваемой им иерархии целей располагались Египет и Индия. Успешные действия в отношении этих стран, полагал Оппенгейм, обеспечили бы не только выход Британии из войны, но и могли решающим образом повлиять на исход всей войны.

В упомянутом документе Оппенгейм посвятил Египту целую главу. В ней он подробно описывал положение в этой стране и предлагал меры, которые необходимо предпринять для сокрушения власти британцев в Египте.

Высоко оценивая работу, которая была проведена немцами для подготовки общего восстания в этой стране («отправка эмиссаров, распространение правдивых сообщений о положении на фронтах»[4]), Оппенгейм вместе с тем подчеркивал, что общего подъема в Египте следует ожидать только при победоносном продвижении турецкой армии в страну Нила. Другой важный тезис Оппенгейма состоял в том, что Турция самостоятельно, без немецкой помощи, не способна будет предпринять наступление на Египет.

Поскольку Оппенгейм был убежден во враждебности к Великобритании мусульманского населения Египта, одну из главных задач он видел в том, чтобы посредством пропаганды от имени султана-халифа усиливать эту враждебность, провоцируя волнения в стране.

Оппенгейм предлагал привлечь к планируемой операции бывшего хедива Египта Аббаса II Хильми. «Влияние, которым владеет хедив, у патриархально настроенного народа вопреки его плохим качествам не следует недооценивать. Его участие в акции в большой мере будет способствовать ее успеху»[5], — писал он.

В логике Оппенгейма пропаганда, какой бы успешной она ни была, не могла привести к общему восстанию в Египте, однако и наступление турецких войск на Суэцкий канал могло привести к восстанию в Египте только при проведении соответствующей пропагандистской работы среди населения. Само наступление османских войск рассматривалось им как важнейшая пропагандистская акция. «Если турецкие войска, возможно, во главе с хедивом и турецким верховным генералом, — утверждал Оппенгейм, — приблизятся к Суэцкому каналу, «священная война» разразится в стране Нила»[6].

---

[4] *Epkenhans T.* Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // Archivum Ottomanicum. 2001. № 19. S. 127.

[5] Ibid. S. 129.

[6] Ibid. S. 130.

Немецкое Верховное командование полагало, что даже в случае неудачи турецкого наступления на Суэцкий канал османская угроза Египту позволит блокировать там значительное число британских войск, которые, таким образом, не смогут быть переброшены в Европу. Фактически немцы и османы попытались использовать в отношении Египта комбинационную стратегию, в которой успех должны были принести совместные действия регулярных и нерегулярных (бедуины, отряды Санусия) сил, организация заговоров и диверсий, пропаганда. Каждый фактор в отдельности не мог подорвать позиции британцев в Египте, но все они вместе, как надеялось немецкое Верховное командование, могут привести к потере британцами Египта и, возможно, последующему коллапсу всей Британской империи.

Надежды на то, что после объявления джихада начнется всеобщее антиколониальное восстание мусульман, если и существовали, то довольно быстро развеялись. Отсутствие видимого эффекта от провозглашения джихада, затягивающаяся война и антигерманская пропаганда стран Антанты способствовали тому, что к осени 1914 г. произошло институциональное оформление немецкой пропагандистской деятельности на Востоке. В целом задача осуществления стратегии дестабилизации вменялась в обязанность Министерству иностранных дел (и специально созданной «Службе информации по Востоку»), которые работали в кооперации с отделением 3 b при Генеральном штабе армии[1].

В «Арабской секции» созданной в октябре 1914 г. «Службы информации по Востоку» работали несколько египтян: преподаватель факультета восточных языков в Берлинском университете доктор Ахмад Вали, известный идеолог панисламизма Шейх Абд аль-Азиз Шавиш и радикальный националист доктор Мухаммад Мансур Рифат[2]. Ранее проживавший в эмиграции в Швейцарии, Мансур Рифат был известен как радикальный сторонник независимости Египта, который враждебно относился не только к британцам, но и к османам. Одновременно Мансур Рифат являлся противником хедива Аббаса II Хильми и выступал за смену правящей в Египте династии. Он стал сотрудничать со «Службой информации по Востоку» в середине марта 1915 г. Для этого ему

---

[1] *Oberhaus S.* «Zum wilden Aufstande entflammen»: Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges. Düsseldorf, 2006. S. 135.

[2] *Ludke T.* (Not). Using Political Islam The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War I. Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zurcher. Leiden, 2016. P.84.

пришлось пойти на компромисс, опубликованные им в немецкой прессе статьи показывали цену этого компромисса — неизменная враждебность к британцам и горячая вера в самоуправление его народа после победы немецко-турецкого оружия совмещалась в них с демонстрацией преданности Высокой Порте и хедиву Аббасу Хильми[3].

Хотя Оппенгейм задумал «Службу информации по Востоку» как институт для сбора разведданных и использования этой информации в пропагандистских целях, именно пропагандистская деятельность все чаще становилась для нее основной. Первую задачу постепенно взяли на себя национальные комитеты, с которыми Оппенгейм установил контакты с августа 1914 г. Первоначально они состояли из «Комитета независимости Индии» (находился в Берлине) и «Молодых египтян» (Женева). Младоегиптяне были особенно полезны из-за их способности поддерживать связь с Египтом из нейтральной Швейцарии[4]. Национальные комитеты, естественно, ставили свои собственные цели (прежде всего, достижение независимости своих стран) выше целей Германии или Османской империи[5].

Во многом благодаря усилиям немецких дипломатов к сентябрю 1914 г. возникает коалиция с участием османов, египетских националистов и бывшего хедива Абасса II Хильми, главной целью которой стала подготовка восстания в Египте. Однако эта коалиция оказалась крайне хрупкой, а отношения ее участников всегда оставались напряженными по целому ряду причин (расходящиеся цели, взаимные претензии и борьба за лидерство, высокий уровень недоверия друг к другу).

Как уже упоминалось выше, в случае Египта немецкие дипломаты должны были заботиться не только о содержании пропагандистских материалов, но и о способах донесения пропаганды до населения Египта. В меморандуме Е. Захау, поступившем в германский МИД в начале сентября 1914 г., из-за нарастающих трудностей контрабанды пропагандистских брошюр в Египет предлагалось сделать ставку на распространение пропаганды «из уст в уста» («via voce»), создав для этого «антибританский центр агитации в Мекке». «Под руководством немецкой

---

[3] *Hopp G.* Zwischen allen fronten. Der ägyptische Nationalist Mansūr Rifat 1883–1926 in Deutschland // Ägypten und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert im Spiegel von Archivalien, ed. by Wageh Atek and Wolfgang Schwanitz. Cairo, 1998. S. 57.

[4] *Ludke T.* (Not). Using Political IslamThe German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War I. Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed.d by Erik-Jan Zurcher. Leiden, 2016. P. 87.

[5] Ibid. P. 86.

движущей силы, — писал он, — высокие исламские духовные лица должны быть завербованы в качестве эмиссаров, которые после их индоктринации продолжили бы ту пропаганду, которой паломники должны интенсивно подвергаться во время их паломничества»[1].

Стратегия «революционизации», которую немцы попытались осуществить в отношении Египта, исходила из ряда предпосылок, редко подвергавшихся сомнению, среди них — вера в возможность инструментализации джихада и ислама в целом; преувеличенные представления о единстве мусульман и однородности мусульманского мира (идеология панисламизма воспринималась как подтверждение этого единства); представления о глубокой религиозности всех мусульман (которая часто в восприятии европейцев отождествлялась с фанатизмом) и «воинственности» ислама. Вера в возможность использования ислама как «секретного оружия» подтолкнула немецкое руководство к союзу с османами. Однако по мере развертывания военных действий приходило осознание того, что идея о возможности с помощью относительно небольших усилий в периферийных зонах конфликта повлиять на исход войны была ошибочной.

В своей книге «Национализм и социальная коммуникация» Карл Дойч описал возникновение в результате индустриальной революции и массовой мобилизации качественно новых, более «плотных» систем коммуникации. Именно такая новая система социальных коммуникаций и обусловила, по его мнению, возникновение новых сообществ (наций), поскольку сделала возможной идентификацию индивида с социальной группой на основе общего прошлого, символов, языка и политических институтов[2]. Карл Дойч, создавая свою теорию, обращался прежде всего к европейскому опыту. Однако многие из описанных им процессов, свойственных модернизирующимся обществам, происходили и в Османской империи. Такие элементы технического прогресса, как телеграф, радио, газеты, кино, а также созданные по западной модели институты образования, государственного управления и армии, позволили создать более насыщенную систему социальных коммуникаций в Османской империи, даже при том условии, что эта система распространялась в основном на городское и образованное население. В годы войны эта система социальных коммуникаций помогла вывести на новый уровень и османскую пропаганду.

---

[1] *Oberhaus S.* «Zum wilden Aufstande entflammen»: Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges, Düsseldorf, 2006. S. 140.

[2] *Миллер А. И.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. С. 110–111.

Немецкое верховное командование полагало, что стратегия восстания (важным элементом которой являлась пропаганда) может быть осуществлена с использованием новейших технологий — транспортных и коммуникационных. Османское руководство, заключившее военный союз с Германской империей, также рассчитывало на возможность получения с ее стороны военной, экономической и технологической помощи. Железные дороги, военно-морской флот позволяли перебрасывать людей и ресурсы, газеты, радио и другие инструменты (в том числе набиравшие популярность средства визуальной пропаганды — кино, плакаты, фотографии) расширяли возможности для ведения пропаганды, однако у немцев, и тем более у османов, не было технологического превосходства над их противниками. Появление в небе над Египтом немецких дирижаблей произвело большое впечатление на египтян, однако это не решало структурных проблем, с которыми сталкивалась немецкая пропаганда (и стратегия восстания в целом) в Египте и других мусульманских колониях стран Антанты.

«Египет представляет собой сплошной военный лагерь». Если существовало место, где система глобальных транспортных коммуникаций, поддерживавших существование Британской империи, была наиболее уязвима, то этим местом являлся Суэцкий канал, рассматривавшийся и британцами, и их противниками как ахиллесова пята Британской империи.

Великобритания не могла допустить потери Египта и контроля над Суэцким каналом. Борьба за Египет, в которой помимо британцев, немцев и османов участвовало — на той или другой стороне — множество акторов, станет одним из самых напряженных и драматичных сюжетов войны на Ближнем Востоке.

Для наступления на Египет османам требовалось собрать не только большую армию, но и провести ее через безводную Синайскую пустыню, что было трудно осуществимым. Тем не менее сама угроза османского наступления заставляла британцев стягивать в Египет дополнительные силы, а также являлась фактором, повышавшим напряжение в стране. Сложность реализации наступательной операции в направлении Суэцкого канала не мешала распространению слухов о ней. Российский представитель в Каире сообщал в этой связи: «здесь, впрочем, ходили слухи, что из Эль-Ариша к Каналу строится железная дорога совершенно нового типа с переносными рельсами, что немцы изобрели какую-то машину, с помощью которой они могут добывать себе воду

даже в пустыне, что у них выработан хитрый план нападения на Канал, преграждения его и перехода на другой берег»[1]. Интересно, однако, что эти слухи не сильно искажали действительность: османы основательно готовились к египетской экспедиции. При помощи немцев они провели масштабные инженерные работы в Синайской пустыне, включавшие постройку железной дороги, рытье колодцев и другие мероприятия, направленные на логистическое обеспечение наступательной операции.

Британцы знали о готовящемся наступлении турецких войск на Суэцкий канал и предприняли целый ряд политических, полицейских и военных мер, направленных на защиту Египта и Суэцкого канала. Они сконцентрировали в Египте большой контингент колониальных войск, а сам Суэцкий канал защищала эскадра британских и французских кораблей. Тем не менее у Лондона были причины для беспокойства, главная из них состояла в отсутствии каких-либо гарантий того, что в условиях войны двенадцатимиллионное население Египта, большинство которого составляли мусульмане, сохранит лояльность британской власти.

Вступление Османской империи в войну, в которой Египет вместе с Великобританией оказался противником османов, создало множество правовых и политических коллизий, которые предстояло решить Лондону.

2 ноября 1914 г. командующий британскими войсками в Египте генерал Максвелл объявил осадное положение во всем Египте без ведома правительства Рушди-паши, правившего страной в отсутствие хедива на правах регента. Поводом для этого шага стало не только вступление в войну Стамбула, но и нападение арабских отрядов под предводительством турецких и германских офицеров на Эль-Араш[2].

18 декабря Британия объявила Египет своим протекторатом, на следующий день, 19 декабря, была издана прокламация, в которой объявлялось об отстранении от власти хедива Египта Аббаса II Хильми. Начавшаяся война дала британцам повод избавиться от амбициозного и непредсказуемого хедива, который назначался (пусть и формально) османским султаном. Поскольку в это время хедив находился в Стамбуле, британские власти запретили ему возвращаться в Египет. Хотя у Аббаса II Хильми были сложные отношения с младотурками, и турецкие

[1] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Л. 2912.

[2] *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1914–1915. М., 2002. С. 746.

лидеры, и немцы понимали, что бывший хедив может быть ценным союзником в ходе осуществления «стратегии восстания».

Вместо отстраненного хедива Аббаса II Хильми на престоле был утвержден принц Гуссейн Кемаль, который получил титул султана. Таким образом, глава Египта не только больше не зависел от османского султана, но и формально становился на одну ступень с ним. Однако если источником легитимности власти хедива в глазах египтян являлась историческая традиция и османский султанат, пусть и зависимость от последнего была только символической, то власть нового египетского султана держалась лишь на силе британских штыков.

На территории Египта не происходило военных сражений, однако эта страна не избежала тягот, связанных с войной. Хотя британцы объявили, что не будут призывать египтян на военную службу, обострившаяся военно-политическая ситуация заставила их нарушить это обещание. Призыв египетских резервистов, объявленный в марте 1916 г., привел к волнениям, одной из причин которых стало то, что британская администрация рассчитывала использовать их не как «солдат, защищающих свое отечество, а как простых рабочих»[3]. Египетские резервисты требовали равноправия с британскими солдатами, раздачи им оружия и замены командующих ими английских офицеров египетскими. Британцы в Египте неустанно заботились о сохранении дистанции, которая отделяла колонизаторов от колонизируемых, пример с протестами египетских солдат показывает, как египтяне в ситуации военного кризиса пытались сократить эту дистанцию. В оптике российского посланника в Каире эти протесты (как и другие антибританские акции) расценивались как происки немецкой и османской агентуры.

Уставшее от британской оккупации египетское общество с началом войны оказалось в еще более сложном положении — египетское правительство утратило последние признаки самостоятельности, произошло ужесточение колониального режима, а их страна оказалась втянута в войну, которая была для египтян чужой. Колониальные войска, размещенные в Египте британцами, должны были обезопасить Египет не только от внешней, османской угрозы британскому правлению, но и от возможных внутренних волнений. Демонстрации мощи, которые устраивало британское командование, периодически проводя войска по улицам Каира, были направлены не только на то, чтобы убедить египтян в способности британцев защитить Египет, но и в неменьшей

[3] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Л. 3028.

мере на то, чтобы внушить им мысль о невозможности свержения колониальной власти путем восстания.

В этих условиях многие египтяне связывали надежды на освобождение Египта с немцами и османами, однако никто из них не хотел немецкого Египта, и большинство египтян, хотя и желали избавиться от засилья англичан, выступали против реинтеграции их страны в Османскую империю в качестве обычной провинции[1]. Перспектива распространения войны на территорию Египта также пугала египтян. О разнице в отношении к войне и к британскому колониальному правлению в разных слоях египетского общества сообщал в своей телеграмме и российский посланник в Каире Смирнов: «Местное население опасается откровенно выражать свое мнение: низшие классы довольны, лишь было бы им обеспечено спокойствие в стране и необходимый кусок хлеба; высшие классы сознают все преимущества покровительства англичан и потому, если даже и не любят их в глубине души, станут все-таки на их сторону. Остается средний класс — адвокаты, учителя, небогатые собственники, мелкие чиновники и пр., среди которых, кажется, насчитывается наиболее недовольных. В этих кругах горячо и страстно осуждается разрыв с Халифатом и не признается власть Султана Гуссейна, ибо источником Его полномочий является лишь поддержка англичан. Оживилась и партия националистов, вожделениям которых протекторат кладет конец»[2].

Столкнувшись с объявленным халифом-султаном джихадом и пропагандой панисламизма, британцы предприняли собственные шаги, демонстрирующие их уважение к исламу и мусульманам. В письме британского поверенного в делах Г. Мильн Читама принцу Гуссейну с предложением ему трона давались заверения в том, что, несмотря на войну с Турцией, у Англии нет никаких враждебных чувств к халифату и что религиозные верования египтян будут ею свято уважаться[3].

Однако уже вскоре египетское правительство предприняло меры, кардинально изменившие существовавшую до разрыва с Турцией конструкцию судебно-религиозных учреждений. Вместо Главного кадия, который избирался в Стамбуле шейх-уль-исламом Османской импе-

---

1 *Ludke T.* (Not). Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zürcher. Leiden, 2016. P. 87.

2 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Л. 25.

3 Там же. Л. 22–23.

рии и назначался халифом, египетским правительством был назначен Главный муфтий.

После начала войны с Османской империей возникла необходимость и в изменении текста молитвы, произносимой в мечетях Египта. «До сих пор, — как писал российский посланник в Каире Смирнов, — в молитве этой поминался султан Магомед Решад с пожеланием ему победы над врагами, а затем поминался халиф. Ныне решено было имя султана выпустить и молиться за халифа безъименно. После его должен был поминаться Султан Гуссейн. Само собою разумеется, что пришлось также пропустить и пожелание победы халифу»[4]. Хотя инициатором этих изменений являлось египетское правительство, египтяне знали, кто стоит за его спиной.

В середине января 1915 г. османские экспедиционные силы начали движение в направлении Суэцкого канала. Хотя им удалось быстро и незаметно для британцев и французов пересечь Синайскую пустыню, попытка построить понтонный мост и перебросить войска через Суэцкий канал провалилась. Столкнувшись с британскими силами и понеся потери, Джемаль-паша приказал своей армии вернуться в Сирию.

Столкновения между британскими и османскими войсками у Суэцкого канала вызывали разную реакцию в египетском обществе. Многие египтяне были убеждены, что результатом этих столкновений станет возвращение Египта под власть Порты. При этом бои у канала часто воспринимались египтянами в искаженной перспективе. «Хотя турецкие войска, — отмечал Смирнов, — вопреки распространившемуся в Каире полтора месяца тому назад среди арабов убеждению, не дошли до Каира и не прогнали англичан, всякое новое столкновение на канале, даже такое ничтожное, как происшедшее на днях около Эль-Кубра, снова будит уверенность в возобновлении турецкого владычества над Египтом»[5].

Российский историк Б. Колоницкий, занимающийся изучением русской революции 1917 г., заметил, что очень важным фактором политической жизни России в предреволюционный период были слухи о заговорах. «Слухи о заговорах, — подчеркнул он, — иногда бывают опаснее заговоров»[6]. Конспирологическое сознание было широко распространено не только в предреволюционной России, но и в Египте, причем как среди британских властей, так и среди египтян. Российских послан-

---

4 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Л. 23.

5 Там же. Л. 75.

6 Слухи о заговорах опаснее заговоров: Историк Борис Колоницкий — о конспирологии. Беседовала Ольга Филина // Огонек. 2016. № 29.

ник в Каире постоянно сообщал о самых невероятных слухах, будоражащих умы египтян.

Британцы контролировали газеты, введя в стране строгую военную цензуру, однако в отсутствие газетных сообщений о происходящих событиях (и при недоверии населения к ним) информационное пространство заполняли слухи, порой самые невероятные, распространение которых было весьма сложно предотвратить. Слухи являлись одной из форм коммуникации, значимость которой возрастает в условиях военного кризиса.

Большой резонанс в египетском общественном мнении вызвал процесс Морса — германского подданного, служившего в александрийской полиции. Он был арестован осенью 1914 г. по возвращении из Константинополя, где находился во время летнего отпуска. «По указаниям Морса, — как сообщал Смирнов, — открыты были нити обширного заговора с организацией беспорядков и резни европейцев в Каире и Александрии. Были арестованы лица, близкие к Хедиву, а затем малопомалу выяснилось участие и самого Аббаса-Хильми в этом заговоре»[1]. Дело Морса является достаточно показательным — оно демонстрирует, с одной стороны, попытки османов и немцев реализовать стратегию восстания в колониях своих противников, а с другой, — контраст между сложностью планируемой операции и ограниченностью используемых для ее реализации ресурсов. Вместе с тем это дело укрепило дискурс шпиономании и ощущение повсеместных заговоров (которое разделялось не только российским посланником в Каире, но и значительной частью британской администрации в Египте), плетущихся немецкими и османскими агентами. То, что российским представителем в Каире описывалось как продуманный заговор, в действительности могло быть плохо подготовленной акцией-авантюрой.

Внимание египтян было приковано к сражению в Дарданеллах, и британцы понимали, что от исхода этого сражения зависела прочность их позиций в Египте. «Несомненно, взятие Дарданелл и падение Турции положат конец всем здешним внутренним смутам, — отмечал российский посланник в Каире, — но до тех пор приходится жить под постоянным опасением каких-либо неожиданностей»[2].

Поражение британцев в Галлиполийском сражении не привело к каким-либо потрясениям в Египте, однако это поражение стало весьма

---

[1] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Л. 2975.
[2] Там же. Л. 3012.

чувствительным в «битве за престиж», которую вели британцы. В ходе этого сражения в Египте было сосредоточено большое число раненых солдат. Для многих египтян это стало подтверждением их представлений о силе османов и немцев и слабости британцев. «Близость Египта к Дарданеллам легко объясняет то, — сообщал Смирнов, — что раненых присылают сюда, но, тем не менее, для сохранения своего престижа в глазах туземцев англичане лучше сделали бы, если бы направили пострадавших в боях на Мальту, в Гибралтар и в Англию»[3].

Российский посланник в Каире был обеспокоен тем, что, по его словам, турецкие и германские агенты распространяли «... самые неправдоподобные слухи об отношении русского и британского правительств к их подданным-магометанам»[4]. Смирнов считал необходимым организовать контрпропаганду, направленную на опровержение данных слухов. Одной из таких мер стал перевод сообщения, присланного в императорское агентство, в котором говорилось «об участии мусульман в настоящей войне, и о подвигах, совершенных ими в рядах Российской армии»[5]. Как отмечал Смирнов, данное сообщение было переведено на арабский, английский и французский языки и перепечатано почти всеми местными газетами. Кроме того, по инициативе российского посланника были напечатаны на арабском языке отчеты о немецких зверствах с изображением пострадавших, которые произвели, по его словам, «не малое впечатление на читающую публику»[6].

Описывая реакцию египтян на то или иное событие, российский посланник в Каире выстраивал свой рассказ в парадигме нарастающей угрозы: «настроение мусульман становится все более тревожным»; «... до благоприятного поворота мировых событий всегда можно ожидать каких-либо неожиданных вспышек, вызванных германо-турецкими интригами». Иногда создается впечатление, что данные утверждения российского дипломата не столько фиксировали складывающуюся в стране ситуацию, сколько являлись самовоспроизводящимся дискурсом. Создание ситуации перманентного кризиса в Египте — именно то, на что были направлены усилия османов и немцев. Однако ожидание возможного «взрыва», «вспышек фанатизма» (и страх перед ними) объяснялось не только военным кризисом, успехами османо-немецкой пропаганды в стране или неудачами войск союзников, это ожида-

[3] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Л. 3012.
[4] Там же. Л. 128.
[5] Там же.
[6] Там же. Л. 129.

ние было частью принятого способа рассуждений о мусульманах и исламе, разделяемого всеми участниками конфликта. Не только реальная угроза со стороны османов, но и часто «дискурс угрозы» и необходимости реагирования на нее объясняли многие действия британских властей в Египте.

В начале августа 1916 г., стремясь предотвратить начавшееся продвижение британских войск вглубь Синайского полуострова, османские силы под командованием полковника фон Крессенштейна сделали попытку нового наступления в направлении канала. Однако в битве при Романи османский экспедиционный корпус был разгромлен[1]. После этого поражения 3,5 тысячи пленных османских солдат были проведены по улицам Каира. «Толпа их представляла довольно странное сборище; тут были и курды, и албанцы, и ливанцы, и кочевые арабы пустыни, хотя все-таки преобладающим элементом являлись турки из Анатолии. Одеты они также крайне пестро; некоторые в лохмотьях или в национальных костюмах, и арабы в своих белых плащах. Большинство взято с босыми ногами, многие больные и почти все крайне изнуренные и голодные»[2]. Вид пленных, как сообщал Смирнов, произвел сильнейшее впечатление на жителей Каира.

Начавшееся в июне 1916 г. арабское восстание в Хиджазе не только осложнило положение османских сил на ближневосточном фронте, но и стало еще одним ударом по османской политике джихада. Османы и их немецкие союзники, терпевшие все более чувствительные военные поражения в противоборстве с англичанами на Ближнем Востоке, должны были признать провал «стратегии восстания» на мусульманском Востоке. Так, Эшреф Кушчубаши, глава османской разведывательной службы Тепшкилят-и Махсуса, заявил, что «мусульмане во вражеских рядах с удовольствием сражались против нас»[3].

Хотя Хиджазское восстание принято считать одним из поворотных событий в войне на Ближнем Востоке, реакция на это событие в египетском обществе была сдержанной, сложной и не произвела в сознании египтян того поворота, на который, возможно, надеялись британские власти — большинство из них по-прежнему смотрели на происходящее

---

1 *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018. С. 236.

2 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Каир. Л. 255.

3 Цит по: *Lüdke T.* Jihad, Holy War (Ottoman Empire) // 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, and B. Nasson. Berlin, 2014. P. 3.

с позиции вовлеченного наблюдателя. «Дошедшее сюда в начале июня известие о том, что Меккский Шериф Гуссейн провозгласил свою независимость и поднял знамя восстания против турок, — писал Смирнов, — не произвело того впечатления, которого можно было здесь ожидать… большинство мусульман по старой своей привычке продолжают считать турок непобедимыми, надеясь, однако, втайне, в силу известной ненависти арабов к османам, что турецкое иго будет наконец сломлено. Вследствие этого известия из Аравии подхватываются здесь с большим интересом, но египтяне держат себя в стороне от всякого вмешательства и симпатий своих пока стараются не показывать»[4].

Война стала катализатором целого спектра эмоций, страхов и надежд в египетском обществе. Османо-немецкая пропаганда влияла на настроения египтян, однако эти настроения развивались в собственной динамике, и в значительной степени эта динамика определялась успехами и неудачами противостоящих сторон на различных театрах боевых действий. Индикатором настроений египтян были слухи, которые вряд ли можно рассматривать только как результат или следствие немецкой и османской пропаганды, — слухи и распространившаяся в Египте шпиономания являлись более сложным феноменом, который может быть понят только в контексте ситуации военного кризиса. Слухи выполняли множество различных функций, одной из них, как представляется, была компенсаторная функция — египтяне, чувствовавшие свое бессилие перед военной мощью британского колониального режима, охотно поддерживали и распространяли представления о силе и непобедимости османских (и германских) войск, связывая с ними надежды на освобождение Египта.

Европейские политики, ориенталисты, дипломаты и военные во многом сами оказались заложниками того дискурса об исламе, который формировался ими в предшествующие десятилетия и нередко определял политическую практику и стратегию противостоящих сторон. Утвердившаяся в рамках этого дискурса идея о «фанатичности» мусульман легла в основу немецкого плана революционизирования мусульманского мира. Однако, как заметил исследователь Т. Людке, во время Первой мировой войны многие, если не большинство мусульман в Османской империи и за ее пределами осознавали, что это не их война; они боялись лишений и разрушительных последствий войны, считали ее совершенно ненужной и делали все возможное, чтобы сохранить свой ней-

[4] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876. Л. 270.

тралитет. Таким образом, мусульмане были не «фанатичными массами», а скорее хладнокровно-прагматичными[1]. Этот тезис в полной мере относится к египтянам, мечтавшим об освобождении Египта (возможно, при помощи османо-немецкого оружия), но не желавшим замены британского правления османским или немецким.

Союз Германии с Османской империей, провозглашение джихада, создание пропагандистской инфраструктуры и ведение пропаганды, отправка эмиссаров и даже приближение османских войск к Суэцкому каналу не только не привели к общему восстанию в Египте, но даже не вызвали там серьезных волнений. Восточная и египетская политика Германского рейха, лишенная смыслового ядра, погрузилась в глубокий кризис, из которого она не вышла до конца войны[2].

Тем не менее усилия османов и немцев, целью которых являлись захват Египта и Суэцкого канала или, по крайней мере, создание ситуации перманентной угрозы в этом стратегически важном районе, которая заставляла бы британцев стягивать все новые силы для защиты Египта, отвлекая их тем самым от других фронтов, нельзя считать полностью провальными. Вторая задача в какой-то мере была выполнена — британцы сконцентрировали в Египте большой контингент колониальных войск и постоянно работали над усилением обороны Суэцкого канала. Панисламистская пропаганда османов и немцев, нацеленная на Египет, а также направление в эту страну османских и немецких агентов стали одной из причин распространившейся в Египте шпиономании. Ужесточение режима колониальной власти, произошедшее в годы войны, позволило британцам сохранить стабильность в Египте, однако оборотной стороной этой стабильности был рост усталости и потенциала протеста в египетском обществе, который проявится совсем скоро.

В ряде случаев к османскому джихаду удалось привлечь мусульман на тех землях, которые в недавнем прошлом являлись частью «османского мира», не находились под прямым колониальным управлением и население которых имело опыт антиколониальной борьбы. Успешность османского призыва к джихаду зависела от того, удастся ли османам привлечь к борьбе с Великобританией, Францией и Россией влиятельных

---

[1] *Ludke T.* (Not). Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zürcher. Leiden, 2016. P. 79.

[2] *Oberhaus* S. «Zum wilden Aufstande entflammen»: Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges. Düsseldorf, 2006. S. 197.

политических и духовных лидеров, племенных вождей. Примеры Али Динара, Сайида Ахмада и ряда других лидеров показывают, что эта политика принесла определенные плоды. В то же время потенциал движений, присоединившихся к османскому джихаду, зависел от способности османов и немцев оказывать им организационную, военную и финансовую помощь. Хотя поступавшая помощь помогала повысить боеспособность местных военных формирований, ограниченность и непостоянность этой помощи стали одной из причин того, что, несмотря на определенные локальные успехи, влиявшие на настроения египтян, эти формирования не смогли противостоять получившим дополнительные подкрепления британским колониальным войскам.

4. Немецкие ориенталисты и пропаганда Германской империи на Ближнем Востоке (1914–1918)

В сентябре 1914 г. ряд ориенталистов, представлявших Гамбургский колониальный институт, восточный семинар Берлинского университета и другие германские университеты, по инициативе дипломата и археолога Макса фон Оппенгейма собрались в Берлине. Они должны были использовать свои знания для того, чтобы воплотить идеи, которые давно вынашивал Оппенгейм и которые обсуждались также руководителями Генерального штаба армии и МИД. В рамках принятой в начале войны глобальной программы подготовки восстаний в колониях стран Антанты ориенталистам отводилась не последняя роль.

Созданная в начале войны по инициативе Оппенгейма «Служба информации по Востоку» — структура, в рамках которой бок о бок на протяжении всей войны работали немецкие ориенталисты и националисты из стран Востока, стала интересным феноменом Первой мировой войны. В истории европейского колониализма можно найти немало примеров сотрудничества ориенталистов с властью, а также примеров сочетания государственной службы с научными занятиями, однако после начала войны масштаб и формы этого сотрудничества приобрели совершенно новые очертания. В случае Германии речь шла уже не о выборе отдельных личностей, а о привлечении множества специалистов и целых научных институций для выполнения военных и политических задач.

По мере роста глобальных амбиций Германии, появления у нее первых колоний и расширяющейся общественной дискуссии о роли Германии на Ближнем Востоке происходили изменения и в восточных

исследованиях, которые все чаще догоняли потребности дня[1]. Спрос на специалистов, которые могли бы работать как в восточных странах, так и в самой Германии, привел к появлению на базе университетов, а также вне их структуры новых научных и образовательных центров. Одним из них стал возникший в Берлине в 1887 г. «Семинар восточных языков», в котором студенты разных специальностей должны были изучать не только языки Ближнего Востока, но также право, торговлю, географию, историю и культуру региона[2]. В качестве альтернативы «Семинару восточных языков» в Гамбурге был создан Колониальный институт, предназначавшийся для обучения «торговцев, фермеров, государственных служащих и других лиц», которые намеревались работать в немецких колониях[3].

В Германии появляются специалисты по Ближнему Востоку, долгое время проживавшие в регионе, нередко совмещая дипломатическую или иную службу и научную деятельность. Получив знания и опыт, которого не было у их университетских коллег, они стремились привнести новые идеи в немецкую академическую науку и систему преподавания.

Хотя в немецких университетах также происходили изменения, связанные с менявшимся общественно-политическим контекстом, однако эти перемены были медленными, а попытки ряда исследователей инициировать создание новых научных направлений, ориентированных на современность, провалились. Карл Беккер и Мартин Хартманн — два ярких эксперта по Ближнему Востоку, по-разному подходившие к изучению ислама, оба, однако, были убеждены в необходимости смещения акцента в исследовании ислама и Ближнего Востока с истории на современность. И Беккер, и Хартманн предложили собственные проекты формирования в рамках немецкого востоковедения «исламских исследований», однако ни тот ни другой не был реализован, в том числе из-за сопротивления представителей других академических дисциплин. Тем не менее институционализация исследований современного ислама происходила — в 1912 г. было создано «Немецкое общество исламских исследований» (Deutsche Gesellschaft für Islamkunde), ставшее важной площадкой для дискуссий специалистов об исламе и колониальной политике. В том же году это общество начало издавать журнал

---

1 *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. № 24 (2). P. 148.

2 Ibid.

3 *Wokoeck U.* German Orientalism.The study of the Middle East and Islam from 1800 to 1945. London; New York, 2009. P. 179.

«Мир ислама» (Die Welt des Islams), в котором печатались материалы о самых актуальных событиях и процессах, происходивших в мусульманском мире. Двумя годами ранее в Колониальном институте в Гамбурге был основан журнал «Ислам» (Der Islam)[4].

Впрочем, после начала войны оказались востребованными знания и опыт как представителей классического востоковедения, так и специалистов-практиков. Немецкие ориенталисты должны были выполнять непривычную для них работу и действовать в не свойственной для них обстановке. Возглавивший в 1915 г. «Службу информации по Востоку» Лео Шабингер не скрывал своего раздражения учеными, заявив, что «они совсем не имели привычки к выполнению регулярной и пунктуальной работы»[5].

«Службу» также не просто было сделать органичной частью германского госаппарата: она не имела официального статуса, в ее деятельности попытки выстроить управленческую вертикаль со свойственной ей субординацией сочетались с принципом коллегиальности. «Служба» подчинялась политическому департаменту МИД и одновременно взаимодействовала с политическим отделом Генерального штаба. Через своих внештатных сотрудников и официальный персонал «Служба информации по Востоку» была тесно связана с различными правительственными и неправительственными организациями, в частности со «школой восточных языков» в Берлине. Путем включения в свой состав ученых из разных университетов империи, от Гамбурга до Франкфурта, организация обеспечивала себе возможность воспользоваться знаниями ориенталистов. В то же время привлечение к работе «Службы» университетской профессуры было еще одним способом распространения идей организации, поскольку преподаватели могли донести эти идеи до своих студентов и немецкой публики[6].

В записке о деятельности «Службы информации по Востоку» отмечалось, что она «возникла из осознанной необходимости противодействовать вражеской пропаганде в восточных странах и по возможности упреждать ее»[7]. Хотя названная цель в условиях войны, безусловно, яв-

---

[4] *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 17.

[5] *Ludke T.* (Not). Using Political Islam The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War I. Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zurcher. Leiden. 2016. P. 86.

[6] *Krug S.* Nachrichtenstelle für den Orient (2015). URL: http://www.mwme.eu/essays/index.html

[7] BArchivP. AA, FC 62320. Bl. 19.

лялась одной из ключевых, в действительности перед «Службой» была поставлена гораздо более масштабная и амбициозная задача, состоявшая в «революционизации мусульманских областей» противников Германской империи.

Германская империя управляла значительным мусульманским населением в своих колониях — в Того, Камеруне, Восточной Африке. В этих владениях немецкие власти с самого начала стремились использовать религию для усиления колониального контроля. Политика в отношении ислама широко обсуждалась в правительственных кругах. Важную роль в шедшей в Германии дискуссии об исламе играли специалисты по исламу. Такие ученые, как Карл Генрих Беккер, Мартин Хартманн и Дидрих Вестерман, поставили свои знания на службу империи[1].

К. Беккер и М. Хартманн по-разному смотрели на то, какую политику нужно проводить в отношении ислама в немецких колониях. К. Беккер утверждал, что ислам не является угрозой для колониального правительства и что его следует использовать для укрепления имперского правления и обеспечения мира, стабильности и порядка. К. Беккер полагал, что «опасность ислама» исчезнет, как только будет принята правильная колониальная политика. М. Хартманн воспринимал мусульманскую религию как угрозу, которую нужно постоянно контролировать. Указывая на предполагаемый воинственный дух ислама, религиозный фанатизм, махдизм и опасность «священной войны», он призывал колониальных чиновников не полагаться на мусульманские власти и институты[2]. Комментируя реакцию Османской империи на оккупацию Триполитании Италией, М. Хартманн писал в 1911 г.: «Следует предостеречь ее от попыток возбуждения религиозного фанатизма для провоцирования восстаний. Против этого совместно выступили все культурные государства. Ислам — это религия ненависти и войны. И он не может быть господствующим принципом нации цивилизованного мира»[3].

Тем не менее после начала войны и Хартманн, и Беккер приняли самое непосредственное участие в попытке инструментализации ислама и использования предполагаемого фанатизма мусульман. Проявлявший интерес к исламу Эрнст Йекк, молодой немецкий публицист и политолог, который в 1948 г. станет одним из основателей ближневосточного института в Колумбийском университете, уже в августе 1914 г. изложил

---

1 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 15–17.
2 Ibid. P. 17–18.
3 *Heine P.* C. Snouck Hurgronje versus C. H. Becker. Ein Beitrag zur Geschichte der angewandten Orientalistik // Die Welt des Islams, New Series. 1984. Bd. 23/24. P. 380.

сценарий, предполагавший, что Османская декларация джихада мобилизует силы «панисламизма» с «разрушительной ненавистью» к британскому и французскому правлению от «Индии до Марокко». М. Хартманн написал сопоставимые тексты во время войны[4].

Макс фон Оппенгейм, инициатор создания «Службы информации по Востоку», стал и ее первым руководителем. После отъезда Оппенгейма в Турцию в марте 1915 г. новым руководителем «Службы» стал драгоман и ориенталист Лео Шабингер. В феврале следующего года эту должность занял арабист, профессор Берлинского университета Евгений Миттвох. «Служба», которая располагала достаточно ограниченными возможностями (и финансовыми и людскими), должна была осуществлять пропаганду сразу по нескольким направлениям, обращаясь к разным целевым группам, прежде всего к солдатам-мусульманам, служившим в армиях стран Антанты (французские военнослужащие из африканских колоний, индийские мусульмане в составе англо-индийских формирований, а также российские мусульмане). Особой целевой группой для пропагандистской деятельности являлись военнопленные-мусульмане, находившиеся в специально созданных для них лагерях на территории Германии. Пропаганда распространялась также на население Османской империи, мусульманское население стран Антанты и в конечном итоге должна была охватить весь мусульманский мир.

В отношении каждой из этих групп преследовались свои цели. Пропаганда и направлявшиеся в разные регионы мусульманского мира специальные миссии должны были вызвать серию восстаний, заставив таким образом страны Антанты отвлечь значительные силы от европейских театров войны. Военнослужащие-мусульмане армий Антанты под влиянием пропаганды должны были дезертировать и переходить на сторону немцев, австро-венгров и османов, военнопленные-мусульмане в лагерях на территории Германии — продолжить войну, присоединившись к османской армии. С течением времени, однако, цели пропаганды становились более реалистичными, и основные усилия смещаются к формированию среди мусульман симпатий и сочувствия к Германии во время войны[5].

Немецкой пропагандой активно использовался образ кайзера Вильгельма II, которого она представляла настоящим «другом» и «защит-

---

[4] *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 21.

[5] Ibid. P. 151.

ником» мусульман[1]. Слова кайзера о его «дружбе» с «300 миллионами мусульман», произнесенные им во время посещения Дамаска в 1898 г., часто цитировались в открытках, распространявшихся как в Германии, так и в мусульманском мире. Так, в 1917 г. была выпущена открытка с этой цитатой на немецком и арабском языках[2]. В странах мусульманского мира немецкие и пронемецкие агенты распространяли слухи о том, что Вильгельм II тайно принял ислам, совершил паломничество в Мекку, и в силу этого его следует именовать Хаджи Вильгельм Мухаммад[3][4].

Помимо пропагандистской деятельности на Востоке «Служба» призвана была выполнять важные функции в самой Германии и в нейтральных странах, в частности:

— «устанавливать персональные отношения с восточными кругами в Германии и в нейтральных странах, контролировать и по возможности руководить их политической деятельностью в соответствии с немецкими интересами, принимать и сопровождать восточных гостей в Берлине и за его пределами;
— организовывать и руководить относящимися к Востоку газетами и личными архивами и предоставлять соответствующую информацию МИД и другим службам;
— оценивать международную прессу для немецких официальных ведомств;
— готовить в этой связи для служебного пользования периодические обзоры российской, российско-татарской, кавказской, тюркской, персидской, индийской и восточноазиатской прессы;

---

1 *Sinno A.-R.* The Role of Islam in German Propaganda in the Arab East during the First World War: Aims, Means, Results and Local Reactions // The First World War as Remembered in the Countries of the Eastern Mediterranean. Beirut, 2006. P. 399.

2 *Медяков А. С.* «Пробуждение Востока»: Османская империя в немецкой пропагандистской открытке эпохи Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5. С. 53.

3 *Колоницкий Б.* Кайзер и джихад. Как Германская империя пыталась организовать исламскую революцию. URL: https://republic.ru/posts/91825.

4 Так, в донесении российской разведки в штаб Туркестанского военного округа 3 февраля 1916 г. сообщалось: «Немцы, видимо, не спят и энергично работают в Афганистане всячески: за последнее время среди простого населения Афганистана разнеслись и держатся до сих пор сведения, что царь немцев со всем своим народом принял магометанство и, как только закончит нынешнюю войну с гяурами и усмирит их, он исполнит последний долг правоверного — совершит паломничество в Мекку со своими министрами и выборными народа своего. Об этом в Афганистане говорят даже пастухи в горах, хотя больше, видимо, посмеиваются над искренностью нового единоверца — кайзера» (Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 1399. Оп. 2. Д. 1916. Л. 21).

— участвовать в цензуре относящихся к Востоку публикаций и фильмов, в цензуре писем на восточных языках для Генерального штаба, МИД и других центральных ведомств;
— контролировать корреспонденцию мусульманских, грузинских и индийских военнопленных;
— заниматься попечением над военнопленными восточных национальностей в духе программы «Организации восстаний против наших врагов», позволяя исполнять их религиозные потребности и принятые ритуальные правила;
— издавать газеты для мусульманских, грузинских и индийских военнопленных на 6 языках»[5].

Отдельным важным направлением деятельности «Службы» была работа с немецкой общественностью. Союз Германии и Австро-Венгрии с Османской империей вызвал неоднозначную реакцию немецкой публики. Как отметил немецкий исследователь Самуэль Круг, отношение немецкого общественного мнения к исламу было довольно амбивалентным. Романтизация ислама, проявления которой можно было встретить в литературных произведениях и произведениях изобразительного искусства, соседствовала со страхом перед исламом и «мусульманским фанатизмом»[6]. Журналисты, ориенталисты и ряд находившихся в Германии мусульманских деятелей сделали многое для того, чтобы расширить знания немцев об исламе и обосновать военно-политические выгоды от сотрудничества с мусульманским миром. Немецкая пресса в годы войны была переполнена статьями о священной войне, эксперты по исламу читали публичные лекции о союзе с мусульманским миром; публиковались многочисленные буклеты и брошюры о джихаде[7]. Так, в феврале 1915 г. Немецкое общество исламских исследований опубликовало в виде брошюры книгу шейха Салиха аш-Шарифа ат-Туниси «Правда о джихаде», написанную им в октябре 1914 г. Перевод текста был выполнен Л. Шабингером, а предисловие к нему написал М. Хартманн[8]. В работе аш-Шарифа подчеркивалась, что османский

---

[5] *Kruger H.* Die Nachrichtenstelle für den Orient in Berlin. Original, maschinengeschrieben. S. 14–15.

[6] *Krug S.* Nachrichtenstelle für den Orient (2015). URL: http://www.mwme.eu/essays/index.html

[7] *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 21.

[8] *Гилязов И. А.* «Священная война — джихад» как инструмент военно-политической стратегии Германии в годы Первой мировой войны // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. Казань, 2015. С. 317.

джихад направлен не против всех мусульман, а только против русских, французов и англичан[1].

Двойственным был и образ Турции в Германии. Исследователь А. С. Медяков, проанализировавший в своей работе издававшиеся в Германии пропагандистские открытки, продемонстрировал, как изменился образ турок и Османской империи после создания османо-германского военного союза. Этот образ во многом строился на отрицании прежних ориенталистских стереотипов или придании им новых, позитивных коннотаций: «Широко, с вниманием к различным деталям открытки начали заново знакомить немцев с их новым союзником. Сам образ "турка" претерпел разительную перемену. За редким исключением он теряет свой привычный облик тучного малоподвижного старца в традиционном костюме, превращаясь в полного сил мужчину средних лет. Его переодевание в военную форму диктовалось не только функцией союзника, в которой "турок" отныне выступал, но и стремлением показать иную Османскую империю — новую, современную, пришедшую на смену застывшей во времени Турции "шаровар и ятагана". Совершенно исчезают прежние маркеры "восточной лени" и "сладострастия" — кальян и обитательницы гарема. Топос "больного человека" оказывался отныне неуместным и также не присутствовал на открытках»[2].

В «Службе информации по Востоку» было создано несколько секций: арабская, персидская, турецкая, русская, индийская, а также секция Китай / Восточная Азия. Арабская секция была самой большой (включала более 10 сотрудников). Интересно, что все секции, кроме индийской, возглавили довольно известные ориенталисты. Так, главой арабской секции был Евгений Миттвох, профессор Берлинского университета, главой турецкой секции стал Мартин Хартманн, блестящий знаток Турции и турецкого языка[3].

«Служба» практически весь период своего существования сталкивалась с проблемами организационного характера, испытывала дефицит кадров и ресурсов. Как отмечалось в одной из записок МИД, «найти нужных сотрудников для бюро было крайне непросто, так как в Германии было мало людей, которые являлись знатоками Востока, и еще меньше тех, которые могли выступать в качестве знатоков политического

---

1 *Krug S.* Germany and Jihad (2015), URL: http://www.mwme.eu/essays/index.html

2 *Медяков А. С.* «Пробуждение Востока»: Османская империя в немецкой пропагандистской открытке эпохи Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5. С. 48.

3 Там же.

положения на Востоке. Этот маленький круг, из которого можно было выбирать, после начала войны еще больше сузился...»[4]. В общей сложности в «Службе», например, в период с мая по декабрь 1915 г. работало 15 немецких и 20 иностранных сотрудников. Кроме того, в штате состояли и переводчики с разных языков. В итоге после ряда структурных изменений в 1918 г. ее штат состоял из 59 сотрудников (включая вспомогательный персонал)[5].

Центральным звеном германской ближневосточной политики и восточной пропаганды являлась Османская империя. Однако в ходе работы «Службы» быстро выяснилось, что в Германии не хватало сотрудников, которые имели бы необходимую специальную квалификацию в турецком языке. Неслучайно Л. Шабингер часто привлекал к сотрудничеству прекрасно знавшего турецкий язык Мартина Хартманна, причем тот работал на безвозмездной основе[6].

Многие ориенталисты, хорошо знавшие классический арабский язык и другие восточные языки, не владели в достаточной мере разговорными языками и многочисленными диалектами. Однако проблемы, с которыми сталкивалось «Бюро», лежали не только в языковой плоскости, поскольку недостаток немецких кадров отчасти компенсировался привлечением к переводческой работе восточных сотрудников. Не менее важной задачей был поиск нужной интонации, стиля, тем и форм подачи материала и способов организации пропагандисткой работы, которым занимались сотрудники «Службы» и в ходе которого в рамках «Службы» и за ее пределами шли постоянные споры.

Д-р Адлер, отвечавший в «Службе» за редактирование газеты для военнопленных «Аль-Джихад», а также за подготовку военных сообщений (которые переводились и распространялись на различных восточных языках), в своем докладе, направленном в МИД, подверг критике организацию пропаганды в «Службе» и сформулировал собственные предложения по ее улучшению. Доклад, в свою очередь, стал ответом на жесткую критику со сторону Министерства иностранных дел, обвинившего

---

[4] BArchivP, AA. FC 64100. Bl. 22.

[5] *Гилязов И. А.* Германская служба информации по Востоку и организация печатной пропаганды среди мусульманских народов России в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 106.

[6] *Kruger H.* Die Nachrichtenstelle für den Orient in Berlin. Original, maschinengeschrieben. S. 8.

«Службу» в неэффективной работе и выпуске бесполезных материалов[1]. Адлер, руководивший в «Службе» деятельностью сотрудников-журналистов, полагал, что необходимо делать различие между работой журналистов и специалистов по Востоку. «… Какая-либо серьезная журналистская деятельность, — писал он, — не могла развиваться в рамках этой институции. Шабингер объясняет это тем, что сотрудники Бюро обязательно должны знать арабский язык. Я несколько лет занимался на Востоке журналистской деятельностью, но это правда, что я ни слова не понимаю по-арабски. Это верно, что каждый арабист может также понимать задачи прессы, но на практике подобное встречается крайне редко»[2]. Адлер предложил передать ответственность за военные отчеты местным консульствам на Ближнем Востоке, которые, по его мнению, лучше подходили для выпуска современных материалов, чем «Служба». Он утверждал также, что вместо выпуска газеты «Аль-Джихад» необходимо использовать турецкие газеты, которые читались бы вслух грамотными заключенными. Организация доставки новостей на Ближний Восток также являлась крайне несовершенной, как и анализ иностранной прессы, особенно из стран Антанты. В результате этого, по его мнению, игнорировался самый ценный пропагандистский инструмент, а именно возможность доказать враждебность Антанты к исламу исходя из материалов ее собственной прессы[3].

Шабингер, в свою очередь, не только не принял предложения Адлера по улучшению пропагандистской работы, но и счел неэффективной его деятельность как журналиста и как руководителя журналистского отдела в «Службе».

Ориенталисты привлекались для работы в «Службе» не только в качестве знатоков восточных языков — они рассматривались как эксперты по восточным странам, знающие психологию проживающих там народов, их ценности и мировоззрение. Вопрос, однако, заключался в том, в какой степени можно было операционализировать специальные знания ориенталистов, а также в том, насколько их знания могли помочь выполнению поставленных перед ними задач.

---

1 *Ludke T.* (Not). Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War I. Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zurcher. Leiden. 2016. P. 87.

2 BArchivP, AA. FC 64100. Bl. 7.

3 *Ludke T.* (Not). Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond. P. 86.

Руководители «Службы» не только разделяли широко распространенные в европейском общественном мнении стереотипные представления относительно ислама и мусульман, но и искали наиболее эффективные способы для того, чтобы стимулировать предполагаемый «фанатизм» мусульман и направить его в нужное русло. Попытки вести пропаганду от имени мусульманских лидеров, привлечение мусульманских деятелей для пропагандистской работы (и в лагерях для военнопленных мусульман, и на фронте) как раз отражали усилия в этом направлении[4]. В то же время вопрос об использовании ислама в пропаганде и более широко — о политике в отношении мусульманских народов также являлся предметом дискуссий.

Итоги деятельности «Службы» не могут быть оценены однозначно. Во время войны несколько сотен мусульман были завербованы в специальных лагерях для мусульманских военнопленных и отправлены в Стамбул, чтобы присоединиться к османской армии, хотя в целом их было гораздо меньше, чем надеялись немецкие власти[5].

Л. Шабингер писал позднее, что успех пропаганды не поддается количественной оценке, тем более что пропаганда среди заключенных носила долгосрочный характер и соответственно могла принести плоды только после окончания войны[6]. Говоря о пропаганде, направленной на мусульманских солдат Антанты, он же отметил, что в любом случае эта «пропаганда призыва» была причиной того, почему индийские войска были выведены с передней линии фронта. В своем докладе летом 1916 г. он назвал в качестве одного из главных успехов пропаганды растущее беспокойство французов и британцев по поводу лояльности их мусульманских войск и колоний[7].

Деятельность и публикации «Службы» повлияли на другие сферы. Во-первых, организация привлекла внимание немецкой публики к исламу как к потенциально важному политическому фактору. Во-вторых, «Бюро» стало интеллектуальным местом встречи немецких ориенталистов и способствовало карьерному росту молодых ученых. Наконец — и, возможно, самое главное — «Служба» предоставила голос политически

---

4 *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. № 24 (2). P. 154.

5 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 24.

6 BArchivP, AA. FC 64100. Bl. 148.

7 *Ludke T.* (Not) Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War I. Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zurcher. Leiden, 2016. P. 89.

вовлеченным ориенталистам и, следовательно, помогла политизировать восточные и исламские исследования[1].

Опыт деятельности «Службы информации по Востоку» в годы Первой мировой войны, с одной стороны, стал уникальным примером сотрудничества между властью и научным сообществом, с другой — показал сложности, ограничения и пределы этого сотрудничества.

[1] *Krug S.* Nachrichtenstelle für den Orient. (2015). URL: http://www.mwme.eu/essays/index.html.

Глава II

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Эмир Шакиб Арслан между Османской и Германской империями

Яркая личность Шакиба Арслана и его насыщенная событиями биография давно привлекали внимание исследователей. Однако интерес к этой фигуре связан не только с попытками понять сложную траекторию его политической и интеллектуальной жизни. За ним стоит нечто большее — стремление к пониманию и описанию эволюции исламского активизма в 1-й половине XX в.

Эмир Шакиб Арслан больше известен своей деятельностью в межвоенный период. Во многом благодаря его усилиям Женева в 1920–1930-е гг. не только превратилась в своеобразную столицу формирующегося исламского сообщества Западной Европы, но и стала одним из центров международного исламского активизма. Однако предшествующий, «османский» период его жизни, связанный с его борьбой за сохранение Османской империи, не менее важен. В конце концов, именно в это время он сформировался как политик и исламский идеолог, став одним из самых ярких представителей последнего поколения османской элиты. Приверженность имперскому мышлению и османской политической культуре не могла не сказаться на последующем развитии его идей. Как заметил автор лучшей англоязычной работы о Шакибе Арслане Уильям Кливленд, идеи, которые сделали его знаменитым, были сформированы в османской среде. Чтобы в полной мере оценить

его, необходимо понять его место в османской государственно-политической системе и его взгляды на Османскую империю[1].

Вместе с тем не следует недооценивать и опыт пребывания Шакиба Арслана в Европе — сначала как османского эмиссара, затем как изгнанника. Именно Европа выступала в то время для многих арабских и турецких националистов и панисламистов в качестве конституирующего Иного, и Шакиб Арслан — не исключение.

На Западе Шакибу Арслану посвящено множество работ, в которых исследуется его деятельность как политика и исламского активиста. В отечественной историографии, напротив, личность Шакиба Арслана пока не привлекала сколько-нибудь серьезного внимания исследователей. Обращаясь к архивным документам, а также к публикациям самого Шакиба Арслана, в этом разделе автор анализирует деятельность эмира в османский и германский периоды его жизни, делая особый акцент на той части биографии Шакиба Арслана, которая связана с его усилиями по поддержанию и укреплению германо-османского альянса в годы Первой мировой войны.

Арслан, родившийся в регионе Шуф в Ливане, принадлежал к влиятельной семье друзов, члены которой имели право носить титул эмира[2]. Однако стать известным имперским политиком Арслану помог не только его наследственный аристократический статус, но и движение арабского Возрождения (ан-Нахда)[3]. Шакиб Арслан в полной мере использовал возможности, которые открывала наступающая эпоха — и с точки зрения образования, и с точки зрения мобильности и новых средств коммуникации.

Получив начальное образование у местного шейха, Шакиб Арслан поступил в американскую школу, созданную миссионерами-протестантами в его родном городе Шувейфат. После ее окончания в течение семи лет обучался в маронитском духовном училище («Школа мудрости»)[4] и завершил свое образование в престижном османском учебном заве-

---

1 *Cleveland W. L.* Islam against the West: Shakib Arslan and the campaign for Islamic nationalism. London, 1985. P. XIV.

2 *Cleveland W. L.* Shakib Arslan // Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1997. Vol. IX. P. 248.

3 *Cleveland W. L.* Islam against the West: Shakib Arslan and the campaign for Islamic nationalism. London, 1985. P. XIV.

4 «Мадрасат аль-хикма» («школа мудрости») — духовное училище, открытое маронитами в Бейруте в 1865 г. См.: *Родионов М. А., Сарабьев А.* В. Мароните: традиции, история, политика. М., 2013.

дении Бейрута «Аль-мадраса ас-Султания»[5]. В последние годы его обучения в Бейруте он стал учеником и протеже знаменитого египетского реформатора и интеллектуала Мухаммеда Абдо[6], который серьезно повлиял на дальнейшую идейную эволюцию Шакиба Арслана.

Шакиб Арслан рано проявил себя как способный поэт и литератор, став обладателем почетного титула «принц красноречия» (амир альбайдн). Уже скоро литературные способности Арслана помогут ему стать ярким полемистом, защищающим ислам и Османскую империю от европейской экспансии.

После прихода к власти в Османской империи в 1908 г. младотурок и восстановления конституции Арслан был избран в совет делегатов, представляющих регион Хауран[7]. Позднее, в 1914 г. он стал депутатом османского парламента.

Одним из поворотных моментов в политической карьере и жизни Арслана станет сближение с триумвирами: Энвер-пашой, Талаат-пашой и Джемаль-пашой, произошедшее вскоре после младотурецкой революции 1908 г.

После начала итало-турецкой войны Арслан отправился из Египта в Триполи для того, чтобы доставить с помощью каравана верблюдов материалы от Красного Полумесяца для ливийских воинов. В это время Арслан познакомился с Энвер-пашой, который по собственной инициативе поехал на войну для того, как он считал, чтобы спасти Османскую империю и мусульманский мир от натиска европейских держав. Шакиб Арслан писал позднее, что отношение Энвера к войне в Триполи полностью совпадало с его собственным[8]. «На мой взгляд, — отмечал Арслан, — капитуляция или игнорирование триполитанской войны[9] привели бы не просто к унижению североафриканских мусульман и их сдаче врагу, но открыли бы путь к распаду всей Османской империи»[10]. Арс-

---

[5] *Rabah M.* Arslān, Shakīb, Amīr. 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin, 2014. P. 2.

[6] *Cleveland W. L.* Islam against the West: Shakib Arslan and the campaign for Islamic nationalism. London, 1985. P. 8.

[7] Ibid.

[8] *Wasti S. T.* Amir Shakib Arslan and the CUP Triumvirate // Middle Eastern Studies. 2008. Vol. 44, № 6. P. 927.

[9] «Война за Триполи» («Trablusgarp Savaşı») — закрепившееся в Турции название итало-турецкой войны 1911–1912 гг.

[10] Ibid.

лан, встретивший Энвер-пашу в подобных обстоятельствах, открыто восхищался им и даже называл его «настоящим исламским героем»[1].

И до, и во время поездки в Ливию Арслан публикует в различных газетах статьи, направленные против итальянского вторжения, начав, по его собственным словам, «войну пера»[2]. Именно в этой войне, которую Арслан будет вести всю жизнь, выражая на страницах газет и журналов в яркой, полемичной форме свои антиколониальные идеи и обращаясь к мусульманской солидарности, он преуспеет в наибольшей степени.

Конституционная революция 1908 г. в Османской империи высвободила политическую и интеллектуальную энергию различных этнических и религиозных групп, которых сковывал страх в период авторитарного правления султана Абдулхамида II[3]. В это время в интеллектуальных арабских кругах набирает силу движение за реформы. В 1912 г. группа сирийских иммигрантов организовала в Каире так называемую Османскую партию децентрализации. Критикуя политику централизации, которую проводила правящая партия «Единения и прогресса», они потребовали децентрализации управления и признания арабской автономии. В июне 1913 г. сторонники децентрализации провели съезд Арабского конгресса в Париже. Арслан выступил в это время как рупор централистской позиции и стремился подорвать доверие к сторонникам децентрализации и представить их в качестве сепаратистов, преднамеренно или непреднамеренно служащих целям европейских держав. Опасной в его глазах тенденции к децентрализации он противопоставлял идею исламского единства, которая, по его словам, оправдывала бы преданность арабов и турок сохранению Османской империи[4].

После переговоров с депутатами Арабского конгресса османское правительство пригласило в Стамбул группу арабских представителей, в которую вошел и Шакиб Арслан, чтобы обсудить арабский вопрос и требования сирийцев. Во время Стамбульского конгресса арабские представители указали на необходимость предоставления больших полномочий арабским провинциям, а также проявления большего внима-

---

1 *Zekeriya K.* Şekib Arslan bazı mektupları ve İttihadcılar ile ilişkileri // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Tarih Enstitüsü dergis. 1995–1997. Sayi 15. S. 600.

2 *Wasti S. T.* Amir Shakib Arslan and the CUP Triumvirate // Middle Eastern Studies. 2008. Vol. 44, № 6. P. 927.

3 *Atçıl A.* Decentralization, Imperialism, and Ottoman Sovereignty in the Arab Lands before 1914: Shakīb Arslān's Polemic against the Decentralization Party // Welt des Islams. 2013. Vol. 53, № 1. P. 26.

4 Ibid. P. 27.

ния арабскому языку. Кроме того, они попросили правительство создать университет на Аравийском полуострове. Уполномоченные правительством Шакиб Арслан и Абдулазиз Джавиш провели в Медине почти три месяца, работая над созданием университета[5].

Однако, судя по письмам, которые Шакиб Арслан отправлял Талаат-паше во время его поездки в Медину в 1913 г., главными целями этой поездки являлись разведка и пропаганда — в условиях, когда один военный кризис сменялся другим, еще большим по масштабам и последствиям, нужно было собрать информацию о ситуации в арабских провинциях и по возможности теснее привязать к османам тех арабских лидеров, лояльность которых Стамбулу вызывала все большие сомнения. Арслан указывал в одном из писем на необходимость постройки железнодорожной линии в Хиджазе, которая соединила бы Мекку и Медину, — появление подобной дороги, полагал Арслан, оказало бы положительное влияние на весь мусульманский мир[6].

Незадолго до поездки Шакиба Арслана в Медину в Стамбуле было создано «Исламское благотворительное общество», формальными учредителями которого стали группы мусульман (турки, египтяне, тунисцы, ливийцы, йеменцы, хиджазцы и индийцы), представлявшие самые разные уголки мусульманского мира. В это общество вошли также министр внутренних дел Талаат-паша и дядя Энвер-паши Халиль-паша[7]. Несмотря на название, общество было создано прежде всего для предотвращения наметившегося раскола между арабами и турками. Роль Шакиба Арслана (и для этого общества, и для османской политики в отношении арабских провинций в целом), который одновременно выполнял функции пропагандиста и посредника между различными арабскими группами и младотурками, трудно переоценить.

Дружеские отношения Арслана с Энвер-пашой и Талаат-пашой, его преданность младотурецкому режиму и его многочисленные призывы к единству и солидарности арабов и турок вызывали неоднозначную реакцию в арабских кругах, оппозиционно настроенная часть которых подвергла Шакиба Арслана резкой критике. Впоследствии в своих мемуарах Арслан будет подчеркивать, что до войны с Италией он прекратил все отношения с младотурками, а его отношения с Энвером носи-

---

[5] *Fikriye K.* Arab intellectuals under the Young Turks: a comparative-historical analysis on memoirs (1908–1918). PhD Dissertation, İstanbul, 2013. P. 58.

[6] *Zekeriya K.* Şekib Arslan bazı mektupları ve İttihadcılar ile ilişkileri // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Tarih Enstitüsü dergis. 1995–1997. Sayi 15. S. 603.

[7] Ibid. S. 604.

ли личный характер[1]. С другой стороны, и накануне, и во время Первой мировой войны Арслан действительно был убежден, что от того, сохранится ли Османская империя, зависит не только судьба турок, но и судьба арабов и всего мусульманского мира.

Значимость услуг Шакиба Арслана для младотурецкого режима после начала Первой мировой войны только возросла, а следовательно, увеличился и его политический вес. Вступление Османской империи в войну на стороне Германской империи поставило представителей арабских элит перед сложным выбором: сохранить лояльность османам в надежде на расширение прав и, возможно, получение автономии в рамках империи или выступить против османской власти, в расчете на создание независимого арабского государства при поддержке держав Антанты. И тот и другой путь были сопряжены со значительными рисками. Как проницательно заметил немецкий арабист Герхард Хёпп, зазор между патриотизмом и коллаборационизмом для лидеров национальных освободительных движений всегда был очень небольшим[2]. Эмир Шакиб Арслан принадлежал к числу тех политиков, которые связывали собственное будущее и будущее арабов с сохранением Османской империи. Он рассматривал начавшуюся войну сквозь призму борьбы между исламской империей и Западом, цели которого состояли в завоевании и разделе мусульманских территорий[3].

Тайное соглашение, подписанное 2 августа 1914 г. между Германской и Османской империями и оформившее военный союз двух держав, одни исследователи рассматривали как логический и почти неизбежный шаг на пути хотя и противоречивого, но поступательного германо-османского сближения, продолжавшегося на протяжении нескольких предшествовавших десятилетий. Согласно другой точке зрения, это соглашение стало одним из плохо продуманных решений триумвиров (и прежде всего Энвер-паши) в рамках их в целом довольно авантюристичного внешнеполитического курса. Однако это соглашение стало не столько результатом инерции османско-германского сближения или амбиций и особого отношения к Германии Энвер-паши, но скорее

---

1 *Atçıl A.* Decentralization, Imperialism, and Ottoman Sovereignty in the Arab Lands before 1914: Shakīb Arslān's Polemic against the Decentralization Party // Welt des Islams. 2013. Vol. 53, № 1. P. 34.

2 *Höpp G. Z.* Entente und Mittelmächten: arabische Nationalisten und Panislamisten in Deutschland (1914 bis 1918) // Asien, Afrika, Lateinamerika: Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien-, Afrika- und Lateinamerikawissenschaften in der DDR. Vol. 5. Berlin, 1991. S. 827.

3 *Rabah M.* Arslān, Shakīb, Amīr. 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin, 2014. P. 3.

объяснялось стремлением младотурецкого руководства обеспечить выживание Османской империи в условиях стремительно приближавшегося масштабного военного конфликта.

Деятельность Шакиба Арслана до войны и в еще большей степени после начала войны трудно понять и оценить, если не учитывать его приверженность данной логике — логике выживания империи. Тем не менее, хотя эта логика являлась преобладающей, она не была единственной, могла быть подвижной и не исключала внутренних противоречий. Не сомневавшиеся в необходимости не допустить распада Османской империи, Шакиб Арслан и лидеры младотурок подчас расходились в том, каким образом следует добиваться ее сохранения. Однако союз Османской империи с одной из мощнейших европейских держав в глазах Шакиба Арслана был шагом в правильном направлении и повышал шансы Османской империи на самосохранение.

Помимо политических расчетов у Арслана были и личные причины для проявления симпатий в отношении Германии. Когда кайзер Вильгельм II в ходе его знаменитой поездки по Ближнему Востоку посетил Дамаск, Арслан был назначен султаном Абдулхамидом II его сопровождающим в этом городе[4]. Еще раньше, в ходе поездки Арслана в Египет, он познакомился Максом фон Оппенгеймом, сотрудничество и дружеские отношения с которым он будет поддерживать на протяжении всей жизни.

30 августа 1914 г., уже после подписания османами тайного соглашения о союзе с Германией, но до вступления Османской империи в войну, Шакиб Арслан встретился с послом Германии в Стамбуле бароном Гансом фон Вангенгеймом. В своей телеграмме в МИД Вангенгейм охарактеризовал Арслана как «личность, активно участвующую в антианглийской пропаганде в исламе»[5]. По его словам, Арслан подчеркнул абсолютную необходимость в получении оружия для повстанческого движения. Арслан предложил также выбрать определенное количество мусульманских военнопленных из туркос и зуавов[6], чтобы направить их в Османскую империю. Шакиб Арслан выразил мнение, с которым согласился Вангенгейм, что «такой шаг, если он будет предпринят, подобно лесному пожару распространился бы на весь мусульманский мир

---

4 *Rabah M.* Arslān, Shakīb, Amīr. 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin, 2014. P. 178.

5 Politisches Archiv des Auswirtigen Amtes, Bonn (далее: PAAA). R 21667, Bl. 47.

6 Так называли арабских и берберских солдат, служивших в колониальных полках французской армии.

и возымел бы больший эффект, чем любое из наших ранее используемых средств агитации»[1].

Акция, предложенная Арсланом, вскоре будет осуществлена — после официального объявления о вступлении Османской империи в войну возле немецкого посольства в Стамбуле состоялось публичное мероприятие, в ходе которого несколько бывших военнопленных мусульман были продемонстрированы публике, а один из них даже выступил с речью. И хотя эта акция вряд ли произвела такой пропагандистский эффект, о котором говорил Арслан, вопрос о дальнейшей судьбе военнопленных-мусульман будет оставаться в фокусе немецко-османского сотрудничества почти на всем протяжении войны[2].

Став членом Комитета по иностранным делам в османском парламенте, Арслан получил дополнительные возможности для взаимодействия с военным союзником империи — Германией и внес свой вклад в поддержание османско-германского альянса. Он, например, выполнял функции посредника между великим визирем Османской империи Саидом Халимом и послом Германии в Стамбуле Вангенгеймом в тот момент, когда между ними были напряженные отношения[3].

С началом войны Шакиб Арслан стал помощником Джемаль-паши, который в ноябре 1914 г. занял должность командующего османскими войсками в Сирии, а впоследствии — генерал-губернатора сирийских

---

[1] Politisches Archiv des Auswirtigen Amtes, Bonn (далее: PAAA). R 21667, Bl. 47.

[2] В частности между немцами и турками возникли определенные разногласия по поводу действий в отношении российских военнопленных-мусульман (большинство из которых являлись татарами), находившихся в одном из специальных лагерей на территории Германии. Энвер-паша в октябре 1915 г. обсуждал с немецким послом в Германии Вангенгеймом возможность поселения российских мусульман в Турции после окончания войны. Османскими властями был подготовлен соответствующий указ, подписанный султаном, содержавший обещания принять в Турции даже тех татар, которые не будут участвовать в джихаде. Данный указ, однако, не получил поддержки военного министерства Германии из-за того, что в нем «ничего не было сказано о священной войне» (Гатауллина Л. Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915–1916 гг.) (по материалам архива Министерства иностранных дел Германии) // Учен. зап. Казан. ун-та. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 113). Энвер-паша в письме, направленном в Тешкилят-и Махсуса, не скрывал своего раздражения позицией Берлина: «Мы без всяких условий передаем Германии немецких военнопленных, которые у нас находятся, и мы не спрашиваем, как их будут использовать немецкие власти. Поэтому пусть немцы отправят нам военнопленных мусульман татар, которые к ним попали, и не спрашивают у нас, что мы с ними будем делать» (Цит. по: *Keleşyılmaz Vahdet* Teşkilat-ı Mahsusa ve Cermen Esir Kamplarında Tatarlar // Atatürk Yolu Dergisi. 2000. 6 (21). S. 78).

[3] *Adal R.* Shakib Arslan's Imagining of Europe: The Coloniser, the Inquisitor, the Islamic, the Virtuous, and the Friend. Nathalie Clayer and Eric Germain (eds.), Islamin Interwar Europe. London, 2008. P. 188.

провинций. Во время войны Арслан приложил немало усилий для вербовки сирийцев и друзов для службы в турецкой армии[4]. Узнав о планах Джемаля предпринять экспедицию на Синай (с последующей атакой на Суэцкий канал), Шакиб Арслан попросил освободить его от исполнения депутатских обязанностей, чтобы возглавить добровольческий полк друзов в Синайской кампании[5].

Шакиб Арслан становится одним из ведущих авторов газеты «аль-Шарк», созданной по указанию Джемаль-паши для обеспечения поддержки сирийцами младотурецкого режима, мотивации их к участию в османском джихаде, а также для борьбы с «сепаратистским» арабским движением[6].

Однако именно во время правления в Сирии Джемаль-паши там произошли события, которые поставили Шакиба Арслана в весьма сложное положение. Джемаль нанесет жестокий удар по местной арабской элите, обвинив часть ее представителей в сепаратизме: несколько человек по его приказу будут повешены, многие — высланы в Анатолию. Репрессиям подвергались любые арабские подданные, заподозренные в нелояльном отношении к османской власти. За эти действия Джемаль получит в арабских кругах прозвище «Мясник»[7]. Шакиб Арслан не только осудил эту политику, но и постарался использовать свои связи для того, чтобы остановить репрессии или хотя бы смягчить их последствия. В частности он неоднократно обращался к Талаат-паше и Энвер-паше с просьбами предотвратить высылку представителей арабской элиты в Анатолию, а также предпринять меры для борьбы с голодом в Сирии. Кроме того, в 1916 г. он обратился к немецкому консулу в Бейруте и немецкому послу в Стамбуле, осудив политику Джемаль-паши в отноше-

---

[4] *Bessis Juliette* Chekib Arslan et les mouvements nationalistes au Maghreb // Revue Historique. 1978. H. 526. S. 470.

[5] *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018. С. 96.

[6] *Çiçek M. Talha.* Arab Supporters of the Belligerent Countries // 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin, 2014. P. 2.

[7] Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт в своей секретной телеграмме от 8 августа 1916 г. передал сообщение А. Н. Мандельштама о ситуации в Сирии: «Арабское население терроризируется по-прежнему, в чем Джемалю Паше оказывает содействие Бейрутский Вали Азми Паша… Непрекращающиеся казни до сих пор предупредили открытое восстание арабов, все же положение в крае очень опасное для Турции. Недавно в Дамаске арабами сожжено 6000 мешков с зерном и 2000 мешков с мукою, предназначенных для турецкой армии. Дамасский Муфтий арестован властями за проповеди в мечетях, в которых он осуждал войну в союзе с немцами, как противную Исламу» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 482. Д. 4073. Л. 125.).

нии арабов и надеясь на то, что ситуацию сможет изменить вмешательство немецких союзников[1].

По мнению Шакиба Арслана, безжалостная политика Джемаль-паши стала одной из самых страшных катастроф, которые произошли с мусульманским миром и Османской империей на протяжении всей их истории[2]. Позднее в своих мемуарах он утверждал, что даже если политика угнетения, которую проводил Джемаль-паша, не привела к арабскому восстанию, она стала оправданием для тех, кто предпочитал европейскую администрацию османской на Аравийском полуострове. В любом случае, полагал он, турецкие националисты, каковым являлся Джемаль-паша, не имели права наказывать арабских националистов[3]. Характерно, что Джемаль-паша, который подробно описал в мемуарах[4] свою деятельность в Сирии в качестве командующего 4-й армией и генерал-губернатора, в том числе борьбу с арабской оппозицией в Сирии, ни разу не упомянул имя Шакиба Арслана.

В рамках принятой германским МИД осенью 1914 г. программы по подготовке восстаний и революций, имевшей глобальный охват[5], немецкие дипломаты искали возможности для продвижения пропаганды Германии не только в Европе, но и в неевропейском мире, в том числе на Ближнем Востоке. Привлекаемые к сотрудничеству ближневосточные союзники немцев нередко рассматривали в качестве целевой аудитории не только своих единоверцев, но и немецкую публику. А это значило, что дискуссии и пропагандистское противостояние, которые развернулись на Ближнем Востоке, переносились в европейский культурный и политический контекст. Естественно, они не могли не приобрести новые формы и смысловые оттенки, тем более что ближневосточные деятели должны были искать, осваивать или изобретать новый язык для обращения к непривычной для себя аудитории. Издававшийся Шакибом Арсланом в Женеве с 1930 по 1938 г. франкоязычный журнал «Арабская нация» («La Nation Arabe») станет мощным инструментом, который позволит ему влиять на общественное мнение не только

---

1 *Sinno A.-R.* Gedanken und Haltungen von Schakib Arslan zum I. Weltkrieg, Vortrag am Zentrum Moderner Orient. Berlinam 30/31. 3. 2006. S. 7. URL: http://www.abdelraoufsinno.com/Conferences/docum_74.pdf

2 *Fikriye K.* Arab intellectuals under the Young Turks: a comparative-historical analysis on memoirs (1908–1918). PhD Dissertation, İstanbul, 2013. P. 60.

3 Ibid. P. 62.

4 *Djemal A.* Memories of a Turkish statesman — 1913–1919. New York, 1922. 302 p.

5 *Jenkins J.* Fritz Fischer's «Programme for Revolution»: Implications for a Global History of Germany in the First World War // Journal of Contemporary History. 2013. №48 (2). P. 397.

в Европе, но и в странах арабского (мусульманского) мира. Однако это будет позднее, а первый опыт общения с европейской аудиторией Шакиб Арслан получил в годы войны, прибыв летом 1917 г. в Германию со специальной миссией в качестве эмиссара Энвер-паши. Энвер, как, впрочем, и Талаат, полностью доверял ему, и Арслану не раз приходилось выполнять самые деликатные их поручения. Тем более что эмир являлся не только депутатом османского парламента, но и членом созданной Энвер-пашой службы османской разведки Тешкилят-и Махсуса.

Шакиб Арслан ездил по стране, выступал с лекциями, встречался с руководителями германского МИД, а также с представителями немецких общественных и деловых кругов. 22 ноября 1917 г. Шакиб Арслан посетил два специальных лагеря для военнопленных мусульман («лагерь виноградника» и «лагерь полумесяца»), располагавшихся недалеко от Берлина.

В Берлине Арслан встретился со своим старым знакомым — Максом фон Оппенгеймом. Арслан, который находился в дружественных отношениях с Оппенгеймом уже более 20 лет, стал для последнего, а значит, и для немецкой дипломатии важным источником информации о политических событиях в Османской империи, арабо-османских отношениях и действительном отношении Османской империи к Европе[6]. Уже после прибытия Арслана в Германию Оппенгейм характеризовал его в своей записке как серьезного, независимого и образованного лидера[7].

В Мюнхене эмир прочитал лекцию о голоде в Сирии, заявив, что он был вызван действиями союзников, которые заблокировали все морские пути в Сирию[8]. Арслан и Энвер-паша направили письмо папе римскому, в котором попросили его помочь Сирии продовольствием и материалами. Позднее Арслан сам напишет послание папе римскому, в котором потребует отправить продовольственную помощь хотя бы для христиан Сирии и Ливана[9]. Голод в Сирии, вызванный военными действиями, массовыми депортациями, нашествием саранчи и морской блокадой,

---

6 Not All Quiet on the Ottoman Fronts, Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918, reviewed by Zaur Gasimov. URL: https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=42037.

7 *Sinno A.-R.* The Role of Islam in German Propaganda in the Arab East during the First World War: Aims, Means, Results and Local Reactions // The First World War as Remembered in the Countries of the Eastern Mediterranean. Ed. by Farschid O., Kropp M., Dähne S. Beirut, 2006. P. 401.

8 *Fikriye K.* Arab intellectuals under the Young Turks: a comparative-historical analysis on memoirs (1908–1918). PhD Dissertation, İstanbul, 2013. P. 61.

9 Ibid.

стал еще одним поводом, использовавшимся противостоящими сторонами для дегуманизации противника.

Выступления и статьи Арслана в это время публиковались как в немецких периодических изданиях, так и в исламских газетах и журналах, которые выходили в Берлине при поддержке «Службы информации по Востоку». В них Шакиб Арслан излагал немецкой публике и исламским эмигрантам в Германии свое видение происходивших на Ближнем Востоке событий и ключевых проблем региона. Интересно, что разные издания по-разному представляли Арслана немецким читателям — как «главу племени друзов», как «депутата от Хаурана в турецком парламенте» и часто — как «нашего арабского сотрудника». Сам Шакиб Арслан считал себя не только лидером друзов, но и представителем сирийских арабов, а также арабской эмигрантской элиты в Европе[1]. Иногда в своих статьях он говорил от имени всех арабов.

Несмотря на то что в своих многочисленных публикациях и выступлениях эмир затрагивал широкий круг проблем, существовали сюжеты, к которым он обращался постоянно: Османская империя и ее судьба, взаимоотношения арабов и турок, восприятие арабами и мусульманами Германии и стран Антанты.

Шакиб Арслан неоднократно заявлял, что политика Германии в отношении мусульманских стран отличается от политики других европейских держав. Описывая ее отношения с исламским миром, он утверждал, что Германия не порабощала людей и не разграбляла их богатства, не использовала в своих целях чувства мусульман и арабов, стремящихся к независимости, как это делала Великобритания, особенно в случае с шерифом Мекки[2].

В статье «Ислам и Германская империя» он писал: «Ясно, что ислам должен дружить с противниками тех, кто планирует зло против ислама. А кто в настоящее время является более сильным противником Британии и Франции на суше и на море, чем Германия?»[3]

Шакиб Арслан полагал, что Германия может сыграть большую роль в послевоенном развитии мусульманского мира (в том числе Сирии).

---

1 *Sinno A.-R.* Gedanken und Haltungen von Schakib Arslan zum I. Weltkrieg, Vortrag am Zentrum Moderner Orient. Berlinam 30/31. 3. 2006. S. 2. URL: http://www.abdelraoufsinno.com/Conferences/docum_74.pdf.

2 *Sinno A.-R.* The Role of Islam in German Propaganda in the Arab East during the First World War: Aims, Means, Results and Local Reactions // The First World War as Remembered in the Countries of the Eastern Mediterranean. Ed. by Farschid O., Kropp M., Dähne S. Beirut, 2006. P. 401.

3 Ibid.

«Для развития мусульманского мира обязательно нужна великая европейская держава, — писал он, — и этой державой может быть только Германия»[4]. Более того, Арслан писал о необходимости колониальной экспансии для Германии, которая как колониальная держава значительно уступала Великобритании и Франции. В то же время, делая различие между колониализмом Германии и колониализмом ее противников, он говорил о «колониальной экспансии мирными средствами, не угнетающей свободу народов, а поощряющей и требующей ее»[5].

Арслан понимал, что исход войны предопределит будущее Османской империи, и полагал, что сохранение империи является гарантией защиты арабов от колониального подчинения, а также одним из условий (хотя и не единственным) для развития всех проживающих в ее пределах народов.

В годы Первой мировой войны и особенно после начала «арабского восстания» шерифа Мекки Хусейна актуализировался вопрос о халифате — о том, кто должен быть халифом и по праву ли османский султан носит титул халифа. Шакиб Арслан также вступил в эту дискуссию, подчеркивая, что арабы признают заслуги турок, которые защищали ислам почти против всей Европы, и поэтому охотно уступили халифат османскому султану[6]. Фактически эмир воспроизводил в данном случае утвердившуюся в Османской империи теорию халифата[7].

Утверждая, что большинство арабов сохраняют преданность османской власти и выступают против распада Османской империи, он, тем не менее, признавал существование внутренних и внешних вызовов, угрожающих империи. Один из них он видел в наличии достаточно глубоких противоречий между арабами и турками, которые разжигали и стремились использовать Великобритания и Франция. В этой связи он выступал с критикой правительства младотурок, которые, как он писал, «с большим рвением, как каждая молодая партия, недавно захва-

---

[4] *Arslan S.* Die Notwendigkeit kolonialer Ausdehnung für das deutsche Reich // Rheinisch-Westfälische Zeitung. 1917. № 895. Nov. 10.

[5] Ibid.

[6] *Arslan S.* Was Syrien vom Kriege erwartet // Der Neue Orient. 1917. Bd. 2, № 1. S. 7.

[7] Как писал исследователь Мартин Крамер, «теория халифата, в том виде, в каком она циркулировала в Османской империи, вряд ли содержала аллюзию к курейшитскому происхождению и выборности, которые были заменены утверждением священного закона и воинственной защитой ислама как действенными критериями для подтверждения любых притязаний на исламский халифат». Цит. по: *Наумкин В. В.* Некоторые аспекты дипломатического соперничества Советского Союза и Великобритании в Аравии в1920-е гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 2. С. 13.

тившая власть, проявляют в своей политике чрезмерно националистические тенденции»[1].

Подобная политика, по мнению эмира, увеличивала число тех арабов, которые ориентировались на Великобританию и Францию и выступали за создание независимого арабского государства.

Вместе с тем Шакиб Арслан призывал не преувеличивать арабо-турецкие противоречия: «В Европе обманываются, — отмечал он, — если думают, что ненависть между ними так далеко простирается, что арабы могут радоваться поражению Турции от европейцев»[2]. Арслан полагал, что даже шериф Хусейн и те арабы, которые ненавидят турок, рассчитывали на установление такого европейского баланса, при котором независимость арабского государства должна была обеспечиваться со стороны независимой и усилившейся Турции. Эту мысль эмир формулировал даже в более парадоксальном ключе: «Самый большой враг Турции среди арабов знает, что Турция является его единственным защитником»[3].

Фактически Арслан критиковал шерифа Хусейна и других арабов, выступивших против османских властей, не столько за само выступление, сколько за то, что, по его мнению, преследуемая ими цель — создание сильной и независимой арабской империи — не могла быть осуществлена при опоре на державы Антанты.

Если до начала Первой мировой войны Шакиб Арслан выступал с резкой критикой сторонников децентрализации, то в конце войны он сам видел в проведении политических и административных реформ необходимое условие сохранения Османской империи. О необходимости реформирования политической системы Османской империи Арслан говорил с немецкими чиновниками в ходе его первого приезда в Германию в 1917 г.[4]

Главный внешний вызов для Османской империи и всего мусульманского мира эмир видел в колониальных устремлениях государств Антанты. Арслан был обеспокоен активной пропагандой Великобритании среди арабского населения Османской империи и британскими обещаниями поддержать независимость арабов. В статье «Арабы и англичане» и других публикациях он снова и снова формулировал и стре-

---

1 *Arslan S.* Das Osmanische Reich // Süddeutsche Monatshefte. 1918. № 10. Jg. 15. S. 239.
2 Ibid. S. 238.
3 Ibid.
4 *Sinno A.-R.* Gedanken und Haltungen von Schakib Arslan zum I. Weltkrieg, Vortrag am Zentrum Moderner Orient. Berlin am 30/31. 3. 2006. S. 3. URL: http://www.abdelraoufsinno.com/Conferences/docum_74.pdf.

мился доказать тезис о том, что англичане никогда не допустят создания сильной арабской империи. Такая империя, рассуждал он, стала бы доминировать в Красном море и, следовательно, получила бы контроль над дорогой в Индию[5].

Указывая на контраст между политикой Германии и Великобритании в отношении Османской империи и арабов, он считал, что если в первом случае речь идет о проявлении приязни, то во втором — о вражде, имеющей длинную историю[6].

Вскоре после возвращения Шакиба Арслана в Стамбул Энвер-паша снова направил его обратно в Берлин для того, чтобы обсудить некоторые проблемы между Османской империей и Германией в отношении Кавказа и российского флота в Черном море[7].

Шакиб Арслан продолжал сотрудничать с Энвер-пашой, Джемаль-пашой и Талаат-пашой, как и другими представителями младотурецкой партии после их бегства из Турции. Он стал активным участником многих формирующихся в эмигрантской среде Европы транснациональных сетей. Прежде чем переехать в Швейцарию, Шакиб Арслан некоторое время возглавлял организованный Талаат-пашой в Берлине «Восточный клуб». В какой степени взгляды Арслана определялись его происхождением, а в какой — более поздним политическим опытом и интеллектуальным влиянием Мухаммеда Абдо и других мыслителей? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Шакиб Арслан принадлежал к друзской общине, и, как полагает исследователь Абдуррахман Атчил, позиция и идеи Шакиба Арслана на политической арене до Первой мировой войны прежде всего основывались на опыте его семьи в рамках особого режима управления Горным Ливаном, существовавшим с 1861 г. Именно знанием Арслана того, как функционировал данный режим, этот исследователь объясняет неприятие Арсланом децентрализованной администрации, которая ассоциировалась в его глазах с ростом иностранного влияния[8].

Приверженность Шакиба Арслана принципу исламской солидарности и сохранению халифата, которая отличала и ряд других сирийских националистов, объяснялась, по всей видимости, прагматичными сооб-

---

5 *Arslan S.* Die Araber und die Engländer // Der Neue Orient. 1917. Bd. 1, №6. S. 264.

6 Ibid. S. 266.

7 *Adal R.* Shakib Arslan's Imagining of Europe: The Coloniser, the Inquisitor, the Islamic, the Virtuous, and the Friend // Islam in Interwar Europe. London, 2008. P. 188.

8 *Atçıl A.* Decentralization, Imperialism, and Ottoman Sovereignty in the Arab Lands before 1914: Shakib Arslān's Polemic against the Decentralization Party // Welt des Islams. 2013. Vol. 53, № 1. P. 28.

ражениями: и то и другое они считали необходимым условием для выживания Османской империи перед лицом угрозы со стороны Запада. По тем же причинам Арслан был убежден в необходимости сохранять лояльность Османской империи (и идеологии османизма)[1]. Разумеется, идеологическая позиция Шакиба Арслана была неразрывно связана с его личными амбициями: он смог стать заметной фигурой на османской политической сцене не только в качестве одного из лидеров общины друзов, но и как исламский деятель и активный сторонник младотурецкого режима.

В годы Первой мировой войны многие представители национальных движений пройдут схожий путь (переезд в Германию, сотрудничество с немецкими службами, в том числе по линии пропаганды). Важно, однако, увидеть и понять не только их личные мотивы, но и ситуационный контекст взаимодействия, а также формирующиеся в ходе войны и после ее окончания разнообразные связи и сообщества. Это поможет лучше оценить влияние Первой мировой войны на динамику послевоенных национальных и антиколониальных движений. С окончанием войны антиколониальная борьба не только не ослабла, но, напротив, приобрела дополнительную динамику, а созданные в ходе войны сети взаимодействия, институты и сообщества трансформировались, но продолжали действовать в 1920-е, а в ряде случаев и в 1930-е гг., оставаясь фактором как европейских, так и ближневосточных политических процессов.

2. Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша между Москвой и Берлином (1918–1922)

В 1918-м — начале 1920-х гг. на пространстве, которое контролировали распавшиеся в результате Первой мировой войны Российская, Германская и Османская империи, произошло распыление власти, на развалинах империй заявили о себе новые политические силы, создававшие самые причудливые коалиции, которые, как правило, не были долговечными. Это было время, когда стали возможны не только удивительные, на первый взгляд, политические союзы, но и парадоксальные идеологические сближения, переплетения и заимствования.

---

[1] *Havemann A.* Between ottoman loyalty and arab independence: Muhammad Kurd Alī, Ǧirǧī Zaydān, and Šakīb Arslān // Quaderni di Studi Arabi. 1987–1988. 5–6. P. 356.

Российский историк А. И. Миллер полагает, что при изучении национальной политики и формирования наций, во всяком случае применительно к «длинному» XIX в., важно держать в поле зрения макросистему континентальных империй Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов[2]. События, последовавшие за окончанием Первой мировой войны, свидетельствуют о сохранении разнообразных взаимосвязей и взаимовлияний национальных и политических движений в рамках упомянутой макросистемы в условиях исчезновения имперской власти. Более того, исчезновение прежних государственных и административных границ, пластичность, подвижность и проницаемость новых обусловили большую интенсивность контактов между разнообразными силами на пространстве прежних империй[3].

В последние годы трансграничная и транснациональная перспектива становится все более востребованной в рамках изучения не только истории империй, но и периода, последовавшего за их распадом[4].

Деятельность лидеров младотурок в эмиграции, их роль в восточной политике РСФСР, и в частности их влияние на формирующиеся советско-турецкие отношения, освещены в работах ряда российских авторов[5]. Ю. Н. Тихонов опубликовал серию работ и документов, освещающих вклад Джемаль-паши в развитие советско-афганских отношений, а также шаги Джемаль-паши, направленные на организацию (при под-

---

2 *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 32.

3 Впрочем, границы между империями, особенно в сложных пограничных зонах, в течение длительного времени отличались подвижностью и проницаемостью, о чем писал, в частности, Альфред Ридер (*Ридер А.* Сравнивая континентальные империи. Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 33–71).

4 Швейцарский исследователь турецкого происхождения Альп Йенен полагает важным, в частности, изучение в рамках данного подхода роли негосударственных субъектов в формировании государств на постоттоманском Ближнем Востоке (*Yenen A.* Approaching Transnational Political History: The Role of Non-State Actorsin Post-Ottoman State-Formation // In Transnational Actors — Crossing Borders: Transnational History Studies. Ed. by Steffi Marung and Matthias Middell. Leipzig, 2015. P. 261).

5 *Казанджян Р.* Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920–1922). М., 1996; *Гилленсен Б. М.* Сотрудничество Красной Москвы с Энвер-пашой и Джемаль-пашой // Восток (Oriens). 1996. № 3. С. 45–63; *Вдовиченко Д. И.* Энвер-паша // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 42–57.

держке Советской России) революции в Британской Индии[1]. В западной историографии также выходили работы, посвященные истории младотурецкой эмиграции[2] и, в меньшей степени, берлинскому периоду эмиграции лидеров младотурок[3].

«Длинный» XIX век и «долгая» Первая мировая война

Среди историков имеется немало сторонников концепции «длинного» XIX в., связывающих конец XIX в с началом Первой мировой войны, ознаменовавшей переход к другой, отличной от довоенного времени эпохи. Немецкий историк Юрген Остерхаммель, продемонстрировавший в своей работе «Трансформация мира. История XIX века» условность эпохальных границ и значимость длительностей и непрерывностей, не отрицая такой подход, полагает, однако, что эта концовка была бы целесообразна при анализе таких трансформаций, как взаимосвязи в мировой экономике, но при анализе других — нет[4]. Ю. Остерхаммель не использует в отличие от некоторых других историков понятие «долгой» Первой мировой войны, но его подход предполагает условность 1918 г. как даты ее окончания. Длинный XIX в., пишет он, в некоторых случаях приходится оканчивать началом 1920-х гг.: переходом в глобальное послевоенное время, в котором новые технологии и новые идеологии проложили глубокий ров между послевоенной модерностью и временем до 1914 г.[5]

---

1 *Тихонов Ю. Н.* «Ключ к мировой революции находится в Индии». Меморандум А. Джемаль-паши советскому правительству. 1921 // Исторический архив. 2002. № 5. С. 73–92; *Он же.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. Новые архивные документы // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 50–62; *Он же.* Неизвестное письмо А. Джемаль-паши наркому Г. В. Чичерину // Восточный архив. 2017. № 1 (35). С. 45–50; *Он же.* «Революционная миссия» Джемаль-паши в Афганистане (1920–1922) // VITALEUS. М., 2010. С. 288–302; *Он же.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк, 2007.

2 *Cruickshank A.* A. The young Turk challenge in postwar Turkey // The Middle East Journal. 1968. Vol. 22, № 1. P. 17–28; *Dumont P.* La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16, № 2. P. 141–166; *Yılmaz Ş.* An Ottoman Warrior Abroad: Enver Paşa as an Expatriate // Middle Eastern Studies. 1999. Vol. 35, № 4. P. 40–69; *Yenen A.* The «Young Turk Zeitgeist» in the Middle Eastern Uprisings in the Aftermath of World War I // War and Collapse: World War I and the Ottoman State. Ed. by M. Hakan Yavuz and Feroz Ahmad, 1181–1216. Salt Lake City, 2016.

3 *Yamauchi M.* The Unromantic Exiles: Istanbul to Berlin. Enver Pasha 1919–1920. Research Report on Urbanism in Islam. Tokyo, 1989 (Monograph Series. № 11).

4 *Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: История XIX века. Главы из книги // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 25.

5 Там же. С. 26.

«Первая мировая война сама являлась фазой колоссального перехода и расширения цепей воздействия (*Wirkungskette*). Она началась с боевых действий на пространстве между Северо-Восточной Францией и Прибалтикой, которым, однако, предшествовали военные столкновения в Западной и Восточной Африке, и лишь в ходе дальнейших событий разрослась до *мировой* войны… 1919 г. стал годом политического переустройства Европы, Ближнего Востока и Африки, а также революционных или антиколониальных потрясений от Ирландии до Египта, Индии, Китая и Кореи»[6].

Упомянутые Ю. Остерхаммелем революционные и антиколониальные движения являлись не только порождением Первой мировой войны, но и в определенном смысле ее продолжением. Поэтому в сознании современников во многих странах 1918 г. не стал и не мог стать годом окончания войны.

Война и вызванные ею революционные потрясения вывели на авансцену истории новые фигуры. Многие из них, появившись и ярко проявив себя, сразу же уходили в небытие, другие смогли закрепиться на политическом Олимпе. В любом случае смена политической элиты, порой лавинообразная, стала неизбежным следствием крушения континентальных империй. Важно и то, что политическая практика, целеполагание, подходы к решению ключевых проблем всех участников (и государственных, и негосударственных, «старых» и «новых») в значительной степени или полностью определялись полученным ими военным опытом.

Современники этих событий и те, кто позднее обращался к их изучению, нередко описывали этот период как период крушения «старого» мира. Однако крушение, как правило, не происходит в одночасье, скорее возникают ситуации, когда новые идеи, институты, практики сосуществуют, конкурируют или переплетаются со старыми.

Принадлежали ли Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша к «старому», уходящему миру? С одной стороны, принадлежали, так как они олицетворяли собой османскую элиту (и в целом османский проект), приведшую империю к краху. Хотя они пришли к власти как представители реформаторски настроенной просвещенной оппозиции, как поборники свобод (не только для турок) и европейски понимаемого прогресса и примеряли на себя роль спасителей империи, но фактически стали

---

[6] *Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: История XIX века. Главы из книги // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 25.

ее могильщиками. Втягивание Османской империи в войну, закончившуюся ее поражением, коллапсом и иностранной оккупацией, определило восприятие и в конечном итоге политическую судьбу триумвиров.

Однако на сформулированный выше вопрос можно ответить и отрицательно, если принять во внимание активное участие Энвера, Джемаля и Талаата в формировании после 1918 г. сетей взаимодействия, идеологических и дискурсивных практик, неоднозначную и, возможно, недооцениваемую роль в национальном движении Турции, в советско-турецких и германо-турецких отношениях.

Из Стамбула — в Берлин

Поражение в войне заставило триумвиров не только отказаться от власти, но и сменить роль признанных политических и военных лидеров Османской империи на роль терпимых эмигрантов с сомнительным статусом в Германии, куда Энвер, Джемаль и Талаат прибыли в ноябре 1918 г. Но столь резкий поворот в их карьере и жизни не подтолкнул их к тому, чтобы выйти из политической игры. Они не собирались уходить в политическое небытие, а Энвер-паша не считал окончательными ни потерю власти в Турции, ни поражение в войне. Война еще не закончилась, и, даже если бы наступил мир, Энвер, как и многие другие политики и военные того времени и в Европе, и за ее пределами, был убежден в том, что после короткой передышки война возобновится.

Незадолго до бегства из страны, на последней встрече в его доме в Куручешме Энвер оценивал поражение в войне как не более чем временную неудачу: «Теперь начнется второй этап мировой войны. Не забывайте, в прошлом мы выиграли Балканские войны во второй фазе»[1].

Проиграв войну, потеряв власть и оказавшись в эмиграции, младотурецкие лидеры пытались, тем не менее, участвовать в формировании контуров послевоенного порядка, происходившем в ходе сложных договоренностей и прямого силового противоборства. Покинув Турцию, триумвиры оставались политическими субъектами, но никогда больше не смогли обрести политической легитимности. Исходя из этой посылки, все их действия в эмигрантский период жизни можно интерпретировать как бесконечные попытки добиться легитимности (в качестве представителей Турции, турецкого национального движения, руково-

[1] *Cruickshank A.* A. The young Turk challenge in postwar Turkey // The Middle East Journal. 1968. Vol. 22, № 1. P. 17.

дителей панисламистского движения, лидеров турецкой и мусульманской эмиграции в Европе) в глазах Мустафы Кемаля, Антанты и Советов.

Выбор младотурецкими лидерами Германии в качестве места эмиграции, конечно, не был случайным. Германия являлась не только военным союзником Турции, но и образцом для подражания для прогерманского крыла османской элиты, страной, в которой Энвер и другие младотурки, работавшие и жившие в Германии, приобрели важный профессиональный опыт и связи[2]. Поражение в войне и коллапс Германской и Османской империй обрушили прежнюю модель германо-турецких отношений, определяемую, хотя и не исчерпывающим образом, с момента вступления Османской империи в войну как «братство по оружию». Но, во-первых, обрушили не полностью и не сразу, а во-вторых, как у младотурок, так и у части немецких военных и политиков было желание, используя остатки прежних связей и институтов, выработать новую модель отношений, хотя и представляемую в тот момент обеими сторонами довольно смутно.

Лидеры младотурок могли рассчитывать на своих сторонников и «старых друзей» в Турции и Германии, на имеющиеся финансовые ресурсы и на свой политический опыт. Они планировали использовать в качестве инструментов политического влияния, пропаганды и разведки секретные организации «Каракол» и «Тешкилят-и Махсуса», сыгравшие зловещую роль в годы Первой мировой войны в ходе массовых убийств армянского населения в Османской империи. Эти же структуры предполагалось задействовать в качестве каналов поддержания связи, транспортировки оружия и денег.

Быстро меняющаяся международная обстановка вокруг Турции и внутриполитический контекст внутри страны позволяли надеяться на изменения, благоприятные для триумвиров. Многообещающими для них выглядели также изменения, происходившие в России, дававшие основания рассчитывать не только на помощь большевиков в борьбе с Антантой, но и на их содействие в возвращении к власти в Турции, а также на возможность реализации пантюркистских проектов в Закавказье и Туркестане. Энвер-паша и Джемаль-паша по-прежнему верили в возможность революции в Британской Индии, планируя действовать через Афганистан. Планы младотурок и большевиков в отношении этих двух стран, как заметил Ю. Н. Тихонов, во многом совпадали[3].

---

[2] В 1909 г. Энвер-паша находился в Берлине в качестве военного атташе.

[3] *Тихонов Ю. Н.* «Революционная миссия» Джемаль-паши в Афганистане (1920–1922) // VITALEUS. М., 2010. С. 290–291.

Анализируя деятельность Энвера, Талаата и Джемаля после их бегства из Турции, можно заключить, что они пытались компенсировать утраченные позиции внутри Турции активностью и стремлением выстроить разнообразные связи за ее пределами. Если проследить перемещения Энвера и Джемаля[1] за период с ноября 1918 по август 1922 г., то можно заметить, что кроме Берлина и Москвы на карте посещенных ими мест были другие важные пункты — Мюнхен, Лозанна, Париж, Баку, Батум, Тифлис, Кабул, Ташкент, Ашхабад, Бухара. На этой условной карте нет Стамбула или Анкары, но вряд ли стоит сомневаться, что они являлись главными точками притяжения для каждого из них.

Круг контактов, в которые вступали триумвиры в период пребывания их в Германии, дает представления о размахе и масштабе их деятельности: кроме турецкой (младотурецкой) эмиграции к нему относились различные политические силы в Европе как левого, так и правого толка, представители мусульманской эмиграции (в частности, арабской, афганской, индийской, иранской, азербайджанской, крымско-татарской, среднеазиатской, поволжской эмиграции, мусульмане из Румынии), эмиссары большевиков, военные, разведчики и дипломаты Великобритании, Франции, Италии.

Оказавшись за пределами Турции, бывшие лидеры Османской империи делали все возможное, чтобы включиться в переговорный (и политический) процесс в определении судьбы не только Турции, но и других территорий, как входивших (формально или фактически) в состав Османской империи (Египет, Аравия, Ирак, Сирия), так и не являвшихся ее частью (Афганистан, Туркестан, Кавказ, Индия)[2].

Эмигрировавшие лидеры младотурок являлись фактором (осложняющим либо благоприятствующим, но в любом случае требующим учета и реагирования) в германо-турецких, советско-германских и советско-турецких отношениях, а также в отношениях Анкары/Стамбула и Берлина с Парижем и Лондоном и в неофициальных советско-британских и советско-французских контактах. Их активная деятельность, хотя и оказывала неоднозначное влияние на отношения между названными акторами, не могла игнорироваться ни одним из них.

Позиции Британии и Франции в отношении младотурецких лидеров, казалось, были вполне определенными. С британской и француз-

---

[1] Талаат-паша после бегства из Турции не покидал Берлин, где и был убит 15 марта 1921 г. армянским националистом Согомоном Тайлиряном.

[2] *Yamauchi M.* The Unromantic Exiles: Istanbul to Berlin. Enver Pasha 1919–1920. Research Report on Urbanism in Islam. Tokyo, 1989. P. 3–4.

ской точки зрения, они являлись военными преступниками, ответственными за массовые убийства армянского населения Османской империи в 1915–1916 гг. Франция и Великобритания неоднократно требовали от германского МИД их высылки. Однако в Берлине видели в пребывании младотурок в Германии не только дополнительные проблемы, но и определенные возможности.

Исследователи, обращавшиеся к германскому периоду деятельности Энвера, наиболее часто упоминали имя Ганса фон Секта, безусловно, наиболее важной фигуры из «старых знакомых» Энвер-паши. Однако у Энвера имелись связи и с другими заметными персонами в немецких дипломатических и военных кругах, которые он стремился восстановить, снова оказавшись в Германии. К ним относились, в частности, Макс фон Оппенгейм, археолог и дипломат, Конрад Фрайхерр фон Вангенхайм, бывший немецкий посол в Константинополе, Теодор Виганд, немецкий археолог, Фридрих Сарре, исламовед и офицер, Ганс Хуманн, бывший военно-морской атташе в Стамбуле, друг Энвер-паши.

Германские ведомства, прежде всего МИД, пытались скрывать присутствие Энвера, Джемаля и Талаата в Берлине, однако выполнению этой и без того трудной задачи мешала их лихорадочная и, к неудовольствию немецких дипломатов, не всегда незаметная деятельность[3].

Документы германского МИД осени 1920 г., когда Энвер ненадолго вернулся в Берлин из Москвы, отражают скорее опасения, некоторую растерянность и стремление дистанцироваться от него, чем желание использовать Энвера в политической игре: «…является удивительным прибытие Энвер-паши в Берлин, — сообщалось в записке от 20 октября 1920 г., — с большими денежными средствами и с письмом к Т. (Талаату. — *С. Ш.*) очень важного содержания»[4].

В качестве информатора германского МИД в это время выступал Пауль Вайтц (в годы войны корреспондент «Frankfurter Zeitung» в Константинополе, «полудипломат», как его называл Г. Моргентау[5]), поддерживавший связь с Энвером. В записке от 7 ноября 1920 г. Вайтц сообщал, что Энвер надеется при посредничестве и содействии «неза-

---

[3] *Mangold-Will S.* Begrenzte Freundschaft. Deutschland und die Türkei 1918–1933 (Moderne Europäische Geschichte, Bd. 5). Göttingen, 2013. S. 42.

[4] BArchivP, AA. F4927. Bl. 551976.

[5] Айрапетов О. Решающие дни для Болгарии: август — сентябрь 1915. Политика. Из истории политики и дипломатии. URL: https://regnum.ru/news/polit/1954459.html.

висимых»[1] осуществить транспортировку в Россию большой партии оружия и обмундирования[2].

«П. В. (Пауль Вайтц. — *С. Ш.)* вновь подчеркнул, что Э. (Энвер-паша. — *С. Ш.*) обладает большими денежными средствами, и уверен, что Э. без всякого учета нашей позиции займется организацией транспортировки оружия, что для него также нежелательно, тем не менее при определенных обстоятельствах абсолютно безразлично, знает ли что-то Антанта о его махинациях. У П. В. тем не менее сложилось впечатление, что местная Антанта еще ничего не знает о местоположении Энвера и его намерениях»[3].

Над Энвером, Талаатом и Джемалем, приговоренными 5 июля 1919 г. военным судом в Стамбуле к смертной казни, нависла угроза высылки из Германии. Неслучайно Пауль Вайтц в письме на имя главы германского МИД от 16 января 1921 г. отмечал, что до него дошли надежные сведения о решении выслать Энвера из Германии. Такое решение, по его мнению, стало бы роковой политической ошибкой и несмываемым позором для Германии.

«На его родине, — писал Вайтц, — он полностью обанкрочен. С человеческой точки зрения, ему будет очень сложно снова играть какую-либо военную или политическую роль в Турции. Ему было бы легче это сделать только в том случае, если бы он как мученик из-за немецкой высылки снова возвратился бы на родину. Далеко за пределами исламской Турции, во всех мусульманских странах подобный акт беспощадности рассматривался бы и оценивался как беспрецедентная в истории неблагодарность. Этот акт привел бы к тому, чего наши противники добиваются: Германская империя лишилась бы на годы вперед симпатий во всем исламском мире, которые не следует недооценивать»[4].

Автор документа писал об интересах Германской империи, а не Веймарской республики, выражая парадигму восприятия и описания ислама, представлявшую ислам и тождественный ему мусульманский мир как нечто целостное, имеющее свои симпатии и антипатии и поддающееся воздействию извне. Эта парадигма лежала в основе исламской

---

[1] Слово «независимые» (der Unabhangigen) написано в документе не печатными буквами, а прописью. Видимо, имеется в виду Независимая социал-демократическая партия Германии, участвовавшая и в ноябрьской революции 1918 г., и, наряду с Коммунистической партией Германии, — в организации восстания рабочих в Берлине 5–12 января 1919 г.

[2] BArchivP, AA. F4927. Bl. 551978.

[3] Ibid. Bl. 551979.

[4] BArchivP, AA. F4928, Bl. 552116–552117.

политики великих держав в годы Первой мировой войны и после ее завершения, определяя видение ислама как сторонниками и идеологами панисламизма, так и теми, кто рассматривал панисламизм как угрозу (инструмент) в своей политике. Подобный взгляд на ислам активно эксплуатировал и Энвер-паша, пытаясь выстроить взаимоотношения с британцами, большевиками и Кемалем.

Британцы, мусульмане в Германии и Энвер-паша

В годы Первой мировой войны Османская империя в союзе с Германией направила значительные усилия на то, чтобы сделать ислам, и в частности идеологию панисламизма, инструментом борьбы против Британской империи на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и Индии. Энвер-паша являлся одним из главных вдохновителей и организаторов этой пропагандистской кампании. Поэтому у британцев имелись все основания опасаться Энвера, ставшего к 1918 году «заклятым врагом Антанты на Востоке»[5], и после его бегства из Турции. Разумеется, он уже не был одним из руководителей государства-противника, но его деятельность по-прежнему могла нести существенную, хотя и трудно определяемую угрозу Британской империи. Британскую секретную службу, отслеживавшую деятельность младотурок в Германии, беспокоило то, что последние пытались использовать антибританские группы различного происхождения и ориентации, которые сосредоточились в Германии[6].

В годы Первой мировой войны и после ее завершения в странах Европы сложились заметные сообщества мусульман. И хотя европейские страны стали привлекательным местом эмиграции для мусульманских политиков и общественных деятелей уже в XIX в., все же мусульманская миграция 1910–1920-х гг. стала для Европы принципиально новым феноменом, если учитывать ее масштаб, разнообразие и активность ее представителей, а также ее роль в общественно-политической жизни европейских стран. Среди мусульманских общин в Европе, включавших в себя представителей разных национальных и религиозных движений, контактировавших друг с другом и образовывавших транснациональные сети, заметными были панисламистские группы и организации, активно действовавшие в Швейцарии, Австрии и Германии. Британцев

---

[5] *Glenda F.* Enver Pasha's Bid for Turkestan, 1920–1922 // Canadian Journal of History. 1988. Vol. 22. P. 197.

[6] *Mangold-Will S.* Begrenzte Freundschaft. Deutschland und die Türkei 1918–1933 (Moderne Europäische Geschichte, Bd. 5). Göttingen, 2013. S. 45.

и французов, вынужденных следить за панисламистской активностью не только в своих колониях и подмандатных территориях, но и в Европе, в наибольшей степени беспокоила активность мусульман в Германии.

В годы Первой мировой войны мусульмане в Европе рассматривались и немецкими, и османскими властями как потенциально важный политический ресурс. Исследователь Мартин Крамер отметил слабую эффективность османских военных миссий, которые в годы Первой мировой войны направлялись в различные части мусульманского мира с целью спровоцировать там восстания против колониальных властей. Еще одной попыткой активизировать поддержку османского дела стало создание исламских обществ в Европе, где война свела вместе мусульман различного происхождения и национальности[1].

Представителей Антанты волновали признаки формирования пестрой коалиции антиколониальных сил, в которую входили или могли войти большевики, турки, немцы, а также националистические и панисламистские группы в Европе, имевшие связи в странах Азии и Африки. Призрак панисламизма не только не исчез после 1918 г., но, казалось, стал еще более грозным. Попытки Германской и Османской империй вызвать в годы Первой мировой войны мощное антиколониальное движение в мусульманских колониях их противников в целом провалились, однако панисламистская активность после войны, ряд восстаний в мусульманских странах и в особенности значение, которое им придавалось британской и французской стороной, свидетельствуют о том, что проект джихада «made in Germany» не был совсем безуспешным. Однако отделить в данном случае действительную угрозу от воображаемых и воспроизводящихся страхов крайне сложно.

Энвер и Талаат, будучи в Берлине, предпринимали шаги, направленные на установление связи с британским правительством и в случае успеха — вступление с ним в переговоры. 6 января 1920 г. в пригороде Берлина состоялась встреча Энвер-паши с офицером британской военной разведки Эйвором Хэдли. В ходе беседы Энвер заявил, что он был прежде всего патриотом, признал, что война проиграна, и подчеркнул, что он, как солдат, обеспокоен тем, чтобы она завершилась[2].

---

[1] *Kramer M.* Islam Assembled: The Advent of Muslim Congress. New-York, 1986. P. 56.

[2] *Ferris J.* The British Empire vs. The Hidden Hand: British Intelligence and Strategy and «The CUP-Jew — German-Bolshevik combination», 1918–1924 // Neilson K., Kennedy G. (eds.): The British Way in Warfare: Power and the International System, 1856–1956. Farnham., 2010. P. 325.

Предложения Энвера, с которыми он обратился к британскому правительству, сочетали в себе призыв к миру и тайному союзу, обещание помощи и прямую угрозу. В обмен на территориальные уступки по мирному договору с Турцией, а также на восстановление старой младотурецкой партии (которая, по его словам, была как никогда сильной, единой и патриотичной и которую он мог бы немедленно мобилизовать) и «на тесную и тайную связь независимой Турции с Великобританией»[3] Энвер помог бы, как отмечалось в отчете Хэдли, «разрешить наши затруднения в Египте и других мусульманских странах дальше на Востоке… Невозможно будет, — утверждалось в документе, — полностью повернуть мусульманские страны к антибольшевизму, поскольку большевизм зашел там слишком далеко; но возможно будет в значительной степени устранить в них антианглийские чувства»[4].

В ходе другой беседы с Эйвором Хэдли, состоявшейся 24 февраля 1920 г., Энвер-паша прямо заявлял о намерении поднять восстание против Британии в ее мусульманских владениях[5]. Энвер получил от британского правительства сначала довольно уклончивый ответ, однако в конечном итоге Д. Н. Керзон и Д. Ллойд-Джордж отвергли всякую сделку с человеком, которого они считали военным преступником и «одним из самых отчаянных наших врагов»[6].

Резкий и, видимо, неожиданный для Лондона политический маневр Энвера провалился. Вскоре он совершил не менее неожиданный поворот, в результате которого оказался в Москве. В дальнейшем Талаат, действуя, по всей видимости, самостоятельно, еще не раз искал возможность договориться с британцами. В то же самое время он принял непосредственное участие в формировании хрупкого альянса с большевиками.

---

[3] *Ferris J.* The British Empire vs. The Hidden Hand: British Intelligence and Strategy and «The CUP-Jew — German-Bolshevik combination», 1918–1924 // Neilson K., Kennedy G. (eds.): The British Way in Warfare: Power and the International System, 1856–1956. Farnham., 2010. P. 325.

[4] По-видимому, у Энвера существовал определенный расчет на использование противоречий в позициях союзников по Антанте — Великобритании с одной стороны и Франции и Италии с другой, — прием, к которому не без успеха прибегал в своей дипломатический практике также Мустафа Кемаль и его представители.

[5] *Yamauchi M.* The Unromantic Exiles: Istanbul to Berlin. Enver Pasha 1919–1920. Research Report on Urbanism in Islam. Tokyo, 1989. P. 13.

[6] Ibid. P. 334.

Энвер-паша и Талаат-паша в «политическом салоне» Радека

Поиск Энвером и Талаатом контактов и последующее сотрудничество с большевиками не будут вызывать удивления, если принять во внимание тот факт, что после бегства из Турции (а возможно, еще до бегства) лидеры младотурок осознали, что единственной силой, которая могла оказать им серьезную поддержку в борьбе с Антантой, являлась Советская Россия. К этому следует добавить тяжелое психологическое состояние Энвера и Талаата, вызванное, очевидно, потерей власти и вынужденным бегством из Турции, неясным положением в Германии и, возможно, нарастающим разочарованием в ней, а также нависающей угрозой высылки из нее.

Первые контакты триумвиров после их бегства из Турции с представителем большевистского правительства состоялись в Берлине. Берлин оставался важным пунктом на всем протяжении этого странного альянса для обеих сторон[1]. Энвер и Талаат осенью 1919 г. несколько раз посетили известного большевика, одного из руководителей Коминтерна Карла Радека в берлинской тюрьме, где, по выражению последнего, у него завелся «политический салон»[2].

Переговоры Энвера и Талаата с Радеком, как и последующая поездка Джемаля и Энвера в Москву, вряд ли были возможны без активного и деятельного участия Ганса фон Секта, сторонника сближения Германии с Советской Россией. На это обстоятельство обращали внимание многие исследователи. Однако для более полного понимания происходивших контактов, результатом которых стало сотрудничество младотурок с Москвой, необходимо учитывать мотивы и настроения всех их участников.

Переориентация триумвиров на Советскую Россию происходила при непосредственном участии Радека, сыгравшего заметную роль и в советско-германском сближении. Большевистский эксперт по Германии, он с декабря 1918 г. нелегально находился в Берлине в качестве представителя советского руководства[3]. Работая в неблагоприятных и быстро меняющихся условиях и фактически не имея связи с Москвой, он проявил инициативу и самостоятельность. По мнению английского исследователя Е.Х. Карра, Радек в этот период являлся новатором

---

[1] Советские дипломаты следили за деятельностью и настроениями младотурецкой эмиграции в Германии, в советских дипломатических документах использовалось выражение «берлинские младотурки».

[2] *Радек К.* Ноябрь. Страничка из воспоминаний // Красная новь. 1926. № 10. С. 164.

[3] *Винклер Г.А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013. С. 64.

как в плане тактики партии, так и, в еще большей степени, в области советской внешней политики, высказывая идеи, которые являлись весьма неортодоксальными в Москве 1919 г.[4]

«Радек был первым, кто увидел возможность использования Версальского договора не только как инструмента для ускорения пролетарской революции в Германии, на что изначально рассчитывал Коминтерн, но и для формирования военного и дипломатического союза между Советской Россией и Германией, и не на идеологической основе, а на основе общей враждебности к западным империалистическим державам. Идея, которая впервые была высказана в разговоре Радека с Талаатом и Энвером применительно к Турции, несколько менее явно выражена в его разговорах с немецкими представителями, но подтекст его высказываний несомненен»[5].

По утверждению Радека, инициатором сближения Советской России и Германии выступал именно Энвер, который внушал немецким военным мысль, что Советская Россия — новая растущая мировая сила, с которой они должны считаться, если на деле хотят бороться против Антанты[6].

Основные направления и возможные формы сотрудничества большевиков и триумвиров были определены в ходе первых контактов с Радеком. Разумеется, Радека интересовал характер взаимоотношений ли-

---

[4] *Carr E. H.* Radek's Political Salon in Berlin 1919 // Soviet Studies. 1952. Vol. 3, № 4. P. 412.

[5] Позднее идея о необходимости сотрудничества или даже союза Германии, Советской России и Турции получила неожиданное развитие у Джемаль-паши. В мае 1922 г. в разговоре с советскими дипломатами Джемаль заявил, что во время пребывания в Париже он вел агитацию против Великобритании и в среде своих французских друзей ратовал за континентальный союз Франции, Германии, России и Турции (*Тихонов Ю. Н.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. Новые архивные документы // Восточный архив. 2010. № 2 (22). с. 58). Интересно, что Джемаль фактически предлагал (по крайней мере, в ходе разговора с советскими дипломатами) не только включить в союз Францию, но и реанимировать старую модель отношений, в рамках которой континентальная империя (империи) противостояла морской империи. Думается, что для лучшего понимания логики действий как государственных, так и негосударственных сил на пространстве бывших континентальных империй следует в большей степени учитывать имперский и постимперский контексты, рассматривая действия их участников как попытки восстановить, пересмотреть или окончательно разрушить имперское наследство. Частью этой деятельности являлось и стремление заново поделить сложные пограничные зоны (*Ридер А.* Сравнивая континентальные империи. Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004), ставшие объектом соперничества и торга, в котором участвовали государства-преемники, страны-победители и многочисленные негосударственные (или полугосударственные) игроки, в том числе беглые младотурки.

[6] *Радек К.* Ноябрь. Страничка из воспоминаний // Красная новь. 1926. № 10. С. 164.

деров младотурок и Кемаля. В ходе разговора с Радеком Энвер и Талаат подчеркивали, что Кемаль принужден отмежеваться от павшего младотурецкого режима, но между ними и Кемалем нет никаких разногласий по существу[1].

Из письма Талаата Джемалю известно, что Радек предложил значимую советскую поддержку движению анатолийского сопротивления, в обмен рассчитывая на содействие лидеров младотурок большевистской пропаганде в мусульманском мире[2]. Свое видение сотрудничества с большевиками Энвер изложил в письме Джемалю в декабре 1919 г.: «…наши друзья большевики готовы помочь нам в рамках идей, обсуждавшихся во время наших бесед. На данный момент вот моя позиция в общих чертах: 1. Освободить мусульманские нации. 2. Сотрудничать с социалистами, учитывая, что империалистический капитализм является нашим общим врагом. 3. Присоединиться к социализму при условии его адаптации к религиозным доктринам, которые регулируют внутренние стороны жизни мусульман. 4. Для освобождения ислама использовать все возможные средства давления, в том числе революцию. 5. В этой области сотрудничать с подчиненными немусульманскими нациями. 6. Допустить развитие всех социальных слоев внутри исламского сообщества»[3].

Французский исследователь Поль Дюмон заметил, комментируя второе условие данного письма, что в нем Энвер предусматривал нечто большее, чем просто тактический союз с большевиками[4].

Предложения Энвера соответствовали настроениям и идеям части мусульманских националистов в Европе и за ее пределами. Одни из них исходили из того, что большевики являются их естественными союзниками в борьбе с европейским колониализмом. Другие шли еще дальше, находя сходство между их идеями и идеологией больше-

---

[1] Энвер, несмотря на сложные, прерывистые, конфликтные отношения с Кемалем, до самого последнего времени провозглашал себя представителем турецкого национального сопротивления за рубежом. Так, в журнале «Liwa-el-islam», издававшемся при финансовой поддержке Энвер-паши, вышла редакционная статья «Опровержение слухов об Энвер-паше», в которой утверждалось, что между Энвером и Кемалем, вопреки распространяемым слухам, нет никаких противоречий и что оба они работают для достижения общей цели. «Такие героические мужчины хорошо знают, что в истории их нации найдется место не для одного, а для многих героев» (Dementi der Gerüchte über Enver Pascha // Liwa-el-islam. 1922. № 1–2.).

[2] *Dumont P.* La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16, № 2. P. 144.

[3] Ibid. P. 145.

[4] Ibid.

визма, тем более что советское правительство обращалось к мусульманам Востока с привлекательными лозунгами борьбы за свободу и национальное самоопределение, против западного империализма. К тому же большевики готовы были подкрепить свои слова практическими шагами, направленными на поддержку антиколониальных движений на Востоке.

Однако, несмотря на попытки Энвера, демонстрировавшего готовность к идеологической гибкости и даже новаторству, расширительно трактовать перспективы формирующегося сотрудничества, в действительности фундамент этого «союза» всегда оставался весьма зыбким, и кроме наличия общего врага стороны мало что связывало. Названные Энвером условия могли стать не только предпосылками для сближения, но и источником противоречий и конфликтов.

Тем не менее Энвер, видимо, полагал, что с большевиками можно договориться как по политическим, так и, возможно, по идеологическим вопросам. 6 марта 1920 г., непосредственно перед поездкой в Москву, Энвер в письме своему брату Камилю сформулировал условия соглашения с большевиками в более конкретных выражениях: «При условии (признания) независимости Южного и Северного Кавказа и Туркестана буду стараться подписать мирное соглашение или даже союз с советским правительством»[5].

Расчет Энвера состоял в том, чтобы, вступив в переговоры с большевиками раньше Кемаля, укрепить свои позиции и в случае подписания соглашения получить признание в качестве легитимного представителя Турции. Вполне вероятно, что Энвер рассматривал предстоящие переговоры с большевиками как своеобразное продолжение брест-литовских переговоров.

Хотя в ходе контактов с Радеком были найдены и озвучены некоторые направления сотрудничества большевиков и триумвиров, его содержание оставалось в значительной степени туманным. Положение мало изменилось даже после того, как сотрудничество стало наполняться реальным содержанием: отношения сторон все равно характеризовались высокой степенью неопределенности, заключавшей в себе не только все еще нереализованные возможности, но и камуфлируемые до поры до времени противоречия.

---

[5] *Yamauchi M.* The Unromantic Exiles: Istanbul to Berlin. Enver Pasha 1919–1920. Research Report on Urbanism in Islam. Tokyo, 1989. P. 27.

Франция, панисламизм, триумвиры и большевики

Французские дипломатические документы начала 1920-х гг., подготовленные по запросам французского руководства, рисуют масштабную панораму панисламистского движения, которое охватывало десятки стран и территорий в Европе, Азии и Африке. В донесениях, рапортах, секретных записках французских дипломатов возникает целый калейдоскоп имен, мест и событий, которые нередко сводились к одному знаменателю, и таким знаменателем являлся панисламизм, рассматривавшийся и как самостоятельный фактор, и как инструмент в руках других сил.

Французские дипломаты склонны были видеть в панисламистском движении начала 1920-х гг. прямое продолжение той политики в отношении ислама, которую проводила Османская империя в союзе с Германской империей в годы Первой мировой войны. Так, в феврале 1920 г. посол Франции в Греции М. Р. де Билли в конфиденциальном рапорте о панисламистском движении, отправленном премьер-министру Франции А. Миллеранду, писал: «С начала 1918 г. турецкая пропаганда в религиозной форме расширила свою деятельность во французских и английских владениях с целью возмущения мусульманских масс. Она возглавляется людьми младотурецкой партии и получает лозунги от Берлина. Центром ее действия сегодня стала Швейцария. Она связывается с Индией и Азией в целом через Стокгольм — Берлин — Москву, Персию и Афганистан. Она сотрудничает с российскими большевиками через республиканскую партию Персии…»[1].

В документе обращалось внимание не только на смещение центра пропаганды, но и на изменение цепочки, через которую она распространилась. Новым важным звеном в этой цепи являлась Советская Россия. Во французских документах упоминались различные названия организаций панисламистов: «комитет панисламистов», «панисламистская лига», «лига избавления ислама». Все эти организации, по мнению французских дипломатов, либо поддерживались большевиками, либо были созданы по их инициативе и, самое главное, преследовали одну цель — подрыв британской и французской колониальных империй.

Посол Франции в Берлине в записке от 21 апреля 1920 г. подчеркивал, что «большевики оказывают поддержку мусульманским националистам для того, чтобы поднять ислам против Франции и Англии»[2]. Он писал о сотрудничестве с советским правительством комитетов панисламистов, расположенных в Москве, Берлине и Лозанне, обращая вни-

[1] Archives Diplomatiques. Serie Levant. 1918–1940. Turquie. Vol. 561. P. 152.
[2] Ibid. P. 154.

мание на то, что Талаат-паша является политическим, а Джемаль-паша — военным руководителем комитета (панисламистов. — *С. Ш.*) Германии[3].

В справке французского МИД от 10 октября 1921 г. сообщалось об основанной в Берлине через несколько месяцев после двух поездок Энвера в Россию «панисламистской лиге». Несмотря на то что оба раза, как говорилось в документе, он не получил прямой поддержки большевиков для реализации своих планов, они согласились субсидировать «панисламистскую лигу», с помощью которой, как утверждал Энвер, можно было спровоцировать большое мусульманское волнение в Северной Африке[4].

Лига планировала деятельность в Египте, Сирии, Киликии, Малой Азии, Триполи, Марокко, Алжире, Тунисе. При этом средства для деятельности лиги, как указано в документе, были предоставлены индийским мусульманским комитетом, выделившим на ее нужды почти 20 млн фунтов стерлингов[5]. Предупреждая о готовящемся восстании в Сирии[6], автор документа выражал опасения в частности по поводу того, что у его инициаторов имеются большие запасы оружия и боеприпасов, сохраненные втайне со времени перемирия, а также поставляемые Кемалем[7].

Французы и британцы, как видно из документов, в целом сходно, а иногда идентично оценивали панисламистскую деятельность и степень угрозы, которую она несла их колониальным владениям. Хотя автор упомянутого выше рапорта М. Р. де Билли полагал, что французское правительство, в отличие от британского, «… кажется, не учитывает в достаточной мере масштаб (панисламистской) угрозы для ее мусульманских колоний. В любом случае общественное мнение как в Англии, так и во Франции не подозревает, насколько серьезно положение»[8].

---

[3] Archives Diplomatiques. Serie Levant. 1918–1940. Turquie. Vol. 561. P. 154–155.

[4] Ibid. P. 204.

[5] Ibid. P. 207.

[6] Ibid. P. 208.

[7] В научной литературе отношения Энвера с Кемалем до и после его бегства из Турции часто описывались как враждебные, в рамках которых Энвер одновременно готовился к борьбе с Кемалем и предпринимал односторонние попытки добиться от него признания в качестве представителя национального движения Турции за рубежом и права вернуться в Турцию. Однако, по всей видимости, эти отношения были более сложными и запутанными и включали не только игнорирование (со стороны Кемаля), недоверие и вражду (с обеих сторон), но и на определенном этапе элементы сотрудничества. Турецкий исследователь Шухраз Йылмаз обратил внимание на существование значительной преемственности между партией «Единение и прогресс» и турецким национальным движением во главе с М. Кемалем с точки зрения кадров и институтов, составивших основу национального движения, некоторые фракции которого сформировались в результате амбициозных стремлений Энвера вернуть под свой контроль Анатолию (*Yilmaz Ş.* An Ottoman Warrior Abroad: Enver Paşa as an Expatriate. Middle Eastern Studies. 1999. Vol. 35, №4. P. 40–69).

[8] Ibid. P. 153.

Французские и британские официальные лица не только следили за активной деятельностью лидеров младотурок, но и в какой-то момент должны были решить для себя вопрос, целесообразно ли вступать с ними в контакт. Если Энвер-паша и Талаат-паша в разное время искали возможности для переговоров с британцами о послевоенном урегулировании, то Джемаль-паша в начале 1922 г. попытался улучшить свои позиции, вступив в контакт с французами и полагаясь на свои широкие связи во французских дипломатических и военных кругах. Последнее обстоятельство Джемаль подчеркивал в разговоре с советскими дипломатами[1], объясняя эти знакомства своей принадлежностью к франкофильскому крылу младотурок[2].

По версии Джемаля, он получил приглашение приехать в Париж от премьер-министра Франции А. Бриана незадолго до падения его кабинета[3], а после Бриана — уже от Р. Пуанкаре через посла Франции в Берлине, с которым встретился в Париже[4]. Однако советский дипломат Д. Гопнер поставил под сомнение эту версию, предположив, что инициатива встречи исходила не от французского руководства, а от самого Джемаля, который, по его мнению, «посредством Исмет-бея и французских агентов в Берлине добивался встречи с Пуанкаре»[5]. Но можно не сомневаться в том, что французское руководство испытывало определенный интерес к человеку, который мог служить источником ценной информации об афганских делах, о Советской России и о Турции (и связях между этими странами) и, конечно, о панисламистской активности в колониях и подмандатных территориях Франции.

События 1918 г. стали отправной точкой для формирования обширной сети, ядро которой составляли государства-преемники — Германия, Турция, Советская Россия, но к которой относился также ряд европейских и арабских стран, а также Афганистан и Иран. Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша стремились преувеличить значимость этой сети и свои функции в ней, в реальности каналы взаимодействия в этой

---

1 *Тихонов Ю. Н.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. Новые архивные документы // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 57.

2 «Франкофильство» Джемаля, «германофильство» Энвера и Талаата, безусловно, следует учитывать при объяснении их мотивов и побуждений. В то же время вряд ли было бы правильным как недооценивать, так и переоценивать значимость данных субъективных предпочтений.

3 Кабинет министров во главе с А. Брианом ушел в отставку 15 января 1922 г.

4 *Тихонов Ю. Н.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. Новые архивные документы // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 57.

5 Там же.

сети были весьма тонкими, иногда прерывистыми, но она существовала. Они пытались с разной степенью успеха использовать преимущества своего промежуточного, «пограничного» положения и наличие связей со многими участниками этой сети.

Несмотря на слабые позиции, бывшие руководители Османской империи являлись сложными партнерами для каждой из сторон, что объяснялось высокой степенью непредсказуемости их действий, неясностью их отношений с Кемалем, сохранением влияния в Турции и в мусульманском мире, а также относительной свободой передвижения в рамках упомянутой сети.

Широта формирующейся сети в условиях общего подъема и определенных успехов национальных, социалистических движений и панисламизма, интересы которых пересекались, в частности, в декларируемом всеми их участниками антиколониализме, не могла не вызывать озабоченности у Франции и Великобритании. Хотя широта контактов, как правило, не означала способности к скоординированным действиям, некоторые британские и французские дипломаты, военные и разведчики создавали в своих донесениях картину глобального заговора, направленного против Британской и Французской империй.

3. Мусульмане в Германии в 1920-е годы: между панисламизмом, кемализмом и большевизмом

Октябрьская революция в России, кемалистская революция в Турции, упразднение халифата привели к появлению новых линий напряжения и раскола в мусульманском мире. Эти события вызвали разнообразные и часто полярные отклики среди мусульман в Германии, которые, хотя и покинули свои страны, но не были полностью изолированы от них. Образованные представители мусульманской эмиграции в Германии (весьма пестрой не только в географическом, этническом, но и в политическом плане) оказались в 1920-е гг. в самой гуще идеологических и политических баталий. Данный раздел посвящен одному из эпизодов довольно насыщенной и разнообразной политической жизни мусульманской эмиграции в Германии, связанному, главным образом, с реакцией мусульман в Германии на «большие идеологии», значительно усилившие — хотя и в разной степени — в ходе Первой мировой войны и после ее окончания свое влияние и потенциал.

Первая мировая война придала новый импульс и зачастую новое качество не только национальным движениям во многих уголках огромных колониальных империй, но и другим идейным течениям, идеология которых выходила за рамки национальных границ, — социализму и панисламизму. В одних случаях это стало результатом усилий противоборствующих сторон, направлявших ресурсы на поддержку «несистемных» движений для ослабления своих противников, в других — следствием объективного ускорения и радикализации в ходе войны многих процессов, подспудно вызревавших задолго до ее начала, а также изменившейся международной ситуации.

Идеология панисламизма, однажды родившись, стала предметом споров, объектом смутных надежд и не всегда отрефлексированных страхов в странах мусульманского мира и за его пределами. Европейские империи, разделившие Ближний Восток и установившие «опеку» над Османской империей, оказались беззащитными перед проницаемостью границ для различных идей в эпоху железных дорог, печати и телеграфа.

После окончания Первой мировой войны некоторые наблюдатели считали, что ислам не является политически значимым фактором. Панисламская мобилизация, на которую рассчитывали немцы и османы, провалилась. В 1924 г. халифат по инициативе М. Кемаля был упразднен. В некоторых странах, в частности в кемалистской Турции, в Иране во главе с династией Пехлеви и в Албании при режиме Зогу, новые политические элиты пытались навязать светские представления о современности. Однако эти процессы не следует переоценивать. На самом деле межвоенный период вполне может рассматриваться как период глобального возрождения ислама. За ликвидацией халифата последовали волнения в мусульманском мире, халифатистское движение потрясло Британскую Индию[1].

Поражение Османской империи в Первой мировой войне и ликвидация института халифата, как ни парадоксально, привели не к снижению, а к росту популярности идеи халифата. Одна из причин подобной метаморфозы лежала в том, что халифат с этого времени превратился в чистую абстракцию, избавившись от связи с одряхлевшей властью турецкого султана. За этот престижный «приз» могли бороться теперь самые разные силы в мусульманском мире.

---

[1] *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 26.

В годы Первой мировой войны произошел подъем националистических и антиколониальных движений, представители которых надеялись на обретение их странами независимости в рамках создания нового, более справедливого с их точки зрения миропорядка. Эти надежды подкреплялись выдвинутым В. Вильсоном принципом самоопределения и возрастающей ролью США в мировых делах. Представители антиколониальных движений восприняли риторику американского президента Вудро Вильсона о самоопределении и равенстве, найдя этот язык привлекательным и эффективным для продвижения их требований. Они составили и распространяли поток деклараций, петиций и меморандумов, адресованных мировым лидерам на Парижской конференции и рассчитанных на мобилизацию общественного мнения во всем мире[2]. Однако большинству мусульманских народов война не принесла освобождения от иностранного господства. Версальское урегулирование закрепило глобальный порядок, в рамках которого большинство мусульманских стран оказалась под прямым или косвенным колониальным правлением, в результате чего многие мусульмане, были глубоко разочарованы[3]. Следствием разочарования, наступившего после краха этого «вильсоновского момента», стала серия массовых протестных движений на Ближнем Востоке и в Азии в целом, ознаменовавших появление антиколониального национализма в качестве одной из главных сил в мировой политике[4].

Мусульмане, оказавшиеся в Германии, могли наблюдать не только крушение некогда могущественных империй, но и примеры успешных национальных движений, приводивших к созданию новых государств (как при поддержке великих держав, так и в ходы борьбы с ними). На Ближнем Востоке вдохновляющим примером успешного национального движения являлся кемализм.

В результате происходивших на протяжении «длинного» XIX века роста мобильности и контактов, а также появления многочисленных каналов коммуникации в различных религиях возникла форма глобального сознания. Таким образом, широко распространенная идентификация с тяжелым положением мусульман, даже тех, кто живет в отдален-

---

[2] *Manela E.* The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. New York, 2007. P. 4.

[3] *Motadel D.* The Muslim world in the Second World War // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A., (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Cambridge. II Politics and Ideology. 2015. P. 607.

[4] *Manela E.* The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. New York, 2007. P. 5.

ных и в основном неизвестных странах, создала новое сознание уммы, часто с общим антизападным уклоном[1]. «Воображаемое сообщество» мусульманского мира (если пользоваться определением Бенедикта Андерсона) в результате процессов, происходивших накануне, во время и после окончания Первой мировой войны, в глазах все большего числа мусульман воспринималось не просто как некий труднодостижимый идеал (или нечто эфемерное), а как реальная общность, могущая при определенных обстоятельствах обрести политическую субъектность. При этом для зарубежных мусульманских диаспор воображаемая глобальная умма являлась более важным ориентиром, чем в собственно исламском мире[2].

После окончания Первой мировой войны в Германии образовалась значительная мусульманская община, представленная выходцами из самых разных стран. Часть мусульман прибыла в Германию уже в годы войны — в качестве военнопленных или политических эмигрантов, сотрудничавших со странами Тройственного союза[3], другие приехали в эту страну уже после завершения «Великой войны». Среди них были, в частности, молодые люди из Египта, Сирии, Ирака, прибывшие учиться в Германию, привлекшую их благоприятными — в том числе с финансовой точки зрения — условиями жизни[4]. Некоторые мусульмане перебрались в Германию из соседних европейских стран — Франции, Швейцарии, Австрии, Бельгии. Германия стала убежищем для многих представителей партии «Единение и прогресс», в том числе для известных «триумвиров» — Энвер-паши, Талаат-паши и Джемаль-паши.

Среди прибывших в Германию мусульман оказались люди разных взглядов, политических и идеологических предпочтений. Атмосфера послевоенной Германии позволяла им открыто высказывать свои взгляды, вступать в дискуссии, создавать различные объединения. Германия, проигравшая войну, оказалась привлекательной для многих антиколониальных активистов с политико-психологической точки зрения.

---

1 *Konrad S. A.* Cultural History of Global Transformation // An Emerging Modern World 1750–1870. Edited by Sebastian Conrad, Jürgen Osterhammel. Cambridge: Harvard University Press, 2018. P. 605.

2 *Motadel D.* The Making of Muslim Communities in Western Europe, 1914–1939 // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. NewYork, 2014. P. 27.

3 Известно, что в Германии функционировало два специальных лагеря, в которых содержались военнопленные-мусульмане — «Хальбмондлагерь» в Вюнсдорфе и «Вейнберглагерь» в Бранденбурге, для которых в годы войны выпускалась газета «Аль-Джихад».

4 *Höpp G.* Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriß und Bibliographie. Berlin, 1994. S. 17.

Во время Первой мировой войны Берлин поддерживал антиколониальные устремления в пределах Британской империи, стремясь ослабить своего противника. Конкурентные отношения с Великобританией сохранились и после поражения Германии. Это было достаточным основанием для надежд некоторых политическим активистов на терпимое отношение, если не на содействие Германии их антиколониальным усилиям. Решение Коминтерна выбрать Берлин в качестве центра антиколониальной деятельности за пределами СССР стало дополнительным стимулом, побудившим многих эмигрантов-мусульман принимать активное участие в политической работе в Берлине[5].

Местом встречи многих эмигрантов из Египта и других стран Северной Африки стал основанный в 1920 г. «Восточный клуб» в Берлине, председателем которого был известный арабский националист и панисламист Шакиб Арслан[6].

В это же время в Берлине и других городах Германии начинают выходить различные мусульманские периодические издания (журналы и газеты «Миср», «Мусульманское обозрение», «Исламская современность», «Лива аль-Ислам», «Эхо ислама» и др.). На 1920-е гг. приходится бум мусульманской периодики в Германии. Как отмечалось в записке германского МИД от 27 октября 1921 г., «в Берлине в последнее время основан ряд газет и журналов, цель которых состоит в борьбе с Британской империей. Одни из этих публикаций стремятся влиять на немецкое общественное мнение, другие печатаются здесь для распространения за границей, и прежде всего в областях, подконтрольных английской империи, в которых они должны влиять на местное население»[7].

Значительная часть журналов и газет, издававшихся в Германии, выходили на немецком языке. Герхард Хёпп, посвятивший работу анализу исламской и арабской прессы в Берлине и Бранденбурге в 1915–1945 гг., разделил эти периодические издания на четыре группы, учитывая причины и инициаторов их появления, цели, содержание публикаций и их влияние. Первая группа состояла из журналов, которые функционально и содержательно были связаны с Первой и Второй мировыми войнами; вторая группа включала в себя периодические издания арабских, в том числе египетских и сирийских националистов; третья груп-

---

[5] *Kuck N.* Anti-colonialism in a Post-Imperial Environment — The Case of Berlin, 1914–33 // Journal of Contemporary History. 2014. Vol. 49 (1). P. 142.

[6] *Yamauchi M.* The Unromantic Exiles: Istanbul to Berlin. Enver Pasha 1919–1920. Research Report on Urbanismin Islam. Tokyo, 1989. P. 17.

[7] BArchivP, AA. 57630. Bl. 115.

па охватывала недолго просуществовавшие листки, представлявшие панисламскую или паназиатскую точку зрения в Германии; к четвертой относились публикации отдельных групп с исламской идентичностью, выражавшие различные политические веяния[1].

В начале XX в. и непосредственно перед началом Первой мировой войны все крупные европейские державы были озабочены поиском инструментов влияния на османское общественное мнение. Один из способов решения этой задачи они видели в поддержке тех или иных турецкоязычных газет и журналов или в создании собственных информационных ресурсов. Интересно, что после окончания Первой мировой войны уже неевропейские акторы вступили в конкуренцию за влияние на европейское (в том числе немецкое) общественное мнение и общественное мнение широкой мусульманской аудитории, часто используя опыт, инфраструктуру и связи, приобретенные и созданные в годы Первой мировой войны.

Появление множества газет и журналов и широкая публикационная активность мусульманских эмигрантов в Европе являлись частью более широких изменений международного порядка после окончания Первой мировой войны. Безусловно, в этой деятельности существенную роль играл элемент самоорганизации, стремление многих деятелей и общественных объединений заявить о себе и своих интересах в публичном пространстве и вера в эффективность подобной активности. Однако многие газеты и журналы просуществовали совсем недолго из-за отсутствия финансовых ресурсов.

Одним из изданий, относившихся к недолго просуществовавшим журналам панисламистской направленности, был журнал «Лива аль-Ислам», печатавшийся в Берлине. Издателем этого журнала был профессор Ильяс Брагон Бей, бежавший в 1920 году из Турции. Журнал выходил на немецком, арабском, персидском и турецком языках, причем на каждом языке печатались тексты разного содержания. Как отмечалось в документе германского МИД, «средства на хорошее издание журнала направлялись из российского и кемалистского источников»[2]. Денежные взносы на издание журнала поступали также от Энвер-паши, Талаат-паши и бывшего египетского хедива Аббаса II Хильми[3].

---

[1] *Höpp G.* Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriß und Bibliographie. Berlin, 1994. S. 17.

[2] BArchivP, AA. 57630. Bl. 118.

[3] *Höpp G.* Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriß und Bibliographie. Berlin, 1994. S. 26.

Журнал распространялся в пропагандистских целях в различных восточных странах. Публикуемые в журнале тексты имели панисламистскую и враждебную Британии направленность. Одним из сотрудников журнала был Шакиб Арслан, а также египетский националист Мансур Рифат[4].

В предисловии к первому немецкому изданию журнала Брагон заявил о намерении «сообщить немецкому народу о нашем справедливом деле и жестокости наших угнетателей. Мы будем описывать в наших выпусках прежде всего страдания народов, которые образуют исламскую семью и вынуждены терпеть сегодня рабскую жизнь. Освобождение мира от рабства и удушения, которые являются следствием империализма, необходимо сегодня не только мусульманам, но и всем угнетенным народам»[5].

Из Германии, надеялся Брагон, «которая не мыслится сегодня, несмотря на ее силу, как империалистическая держава, нас услышат и в нашей борьбе с насильниками и угнетателями, такими как англичане, французы и др., помогут нам»[6].

Как заметил исследователь Джемиль Айдын, одним из дискурсов, который укрепился в мусульманском мире в межвоенное время, был дискурс жертвенности, дискриминации и предательства европейских держав. Конечно, среди части мусульман и прежде остро ощущалась боль дискриминации, однако после трагических событий 1914–1924 гг. нарратив страданий мусульман от рук западных империй становился все более доминирующим[7].

В мусульманской среде Германии возникли панисламистские группы, претендовавшие на то, чтобы представлять не только мусульман, проживавших в Германии, но и говорить от имени всего «мусульманского мира». Для реализации своих целей мусульманские активисты пытались использовать свои научные, профессиональные, социальные и политические позиции в лоббировании, проведении кампаний и заключении союзов с западными политиками, дипломатами, ориенталистами, издателями, а также в установлении контактов с более широкой публикой[8].

---

4 *Höpp G.* Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriß und Bibliographie. Berlin, 1994. S. 26.

5 Ibid.

6 Ibid.

7 *Aydin Cemil.* The Idea of the Muslim World: A Global Intellectual History. Cambridge, 2017. P. 146–147.

8 *Nordbruch G., Ryad U.* Introduction: Toward a Transnational History of Islam and Muslims in Interwar Europe // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York, 2014. P. 4–5.

Часть немецких ориенталистов после окончания Первой мировой войны сохраняли связи с мусульманскими активистами в Германии. Одним из них был арабист Георг Кампфмейер, который в годы войны занимался цензурированием корреспонденции мусульманских военнопленных в Германии[1]. После войны дипломаты использовали его знания об исламской среде в Германии, запросив, в частности, у него информацию о преследуемом французами в 1925 г. профсоюзном лидере Туниса Мухаммаде Али, Г. Кампфмайер описал его как человека, который «стоит вне какой-либо экстремистской политической агитации»[2].

После окончания войны он был одним из тех, кто считал, что ученые должны заниматься изучением восточных эмигрантов, живущих в Германии, используя их как важный источник информации о событиях и процессах, происходящих в странах Востока. Обращаясь к своим коллегам, он писал в 1923 году: «Теперь немцы больше не могут поехать на Восток, но Восток пришел к нам. Что наши профессора могли бы узнать от общения с людьми Востока за последние несколько лет! Но их взгляд направлен в другое место. Их филолого-исторические интересы заставляют их отворачиваться от современной истории»[3].

Антиколониальные собрания индийских, египетских и сирийских националистов посещали ориенталист и бывший дипломат Макс фон Оппенгейм, а также публицист и пангерманист Эрнст Ревентлов. Одно из собраний египетских, турецких, индийских и ирландских революционеров, состоявшееся 22 декабря 1922 г., примерно за год до Мюнхенского путча, посетил Гитлер, о чем сообщала британская разведка[4]. Немецкие консервативные газеты этого периода, такие как «Preussische Kreuzzeitung», были заполнены статьями об антиколониальных движениях ирландских, индийских, китайских, египетских и сирийских активистов. Они часто писали о немцах как о «народе поэтов и мыслителей», ныне подчиненном материалистическим силам британского и французского империализма[5].

Во время Первой мировой войны на антибританской основе возникли необычные союзнические связи между германским МИД и ин-

---

1 *Höpp G.* Orientalist mit Konsequenz: Georg Kampffmeyer und die Muslime // Rainer Flasche, Fritz Heinrich, Carsten Koch (ed.). Religionswissenschaft in Konsequenz. Beiträge im Anschluß an Impulse von Kurt Rudolph. Hamburg, 2000. S. 44.

2 Ibid. S. 45.

3 Ibid.

4 *Manjapra Kris K.* The illusions of encounter: Muslim «minds' and Hindu revolutionaries in First World War Germany and after // Journal of Global History. 2006. № 1. P. 380.

5 Ibid.

дийскими и арабскими националистами. Это сотрудничество отражало весьма специфическое сочетание интересов обеих сторон, но отношения между этими акторами были в первую очередь функциональными и практически не затрагивали сферу идеологии[6]. Отношение немецкого государства к антиколониальным группам в период Веймарской республики постоянно перемещалось между двумя действующими логиками. Со стратегической точки зрения разжигание беспорядков в колониальных владениях Британской империи представлялось политически выгодным. С идеологической точки зрения германские власти сохраняли подозрения в отношении националистов стран Востока, которые развивали собственный политический голос и прямо отрицали легитимность колониального порядка. В конечном итоге значительная часть германского политического мейнстрима, включая многих официальных лиц в немецких ведомствах, все еще питала надежды на восстановление Германией статуса колониальной державы, что подталкивало к отстаиванию колониальной логики в отношении мигрантов[7].

Власти Веймарской республики оказались в непростом положении: наличие большого и разнообразного сообщества мусульманских эмигрантов, среди которых были представители самых разных идеологий и партийных групп, потенциально несло определенные возможности, тем более что после Версальского мира связи Германии со странами Ближнего Востока были сведены к минимуму. В этой ситуации мусульманская эмиграция в Германии, представлявшая собой своеобразную копию Ближнего Востока и даже мусульманского мира, являлась предметом интереса различных немецких ведомств. Многие европейские чиновники (и немецкие чиновники не являлись исключением) полагали, что отношения с мусульманским меньшинством могли оказать прямое влияние на отношения их стран с более широким мусульманским миром[8].

Активная и неконтролируемая деятельность мусульманских эмигрантов в Германии нередко становилась источником проблем для германского МИД и полиции. Подобная деятельность вызывала подозрения

---

6 *Kuck N.* Anti-colonialism in a Post-Imperial Environment — The Case of Berlin, 1914–33 // Journal of Contemporary History. 2014. Vol. 49 (1). P. 151.

7 Ibid. P. 151–152.

8 *Motadel D.* The Making of Muslim Communities in Western Europe, 1914–1939 // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York, 2014. P. 26.

и протесты дипломатических ведомств Великобритании и Франции, на которые вынуждены были реагировать немецкие дипломаты.

Европейские державы, в ближневосточной политике которых страх перед распространением панисламизма сочетался со стремлением сделать этот феномен инструментом укрепления своих позиций в регионе, пристально следили за деятельностью мусульманских организаций и их лидеров в Германии.

В апреле 1922 г. британский посол в Берлине Эдгар В. Д'абернон предупреждал министра иностранных дел Великобритании Керзона, что «... собрание студентов из разных стран Востока опасно для британских интересов на Востоке или опасным может быть...»[1], а за год до этого сотрудник британского МИД жаловался своему немецкому коллеге на то, что «... Берлин является средоточием недовольных индийцев и других мусульман»[2].

Консул Британии в Дамаске в октябре 1921 г. с тревогой писал в Форин Офис об усилении в местной прессе панисламистской и кемалистской пропаганды, в частности, содержавшей призывы к мусульманам сплотиться вокруг Турции — единственной оставшейся независимой мусульманской страны[3].

Он же сообщал о прибытии из Берлина в Дамаск некоего индуса по имени Саид, привезшего с собой пропагандистское письмо. Переведенную копию письма консул приложил к своей записке для Форин Офис. Содержание этого письма вряд ли развеяло опасения британских дипломатов по поводу панисламизма. В письме речь шла о созданном в Берлине «исламском обществе», целью которого являлось объединение всех мусульман и подготовка к «... революции в великом мусульманском мире»[4]. Военное отделение этого общества, как указывалось в письме, возглавлял Энвер-паша, «а его участниками являются избранные представители от всех мусульман Востока и Запада, имеющие своих делегатов в обществе...»[5].

Это общество, отмечалось в письме, также находится в соглашении с Москвой и Ирландией и другими странами, «которые помогут нам

---

1 *Höpp G.* Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriß und Bibliographie. Berlin, 1994. S. 18–19.

2 Ibid. S. 19.

3 Kemalists & Pan-Islamism // Public Records Office. Fond Foreign Office. 371 / 6463–122616. P. 22.

4 Ibid. P. 27.

5 Ibid. P. 26.

деньгами и оружием, а также силами, когда это будет необходимо, однако без принятия принципов большевизма»[6].

Примечательно, что Турция представлялась многим панисламистам страной, могущей стать локомотивом панисламистского движения. Кроме Турции многие панисламистские группы видели своего союзника также в Советской России.

На отношение панисламистов к большевикам как союзникам, по крайней мере, временным, повлияло, видимо, несколько факторов. Среди них — борьба Советской России со странами Антанты, революционная и антиколониальная риторика большевиков[7], их готовность оказать помощь антиколониальным движениям в странах Востока. Немалый резонанс в мусульманском мире получило также сотрудничество большевиков с младотурками и кемалистами, в рамках которого последние получали от Москвы существенную военную, финансовую и иную помощь. Несмотря на представления о несовместимости ислама и коммунизма, значительная группа мусульманских деятелей верила, что большевистские представления о мировом порядке и политика большевиков в отношении мусульманского населения служат общим интересам мусульман. Очевидно, что единого мусульманского взгляда на большевизм не существовало, и отношение к опыту советских мусульман было столь же разнообразным, как и отношение мусульман к другим политическим вопросам[8].

Среди событий и процессов, последовавших за окончанием Первой мировой войны, исчезновение халифата стало событием, остро воспринятым и вызвавшим самые разнообразные отклики у мусульман не только на Ближнем Востоке, но в разных концах мусульманского мира.

Раскол по линии отношения к халифату произошел и в сообществах мусульман в Германии. Другими линиями напряжения, разделившими мусульманское сообщество во многих странах, в том числе эмигрантскую общину в Германии, являлось отношение к кемалистской Турции, к преобразованиям, проводившимся Мустафой Кемалем, а также отношение к Советской России и большевизму. Для многих групп эмигрантов религия оставалась ключевым элементом самоидентификации.

---

[6] Kemalists & Pan-Islamism // Public Records Office. Fond Foreign Office. 371 / 6463–122616. P. 27.

[7] 20 ноября 1917 г. СНК принял известное «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока».

[8] *Aydin Cemil*. The Idea of the Muslim World: A Global Intellectual History. Cambridge, 2017. P. 147.

В то же время некоторые из них присоединялись к националистическим нерелигиозным организациям, иногда даже отвергавшим религию[1].

После упразднения халифата кемалистские группы в столице Германии столкнулись с мусульманами «Исламской общины Берлина»[2]. Совет этой общины («шура»), объединивший, как отмечалось в его декларации, представителей 41 страны Востока и Запада, в апреле 1924 г. в качестве реакции на упразднение халифата провел чрезвычайное собрание и принял вместе с другими объединениями декларацию под названием «Истинное значение халифата»[3]. Декларацию подписали, в частности, председатель «исламской общины Берлина» Мухаммед Хейри, египетский националист Мансур Рифат, представитель «египетской национальной партии в Германии» Исмаил Хелми, глава «арабского союза» д-р Заки Керам и др.

Непосредственным поводом к появлению декларации стал призыв «общества берлинских турок» поддержать кемалистскую Турцию, в том числе в вопросе о халифате. Защитники халифата подвергли своих оппонентов критике, в которой можно выделить три составляющие: критика европейских институтов и идей, в частности республики, критика кемалистов и Кемаля, критика турок и Турции.

Составители декларации избрали систему аргументации, достаточно традиционную для тех мусульманских авторов, которые защищали преимущества исламских институтов в сравнении с институтами европейскими. Она заключалась в одновременном отрицании европейских идей и практик — и вместе с тем их утверждении, но уже в исламском контексте. В XIX — начале XX в. Европа была важнейшей точкой отсчета в современных дебатах мусульманских ученых и активистов. Для отношений арабов и мусульман с Европой нередко была характерна двусмысленность, которая подразумевала как восхищение, так и неприятие. Для мусульманских акторов в межвоенный период Европа являлась ис-

---

1 *Motadel D.* The Making of Muslim Communities in Western Europe, 1914–1939 // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York, 2014. P. 25.

2 Ibid.

3 Die Verschwörung der Kemalisten gegen den Islam: die wahre Bedeutung des Khalifats; Erklärung der «Shura» und Vertreter anderer organisierter Körperschaften / Mohammed Jabbar Kheiri. Berlin, 1924.

точником колониализма и в то же время колыбелью современной цивилизации и культуры[4].

Декларация призывала мусульман не «гнаться слепо за европейскими методами, которые превратят рано или поздно всю европейскую цивилизацию в руины»[5]. Вслед за этим отношение к европейским идеям было выражено в еще более радикальном ключе: «Мусульмане должны очистить себя от всех пагубных чужих идей»[6].

Принцип национализма противопоставляется в документе принципу халифата. Надо заметить, что панисламисты оказались в сложном положении. Они понимали необходимость выработки противоядия против идеологии национализма, размывавшей идею единого «мусульманского мира», но, выступая за единство всех мусульман, они одновременно являлись националистами (представляя различные сегменты политических движений своих стран), активно использовали понятийный багаж и аргументацию национализма и, безусловно, поддерживали идеи о национальной свободе и самоопределении.

Упрекая кемалистов в разрушении халифата, авторы декларации утверждали, что «халифат может обеспечить в миллион раз более масштабный и прочный союз и солидарность, чем "национальность"»[7]. Ислам (в отличие от национализма. — *С. Ш.*), указывалось в документе, дал человечеству настоящую свободу самоорганизации по собственному выбору и удалил случайные барьеры, связанные с рождением и местом[8]. Как отмечалось в декларации, «национальность в современном смысле слова является фикцией, изобретенной еврейско-капиталистическим мозгом»[9].

Интересно, что институт халифата оценивается в декларации и как исламское, и как национальное явление: «Халифат базируется не только на широкой, общепонятной и абсолютно националистической основе, но в то же время — и на ясных требованиях Святого Корана и отчетливом учении и правилах Пророка Мухаммада»[10]. Более того,

---

4 *Nordbruch G., Ryad U.* Introduction: Toward a Transnational History of Islam and Muslims in Interwar Europe // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York, 2014. P. 3–4.

5 Die Verschwörung der Kemalisten gegen den Islam: die wahre Bedeutung des Khalifats; Erklärung der «Shura» und Vertreter anderer organisierter Körperschaften / Mohammed Jabbar Kheiri. Berlin, 1924. S.7.

6 Ibid.

7 Ibid. S. 9.

8 Ibid.

9 Ibid.

10 Ibid. S. 10.

в декларации содержалась прямая апелляция к принципу самоопределения, который, однако, как полагали ее авторы, должен быть применен не к нации, а к мусульманскому миру[1].

Другим направлением критических высказываний защитников халифата являлась критика в отношении турок и Турции. В Османской империи всегда существовали явно и неявно выраженные противоречия и напряжение между ее турецким и арабским субстратом, хотя ислам и выполнял функцию связующего, цементирующего элемента. По мере того как в Османской империи начали проявляться черты системного кризиса, а в самой империи возникали различные национальные движения (усугублявшие ситуацию кризиса) и нарастало стремление османских властей навязать нетурецким народам империи «османскую» идентичность, этот фундамент начинал размываться. В ходе формирования турецкого и арабских «национализмов», сопровождавшегося столкновением конкурирующих проектов и идеологий, возрастала значимость взаимных культурных и этнических стереотипов.

В декларации на турок возлагалась ответственность не только за крушение халифата, но и за упадок мусульманского мира. «История показывает, — отмечалось в ней, — что ислам вывел Европу из темных времен на свет славы. Только тогда, когда благодаря халифату турки стали во главе мусульман, парализующая мучная роса упала на ислам»[2].

Турки, по мнению панисламистов, ничего не сделали для того, чтобы защитить мусульманские регионы от вторжения европейских держав, а иногда и содействовали им. Именно турки, как полагали авторы декларации, воспринявшие у европейцев идею о раздельном существовании духовной и светской власти, запустили процесс кризиса, приведший в конечном итоге к падению халифата. Акцентируя внимание на том, что в исламе, в отличие от христианства, никогда не было разделения религиозного и светского начала, авторы декларации считали, что именно этот принцип помогал исламу избежать противоречий и разломов, появившихся в результате развития Европы: «Одно из самых больших достижений ислама, — подчеркивалось в декларации, — заключается в том, что он закончил борьбу между расами, между деспотизмом и свободой, капиталом и работой, индивидуализмом

[1] Die Verschwörung der Kemalisten gegen den Islam: die wahre Bedeutung des Khalifats; Erklärung der «Shura» und Vertreter anderer organisierter Körperschaften / Mohammed Jabbar Kheiri. Berlin, 1924. S. 7.

[2] Ibid. S. 8.

и социализмом, наукой и религией, разумом и верой, церковью и государством и т.д. и привел к единству и гармонии»[3].

В тексте декларации эксплуатировался образ «кровавых» турок и турок-варваров, а также утверждалось, что в Европе понятия «турок» и «мусульманин» — синонимы[4]. Обращение скорее к европейским стереотипам в отношении турок можно объяснить тем, что сам текст декларации был предназначен не только для мусульман, но и для немецкого (европейского) читателя. Но возможна и иная интерпретация происхождения упомянутых образов: восточные националисты усваивали из европейской литературы комплекс сложных представлений о Востоке, включавший и устоявшиеся стереотипы, в результате чего происходила своеобразная «ориентализация» их дискурса. Другой вопрос, который требует ответа, заключается в том, как резонировали (сочетались) стереотипы, возникшие на почве европейской и соответственно неевропейской культур.

В свете такой характеристики турок вывод о том, что исчезновение халифата в Турции не столько зло, сколько благо, не кажется удивительным. «Мы, мусульмане мира, должны благодарить Бога за то, что халифат отнят из кровавых рук турок, и Бог дал нам возможность оживить и заново построить истинный халифат»[5], — резюмировали авторы декларации.

В то же время в декларации проводилось разграничение между кемалистами, совершающими «антиисламские действия», и турками, оставшимися верными исламу: «…много хороших мусульман в Турции, и они должны быть спасены. Они наши братья, и спасти их — религиозная обязанность мусульманского мира»[6].

Разумеется, наиболее острые стрелы критики были направлены на кемалистов, которые рассматривались как предатели ислама и мусульман, ответственные за утрату единства мусульманского мира, как недалекие люди, которые в стремлении поставить себя на одну ступень с вновь возникшими республиками Европы лишили себя преимущественного положения среди мусульманских народов, став на один уровень с балканскими государствами[7]. Действия кемалистов в отноше-

---

[3] Die Verschwörung der Kemalisten gegen den Islam: die wahre Bedeutung des Khalifats; Erklärung der «Shura» und Vertreter anderer organisierter Körperschaften / Mohammed Jabbar Kheiri. Berlin, 1924. S. 6.

[4] Ibid. S. 8.

[5] Ibid. S. 12.

[6] Ibid.

[7] Ibid. S. 1

нии ислама объяснялись интригами англичан и сионистов. При этом утверждалось, что «либо кемалисты были введены в заблуждение и обмануты, либо сознательно отвернулись от мусульманского мира, преследуя национальные и личные цели, и в таком случае они должны считаться язычниками»[1].

Одним из следствий Первой мировой войны стало относительное стирание границ между центром и периферией, колониями и метрополиями. В результате войны в европейских столицах оказались тысячи мусульман, которые должны были жить и выстраивать свои жизненные и политические стратегии в принципиально новых для себя условиях.

Пик панисламистской активности приходится на 1920-е гг. Ощущение того, что мир рушится, и, казалось бы, многочисленные подтверждения этому порождали самые смелые надежды и проекты, в том числе в среде мусульманской эмиграции Германии. Советская Россия и кемалистская Турция рождались как раз на обломках старого мира, активно эксплуатировали идеи свободы, равенства, борьбы против угнетателей путем революции, как и саму идею революции, выступая в качестве притягательного (и часто одновременно) отталкивающего примера для мусульман в Германии.

Вступая в заочную полемику с кемалистами, а также критикуя Европу и европейские державы, панисламистски настроенные мусульмане в Германии широко использовали понятия и категории, возникшие не на исламской почве. Преобладающее положение занимал националистический дискурс, однако в публикациях того времени можно найти обращения к социалистическому, расовому и цивилизационному дискурсу. Есть основания полагать, что в мусульманских кругах в Германии происходила легитимизация рассуждений об исламе, мусульманском мире и других волнующих мусульман темах в рамках неисламского понятийного аппарата, создавался новый политический язык.

Неотъемлемой частью нарративов мусульманских активистов в Германии стали не только идеи о равенстве, свободе, прогрессе, но и теория заговора, а также антисемитизм, являвшиеся составной частью многих формировавшихся в Европе радикальных направлений национализма.

Имперский, либеральный и социалистический интернационализм не ответили на запрос различных мусульманских групп о равенстве, достоинстве и расширении политических прав и возможностей. В то же

[1] Die Verschwörung der Kemalisten gegen den Islam: die wahre Bedeutung des Khalifats; Erklärung der «Shura» und Vertreter anderer organisierter Körperschaften / Mohammed Jabbar Kheiri. Berlin, 1924. S. 12.

время, когда европейские державы отвергли требования мусульман о правах и самоопределении, некоторые мусульманские активисты попытались создать союз с державами «оси», которые поощряли их геополитические фантазии о едином мусульманском мире[2].

[2] *Aydin Cemil*. The Idea of the Muslim World: A Global Intellectual History. Cambridge, 2017. P. 136.

Глава III

ПРОПАГАНДА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны

Происходящие на Ближнем Востоке процессы, последовавшие за «Арабской весной» 2011 г. и чередой «арабских революций», позволили многим экспертам говорить не только о кризисе государственности, но и о сломе всей региональной ближневосточной подсистемы международных отношений, фундамент которой был заложен после окончания Первой мировой войны странами-победительницами — Великобританией и Францией. Действительно, можно только предполагать, каким образом будет происходить реконфигурация ближневосточного региона и какой вид приобретут те его государства, которые сегодня де-факто уже не существуют в прежних границах (Йемен, Сирия, Ирак, Ливия); ясно, однако, что страны, сформированные на обломках Османской империи — во многом искусственно, — столкнулись сегодня с самым серьезным после окончания Второй мировой войны вызовом.

Проекты, предусматривавшие трансформацию Ближнего Востока (или его части), не единожды возникали на протяжении XX и начала XXI в., а в качестве их создателей выступали как внерегиональные, так и внутрирегиональные акторы. В том числе периодически появлялись и халифатистские проекты, инициаторы которых стремились преодолеть рамки национального государства, предлагая в качестве альтерна-

тивы государственность, базирующуюся на транснациональной, строго религиозной идентичности[1].

Представляется целесообразным обратиться к одному из проектов конструирования части региона — проекту «Великой Сирии», который с началом Второй мировой войны оказался в фокусе ближневосточной политики и пропаганды Третьего рейха.

Идея «Великой Сирии» приобрела политическое звучание в конце Первой мировой войны; призывы к созданию государства в границах «исторической» Сирии оставались актуальными в межвоенный период и становятся особенно значимыми в контексте развернувшегося противоборства Великобритании и Франции с государствами «оси» на Ближнем Востоке в годы Второй мировой войны. Все участники противостояния, действовавшие в рамках логики сохранения, расширения, трансформации или подрыва сложившихся в регионе механизмов политического господства и легитимирующих их конвенций, осознавали, что результатом этого противостояния может стать кардинальное переустройство регионального пространства и его отдельных сегментов.

О «Великой Сирии» писали многие авторы, обращавшиеся к изучению арабского национализма, политики европейских держав на Ближнем Востоке, к истории ближневосточного региона и его отдельных стран. Однако работ, посвященных всестороннему рассмотрению идеологии пансирианизма в исторической ретроспективе, немного, из них непревзойденной до сих пор остается работа американского исследователя Даниэля Пайпса[2]. «Как, возможно, самая игнорируемая тема истории Ближнего Востока в двадцатом веке, пансирианизм взывает к исследованию», — писал он в предисловии к своей работе[3]. Пайпс детально и подробно рассматривает зарождение и эволюцию пансирианизма, многочисленные проекты конструирования «Великой Сирии», создававшиеся как в Лондоне и Париже, так и в ближневосточных странах, сложное отношение панарабистов к идеологии пансирианизма. Однако, обращаясь к оценке места этого проекта в политике стран «оси» в годы Второй мировой войны, Пайпс ограничивается замечанием о том, что для держав «оси» поддержка Великой Сирии стала практически безболезненным способом доставить неприятности британцам и французам на Ближнем Востоке и в то же время завоевать некоторое коли-

---

1 *Наумкин В.* Компьютерные джихадисты Ближнего Востока. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompyuternye-dzhikhadisty-blizhnego-vostoka/.

2 *Pipes D.* Greater Syria: The History of an Ambition. New York, 1992.

3 Ibid. P. 7.

чество друзей среди арабов[1]. В работах, посвященных пропаганде и политике стран «оси» на Ближнем Востоке, тема «Великой Сирии» также находилась, как правило, на периферии исследовательского внимания.

Между тем изучение этого сюжета представляется важным по нескольким причинам. Оно позволит внести новые нюансы в понимание ближневосточной политики Третьего рейха (и стран «оси» в целом), и, в частности, такого ее направления, которое было связано с попытками немецких дипломатов сконструировать «новый порядок» на Ближнем Востоке. Анализ политических проектов (и отдельных предложений), нацеленных на преобразование политического пространства арабского мира, даст возможность не только составить представление о политических целях и пропагандистских планах Третьего рейха в регионе, но и судить о том, что можно назвать пространственным воображением или «ментальными картами» Ближнего Востока, существовавшими в сознании немецких дипломатов, военных, ориенталистов. Обратившись к сюжету о «Великой Сирии», можно увидеть, какие идейные конструкты и инструменты немецкая пропаганда пыталась использовать в регионе в годы Второй мировой войны и с какими ограничениями (объективными и субъективными) она при этом сталкивалась.

Первая мировая война и борьба за «османское наследство»

После вступления Османской империи в войну на стороне Германской империи целью держав Антанты становится не только разгром османской армии на полях сражений, но и раздел «османского наследства». Судьба арабских провинций Османской империи решалась в годы войны в ходе переговоров и скрытого и явного соперничества союзников по Антанте — Великобритании, Франции и, в меньшей степени, России, стремившейся прежде всего установить контроль над черноморскими проливами. Достигнутые ими соглашения, самое известное из которых вошло в историю как «соглашение Сайкса — Пико»[2], являлись плодом имперского воображения и колониальных представлений о балансе сил,

---

[1] *Pipes D.* Greater Syria: The History of an Ambition. New York, 1992. P. 96.

[2] Соглашение Сайкса — Пико — секретное соглашение, достигнутое в 1916 г. британцами и французами, предусматривавшее раздел азиатской части османского государства и последующее превращение арабских вилайетов Османской империи в подмандатные территории Великобритании и Франции. Название получило по имени его разработчиков — английского политика сэра Марка Сайкса и французского дипломата Франсуа Жорж-Пико (*Наумкин В.* Нужно ли присоединять Россию к соглашению Сайкса — Пико? URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/)

безопасности и экономической целесообразности, «экспертного» (а часто псевдоэкспертного) знания, поставленного на службу колониальным интересам, и, не в последнюю очередь, — случайности.

В годы войны Великобритания увидела в довольно аморфном, но постепенно структурирующемся движении арабских националистов ценного союзника в борьбе с Османской империей. Результатом британских усилий стала договоренность с шерифом Мекки Хусейном бен Али аль-Хашими — арабским лидером, представлявшимся британцам наиболее подходящей фигурой для того, чтобы возглавить выступление против турок.

Еще одним решением, имевшим долгосрочные последствия для всего Ближнего Востока, стала знаменитая Декларация Бальфура[3]. Для Британии, уже контролировавшей Египет и претендовавшей на половину Ближнего Востока, публичная поддержка сионистского движения, стремившегося к созданию на территории Палестины еврейского государства, стала способом, который позволял обезопасить восточный фланг Суэцкого канала, избежав при этом обвинений в прямом захвате земель[4]. В изменившихся условиях конца Первой мировой войны не только Британии, но и другим империям, рассчитывавшим на новые колониальные приобретения, необходимо было искать новые способы легитимации этих приобретений.

Соглашение Сайкса — Пико, Декларация Бальфура, соглашение Мак-Магон — Хусейн[5] и ряд других, менее известных документов являлись не просто вехами в политической истории Ближнего Востока; сложив-

---

[3] Декларация Бальфура — письмо, переданное 2 ноября 1917 г. министром иностранных дел Великобритании Артуром Бальфуром представителю британской еврейской общины лорду Уолтеру Ротшильду, в котором от имени британского правительства выражалось одобрение и готовность оказать содействие «созданию в Палестине национального дома для еврейского народа» (The Balfour Declaration. November 2, 1917. URL: http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20balfour%20declaration.aspx).

[4] *Barr J.* A Line in the Sand. Britain, France and the Struggle that shaped the Middle-East. London, 2011. P. 1.

[5] Соглашение Мак-Магон — Хусейн — договоренность, достигнутая в ходе переписки шерифа Мекки Хусейна бен Али аль-Хашими с британским верховным комиссаром в Каире Генри Мак-Магоном, продолжавшейся с июля 1915 по январь 1916 г. В ходе нее Хусейну было обещано создание после окончания войны единого, независимого арабского государства (и определены его примерные границы). Более того, британское правительство обещало поддержать притязания шерифа Мекки на восстановление халифата и лидерство в арабском мире (Letters between Hussein Ibn Ali and Sir Henry Mcmahon. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Letters_between_Hussein_Ibn_Ali_and_Sir_Henry_Mcmahon).

шийся в результате их реализации (или нереализации) политический порядок[1], воспринимавшийся всеми силами (в том числе и формировавшими его) как временный, подлежащий коррекции или даже радикальному пересмотру, — задал ту систему координат, в рамках которой и возникали многочисленные проекты по переустройству всего регионального пространства или его отдельных сегментов, происходило столкновение, переплетение и взаимное наложение пространственных образов, рождавшихся в политическом воображении националистов, христианских и мусульманских мыслителей, колониалистов и имперских элит.

Борьба за «Великую Сирию»

Немецкий исследователь Юрген Остерхаммель в работе «Трансформация мира: история XIX века» писал о том, что географические обозначения, с которыми сегодня специалисты и дилетанты обращаются совершенно некритически и которые широко заимствовались даже самими местными элитами в регионах, являются во многом продуктами геополитизации описательной географии в период высокого империализма[2]. Он замечает, что термин «Ближний Восток» вошел в употребление в дипломатических кругах лишь к концу XIX в. и обозначал Османскую империю, включая те области в Северной Африке (такие как Египет и Алжир), которые тогда ей фактически не принадлежали. Термин «плодородный полумесяц»[3], появившийся в 1916 г., был популярен среди археологов и напоминал о доисламском величии региона[4].

---

[1] Разработанные в 1915–1916 гг. договоренности между Англией и Францией на самом деле еще не установили границ между формировавшимися в Машрике будущими подмандатными территориями/государствами, что было сделано позднее — на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. — 21 января 1920 г.), в Севрском договоре от 10 августа 1920 г., на конференциях в Сан-Ремо 19–26 апреля 1920 г. и в Лозанне (с перерывом 20 ноября 1922 г. — 24 июля 1923 г.) (Наумкин В. Нужно ли присоединять Россию к соглашению Сайкса — Пико? URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/).

[2] *Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: История XIX века. Главы из книги // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 85.

[3] «Благодатный полумесяц» («Плодородный полумесяц»), (Fertile Crescent) — название дуги плодородных земель, обрамляющей Сирийскую пустыню с запада, севера и востока. Включает современные территории Ливана, Израиля, Сирии, Ирака, юго-востока Турции, юго-запада Ирана, северо-запада Иордании и Египта. Это определение впервые использовал американский ученый Дж. Г. Брэстед (*Алимова А.* Н. Антун Сааде и идеология пансирианизма // Ислам в современном мире. 2018. 14 (1). С. 209).

[4] Там же.

В отличие от понятия «плодородный полумесяц», с самого начала являвшегося искусственным конструктом, понятие «Великая Сирия», утвердившееся в начале XX в. в политическом и дипломатическом лексиконе, стало современной версией укорененного в языке и истории термина «*bilad al-Sham*», использовавшегося в раннее исламское время и включавшего помимо Сирии территории таких современных политических единиц, как Ливан, Иордания, Израиль, Западный берег реки Иордан, распространяясь на севере на современные турецкие провинции Хатай (прежний санджак Александретта), Газиантеп и Диярбакыр[5]. Понятие «Великая Сирия» становится политическим и идеологическим концептом (и символическим ресурсом) в момент распада Османской империи и начавшейся борьбы за раздел ее бывших арабских провинций.

Результатом британо-арабских договоренностей стало «Великое арабское восстание», начавшееся 5 июня 1915 г. Занятие 30 сентября — 1 октября 1918 г. арабскими частями эмира Фейсала и частями британского экспедиционного корпуса генерала Э. Алленби Дамаска и большей части «исторической Сирии» символизировало успех «арабского восстания» и британо-арабского «союза».

В период краткосрочного правления короля Фейсала в Дамаске (сентябрь 1918 г. — июль 1920 г.) была предпринята первая попытка добиться независимости Сирии в ее «естественных границах». Будучи не в силах противостоять французским военным частям, Фейсал в июле 1920 г. покидает Сирию и вскоре при поддержке Британии становится королем Ирака. После окончания Первой мировой войны державы-победительницы — Великобритания и Франция создали на месте арабских провинций бывшей Османской империи несколько государств, не получивших, однако независимости, а вошедших в число подмандатных стран. Казалось, что долгосрочные амбиции Хашимитов, состоявшие в том, чтобы собрать в рамках объединенного государства под властью их дома территориальные фрагменты распавшейся Османской империи (Хиджаз, Сирию, Палестину и Ирак), были сорваны[6]. Однако проблема создания (воссоздания) объединенного арабского государства станет одной из ключевых тем ближневосточной политики в 1920–1930-е гг. Идея единого арабского государства, ставшая одновременно и целью, и меч-

---

[5] *Bosworth* C. E. Al-Sham // Encyclopaedia of Islam. Edited by C. E. Bosworth, E. Van Donzel, W. P. Heinrichs and G. Lecomte; Assisted by PJ. Bearman and Mme S. Nurit. Vol. VIII. Leiden: BRILL, 1995. P. 261.

[6] *Masalha N.* Faisal's Pan-Arabism, 1921–33 // Middle Eastern Studies. 1991. № 27 (4). P. 679.

той для нескольких поколений арабских националистов, принимала более или менее конкретные очертания в разных проектах, иногда рассматривавшихся как конкурирующие, иногда — как взаимодополняемые.

Мечта о едином арабском государстве могла воплотиться в «Великой Сирии», хотя сторонники идеологии панарабизма обычно рассматривали эту идею не столько как шаг, сколько как препятствие на пути к единому арабскому государству. «Великая Сирия» не существовала в качестве политической единицы и не существовало «великосирийской нации», однако разделение территории «исторической» Сирии в 1919–1920 гг. на ряд государств под французским и британским мандатом стало одной из тяжелейших травм в череде многих политических травм, пережитых арабами в то время[1].

Абдалла и Фейсал — два представителя Хашимитского дома, утвердившиеся у власти в Трансиордании и Ираке — подмандатных территориях, вошедших в британскую зону ответственности, значительную часть своих усилий направляли на реализацию (в том или ином виде) панарабского проекта. Ибн Сауд, эмир Неджда, нанесший в 1926 г. поражение шерифу Мекки Хусейну и его сыну Фейсалу и объединивший почти весь Аравийского полуостров в рамках созданного в 1932 г. государства Саудовская Аравия, напротив, видел свою задачу в том, чтобы не дать реализоваться панарабским амбициям Хашимитов. Эмир Трансиордании Абдалла стал одним из самых известных и последовательных сторонников «Великой Сирии». Поскольку режим Абдаллы опирался на поддержку Британии, многие полагали, что за «великосирийскими амбициями» эмира Трансиордании стоит Лондон, другие формулировали эту мысль еще более радикально, рассматривая Абдаллу как орудие в руках британцев. Не отрицая зависимости Абдаллы от Великобритании, следует признать, что его отношения с британскими властями (в том числе и по поводу «Великой Сирии») были сложнее описанной логики. В разное время представители британского правительства не только поддерживали великодержавные устремления Абдаллы, но и ставили заслон его чрезмерной, как им казалось, активности. В британском правительстве были как сторонники «Великой Сирии» (не обязательно во главе с Абдаллой), так и противники этого проекта. «Британские сомнения также были связаны с необходимостью учитывать позиции других государств. К концу 1941 г. стало очевидно, что французская, ливанская, сирийская, иракская, саудовская и египет-

[1] *Pipes D.* Greater Syria: The History of an Ambition. New York, 1992. P. 3.

ская оппозиция возвышению Абдаллы означала, что поддержка «плана Абдаллы» была бы контрпродуктивной. Тем не менее Абдалла был хорошим другом Британии, и британцы как можно дольше избегали публичной критики его планов»[2].

Третий рейх и «Великая Сирия»

Множество акторов, располагавшихся на разных уровнях, но сложно друг с другом связанных, находившихся в отношениях противодействия и сотрудничества, множество контекстов и высокая динамика их изменения, — все эти признаки делали ситуацию на Ближнем Востоке в межвоенный период отчасти похожей на современную. Однако необходимо обращать внимание не только на относительное сходство, но и на существенные различия. С окончанием Первой мировой войны в истории Ближнего Востока начинается постосманский, но не постимперский период: политическая карта региона в это время в основных своих контурах формируется двумя соперничающими империями — Британской и Французской. В целом они сохраняли доминирующие позиции в регионе на протяжении всего межвоенного периода, реагируя на растущие национальные движения в подмандатных территориях, приспосабливаясь к ним и подавляя периодически вспыхивающие восстания. В межвоенные годы только несколько стран региона являлись независимыми, в первую очередь кемалистская Турция, Иран во главе с династией Пехлеви и Хашимитская (вскоре Саудовская) Аравия[3].

Хотя Италия присоединилась к Антанте в августе 1915 г., итальянцы узнали о соглашении Сайкса — Пико только в октябре 1916 г. Несмотря на то что под давлением итальянцев союзники признали ограниченную сферу влияния Италии в Малой Азии, по итогам Парижской мирной конференции Италия не получила никаких колониальных приобретений в регионе[4]. После прихода Муссолини к власти Италия использовала все доступные ей возможности для расширения своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В конце 1920-х гг. Рим усилил связи с лидерами арабских националистических движений, в том числе с видными сирийскими националистами (в частности с Шакибом Арсланом).

---

[2] *Pipes D.* Greater Syria: The History of an Ambition. New York, 1992. P. 93.

[3] *Motadel D.* The Muslim world in the Second World War // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A. (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Cambridg. II Politics and Ideology. 2015. P. 607.

[4] *Arielli N.* Fascist Italy and the Middle East, 1933–40. Basingstoke, 2010. P. 12–13.

Итальянская активность в Леванте была предметом постоянного беспокойства французских властей. Позиция Италии относительно судьбы французских подмандатных территорий в Леванте не была лишена противоречий. Так, итальянское правительство стремилось поддержать христиан, выступавших за независимость Великого Ливана, и в то же время защищало тезис о неделимости сирийского мандата в Лиге наций[1]; итальянцы поддержали сирийских националистов, которые заявляли о единстве «Великой Сирии», и в то же время предлагали христианским меньшинствам защиту перед мусульманским большинством[2]. Итальянский исследователь Мауро Пирас связывает эту противоречивость с тем, что фашистский режим в Италии, выстраивая новую «исламскую политику», не отказывался от старых методов традиционной арабской политики, даже тогда, когда эти политические курсы вступали в противоречие друг с другом[3]. Возможно, это противоречие объясняется стремлением итальянцев в условиях сохранявшейся неопределенности политического будущего Леванта работать с разными политически мобилизованными группами, действовавшими на территории «исторической» Сирии.

Оценивая политику Веймарской республики в отношении Палестины и всего Ближнего Востока, исследователь Франциск Н. Никозия писал: «Палестина и Ближний Восток не имели ключевого значения во внешнеполитических целях различных правительств Веймарской Германии, но находились на периферии непосредственной сферы интересов Германии. Тем не менее у Германии были конкретные политические, экономические и культурные интересы в Палестине и на остальном Ближнем Востоке, и она проводила определенную политику, направленную на сохранение и поощрение этих интересов. Политика Германии была двунаправленной; экономическим и культурным интересам наилучшим образом способствовали поддержание сионистского движения и осуществление Декларации Бальфура, в то время как общие политические интересы в Европе и на Ближнем Востоке обеспечивались поддержкой Британского мандата в Палестине»[4].

---

1 *Mauro P.* Politica islamica e propaganda fascista in Siria e Libano (1932–1940). [Doctoral Thesis]. Universita» degli Studi di Cagliari. 2012. P. VIII.

2 Ibid. P. XI.

3 Ibid.

4 Цит. по: *Dieterich R.* Germany's Relations with Iraq and Transjordan from the Weimar Republic to the End of the Second World War // Middle Eastern Studies. 2005. Vol. 41, №4. P. 465.

После прихода Гитлера к власти в Германии ее ближневосточная политика до 1939 г. не претерпела радикальных изменений — ключевыми элементами этой политики являлись заинтересованность в еврейской эмиграции в Палестину и, напротив, незаинтересованность в поддержке арабских националистов, выступавших с антисионистскими и антиколониальными лозунгами. Германские дипломаты на Ближнем Востоке выступали в роли наблюдателей, стремившихся оценить ситуацию в отдельных странах и в регионе в целом, иногда не скрывавших злорадства по поводу трудностей, с которыми сталкивались там британские и французские власти, но уклончиво или отрицательно отвечавших на просьбы арабских националистов о конкретной помощи.

До 1937 г. Гитлер стремился к достижению союза с Великобританией, в соответствии с которым Германия гарантировала бы интересы и безопасность Британской империи в обмен на британское одобрение экспансии Германии в Центральной и Восточной Европе[5].

Неудачи Гитлера в реализации этого курса ускорили формирование в конце 1930-х гг. германо-итальянского союза. Рассматривая экспансию в Европе в качестве основного приоритета, Гитлер легко пошел на признание Средиземноморья (и арабского мира) сферой влияния Италии: во время своего визита в Германию в сентябре 1937 г. Муссолини признал интересы Германии в Австрии и принял немецкую декларацию о поддержке итальянских интересов во всем Средиземноморском регионе[6].

Хотя Италия со второй половины 1930-х гг. направляла все больше ресурсов на подрывную деятельность на Ближнем Востоке, настоящий вызов британо-французскому доминированию в регионе страны «оси» смогли бросить только после начала Второй мировой войны (точнее после разгрома Франции в июне 1940 г.).

После начала Второй мировой войны сторонники более активного курса Германии на Ближнем Востоке могли с большим основанием полагать, что их доводы будут услышаны и приняты. Одним из первых о необходимости подорвать британские позиции на Ближнем Востоке заявил Макс фон Оппенгейм — ориенталист и бывший германский дипломат, давно не служивший в МИД, но по-прежнему имевший репутацию одного из лучших экспертов по Ближнему Востоку и сохранявший

---

[5] *Nicosia Francis R.* Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939. Ideological and Strategic Incompatibility // The International Journal of Middle East Studies. 1980. № 12. P. 359.

[6] *Nicosia Francis R.* Nazi Germany and the Arab World. New York, 2015. P. 117.

связи как среди немецких дипломатов, так и среди арабских националистов. Как уже отмечалось, в октябре 1914 г. Оппенгейм предложил план «революционизации исламских областей» противников Германской империи — документ, фактически легший в основу стратегии Германской империи в мусульманском мире в годы Первой мировой войны.

Оппенгейм остался верен себе — в 1940 г. он выступил со сходной идеей, предусматривавшей революционизирование Ближнего Востока, целью которой было бы «уничтожение британского господства» в регионе[1].

Центральное место в своих замыслах Оппенгейм отводил Сирии, называя ее «единственной страной, опираясь на которую можно вести в настоящее время нашу борьбу против Англии»[2].

Оппенгейм считал необходимым отправить в Сирию «так быстро, насколько это возможно, прежнего посла в Багдаде доктора Гроббу»[3]. Одного этого достаточно было, полагал Оппенгейм, для того, чтобы стимулировать борьбу арабских стран против Британии. «Гробба там известен как опаснейший противник Англии, — писал Оппенгейм, — его имя будет действовать там как программа, его появление и его работа в Дамаске станут призывом к борьбе не только для Сирии, но и для всех арабских стран»[4]. Оппенгейм уже много лет не находился на государственной службе, однако взгляды, которые он выражал в своей записке (о симпатиях к Германии в арабском мире и готовности арабов выступить при первой возможности против Великобритании) были широко распространены среди действующих немецких дипломатов, занимавшихся Ближним Востоком.

Отмечая, что Ирак хочет аннексировать Сирию и что саудовский монарх Ибн Сауд этому объединению всеми способами препятствует, Оппенгейм формулировал свое видение будущего Сирии: «Простым решением было бы на сооружаемый сирийский трон посадить сына Ибн Сауда. О прямой аннексии Сирии Саудовской Аравией из религиозных соображений не может идти речи, так как господствующий в Саудовской Аравии фанатичный ваххабизм неприемлем для Сирии. Саудовскому принцу необходимо будет при управлении Сирией отказаться от его религиозного учения»[5].

---

1 BArchivP, AA. F 14882. Bl. 1.
2 Ibid.
3 Ibid.
4 Ibid. Bl. 2.
5 Ibid. Bl. 3–4.

Оппенгейм, как и Фриц Гробба, считал, что позиция Саудовской Аравии будет иметь важное (если не определяющее) значение в исходе борьбы с Великобританией за Ближний Восток, и поэтому предлагал дать обещание Ибн Сауду в отношении части (или даже всей) территории Трансиордании и решить благоприятным для Ибн Сауда образом спор о «Великой Сирии». Однако, в отличие от Гроббы, который акцентировал внимание на особой роли Саудовской Аравии в мусульманском мире, Оппенгейм рассматривал религиозный фактор скорее как препятствие для экспансии последней.

В проекте Оппенгейма, с одной стороны, выражалась идея возвращения к границам «исторический Сирии» (в частности, он писал, что «Ливан как до первой мировой войны снова вошел бы в Сирию как район с собственным управлением»), с другой — выдвигалась идея союзного государства, границы которого были бы гораздо шире границ «Великой Сирии» («После достижения мира и победоносного завершения борьбы против Англии, — писал он, — возникло бы союзное государство упомянутых арабских стран Передней Азии, в котором были бы представлены Йемен и малые государства аравийского полуострова, такие как Оман, Йемен, Кувейт и т.д.»)[6].

Оппенгейм, изложивший в записке свое видение «нового порядка» в арабском мире, понимал, что эта проблема еще будет рассматриваться и решаться в будущем (как он полагал — в ближайшем). В этой связи он хотел, чтобы Гробба взял с собой в Сирию известного сирийского националиста Шакиба Арслана, «чтобы с ним обсудить новый государственный порядок в арабском мире и особенно в Сирии»[7]. В записке Оппенгейма были отражены взгляды наиболее заметных арабских лидеров, с которыми сотрудничала Германия: Шакиба Арслана, Мухаммада Амина аль-Хусейни и Рашида Али аль-Гайлани. Каждый из них являлся сторонником создания великого союза мусульманских государств после победы над британцами на Ближнем Востоке[8].

В своем ответе на меморандум Оппенгейма заместитель госсекретаря МИД Теодор Август Хабихт сообщил его автору, что «поднятые вопросы уже подробно рассматриваются в министерстве»[9]. На самом деле до этого времени немецкие официальные лица мало интересовались Ближнем

---

6 BArchivP, AA. F 14882. Bl. 4.

7 Ibid.

8 *Gossman L.* The Passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge, 2013. P. 248.

9 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 38.

Востоком и еще меньше мусульманским миром. Ни внешнеполитические схемы Гитлера, разработанные им до 1933 г., ни какая-либо стратегия 1930-х гг. не делали такую политику необходимой. С началом войны и, что более важно, после военных неудач Италии в Северной Африке и на Балканах в начале 1941 г. эта перспектива изменилась[1].

Оппенгейм направил записку в МИД 25 июля 1940 г. — через месяц после разгрома немецкими войсками французских вооруженных сил и капитуляции Франции. Выведение из войны Франции имело множество последствий для участников глобального конфликта, одно из них — изменение военно-политической ситуации в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Хотя условия франко-германского перемирия предусматривали, что в статус мандатных территорий Франции не будет внесено каких-либо изменений и «Франция будет продолжать свою миссию в Леванте»[2], в Берлине и Риме активно разрабатывались планы, предусматривавшие использование территории Сирии и Ливана как плацдарма для борьбы с Великобританией на Ближнем Востоке. Параллельно обсуждался вопрос о переустройстве политического пространства в Леванте.

Итальянская комиссия по перемирию прибыла в Бейрут спустя месяц после подписания перемирия с Францией. За нею вскоре последовали различные немецкие агенты и служащие, которые в основном занимались пропагандой, играя на арабских надеждах и страхах, среди прочего — относительно Палестины и Александретты[3]. Французское поражение и пережитый арабами опыт колониальной политики, которую осуществляли Британия и Франция в подмандатных территориях с 1918 г., делали немецкую пропаганду успешной у части арабских националистов[4].

Немецкие дипломаты исходили из того, что Германия может обещать арабам не только возможность создания объединенного государства, но и решение «еврейского вопроса» на Ближнем Востоке. Со-

---

1 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 38.

2 *Пир-Будагова Э. П.* История Сирии. XX век. М., 2015. С. 57.

3 23 июня 1939 г. между Францией и Турцией было подписано соглашение, по которому Александреттский санджак полностью передавался Турции. С территории санджака были выведены находившиеся там французские войска. Санджак стал официальным шестым вилайетом Турции. Естественно, что это решение французских властей вызвало взрыв недовольства и демонстрации протеста в Сирии (*Пир-Будагова Э. П.* История Сирии. XX век. М., 2015. С. 55.).

4 *Tibawi A. L.* A Modern History of Syria (Including Lebanon and Palestine). Macmillan, 1969. P. 366.

трудник политического отдела МИД В. Мельхерс в своей записке от 9 декабря 1940 г. в сверхоптимистическом ключе описывал эффект от подобных обещаний: «В целом обещание приемлемого для них решения еврейского вопроса может быть дано арабскому миру. Намек на возможность формирования Великого сирийского государства, вероятно, вызовет у Британии большие трудности в Палестине... Осуществление только некоторых из этих предложений вызвало бы во всем арабском мире (вероятно, также в Северной Африке) значительное движение и, вероятно, лишило бы возможности действовать Англию, так же как и де Голля»[5]. В то же время В. Мельхерс призывал к изучению ситуации на месте и к консультации с союзниками — итальянцами и арабами.

Несмотря на ожидаемый эффект от планируемых пропагандистских акций, В. Мельхерс был крайне осторожен в своих формулировках. У этой осторожности было много причин, лежавших как в сфере политической целесообразности, так и в сфере идеологии. Немецкий посол в вишистской Франции Отто Абетц в своей телеграмме от 28 февраля 1941 г. называл некоторые из них: «Раскрытие тайных немецких обещаний арабским государствам относительно помощи в создании Великой арабской империи, несомненно, придало бы решающий импульс голлистскому движению, которое очень сильно в Сирии, и будет восприниматься французским правительством как противоречащее соглашению о прекращении огня»[6]. Признавая, что обнародование планов создания в какой-либо форме объединенного арабского государства может стать мощным инструментом политического влияния, В. Мельхерс и О. Абетц диаметрально противоположно оценивали последствия подобного шага.

В документах, затрагивавших вопрос о будущих «политических конструкциях» на Ближнем Востоке, встречались разные названия этих «конструкций», два из которых — «Великая Сирия» и «Великая арабская империя», пересекались, но, как правило, не совпадали. «Великая Сирия» могла рассматриваться как ядро будущей «Великой арабской империи», как одна из ее частей и как альтернативный ей проект. Упомянутый уже О. Абетц предлагал в этом вопросе ограничиться «конфиденциальной гарантией» арабским партнерам. «Если этой гарантии будет недостаточно, — писал он, — можно было бы первоначально поддержать формирование федерации шести арабских государств, в которой три подмандатных государства — Сирия, Трансиордания, Палести-

[5] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (далее: ADAP). Serie D: 1937–1945. Bd. 11. P. 2. Б. м. 1964. S. 692.

[6] Ibid. S. 155.

на, могли бы иметь особый статус». Стремясь найти формулу, которую можно было бы представить арабским националистам, не вызвав одновременно отрицательной реакции других акторов, О. Абетц предлагал промежуточный вариант, в котором единое арабское государство совмещалось с сохранением системы мандатов. Поиск такой формулы станет в это время одной из главных забот немецких дипломатов.

Сотрудники германского МИД, рассуждавшие о политических преобразованиях в регионе, вынуждены были учитывать не только признаваемый Германией приоритет Италии в арабских делах, но и, как они неоднократно подчеркивали, сдержанное отношение Италии к созданию «Великой арабской империи». Вместе с тем, хотя Италия в своей политике на Ближнем Востоке с гораздо большей осторожностью подходила к вопросу о создании единого арабского государства, чем ее союзник по «оси», в итальянской пропаганде, направленной на регион, содержались призывы к пересмотру существующих в нем политических образований. Итальянцы распространяли листовки в поддержку «большой Палестины». 30 июня 1940 г., сразу после падения Франции, они объявили по радио Бари о своем видении создания большого сирийского государства[1].

В 1941 г. происходило нарастание пропагандистской, разведывательной и военно-политической активности Германии в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Высадка африканского корпуса Роммеля в Ливии в феврале, оккупация Греции и Югославии в апреле, антибританское восстание в Ираке, поддержанное Германией, и захват острова Крит, произошедшие в мае 1941 г., с одной стороны, создали новые возможности для действий Третьего рейха в арабском мире, с другой — ставили перед ним новые задачи. Среди них — поиск более эффективных способов пропаганды, в которой нужно было найти оптимальное сочетание исламской риторики и риторики арабского национализма.

Дилемма выбора и вместе с тем признание приоритета национализма перед исламом просматривается в записке, имевшей характер программного документа, руководителя политического отдела германского МИД Эрнста Воерманна от 7 марта 1941 г.: «Исламская идея (“Священная война”), — писал он, — при современном соотношении сил неприменима. Арабизм и ислам не совпадают. Приобщаемые к нашей игре

[1] *Pipes D.* Greater Syria: The History of an Ambition. New York, 1992. P. 96.

арабы борются не за религиозные, а за политические цели. Однако вопросы, связанные с исламом, требуют тактичного обращения»[2].

За этой обязательной для министерства иностранных дел позицией, как отмечал немецкий исследователь Герхард Хёпп, которая явно признавала приоритетным поиск «партнеров» среди национальных или националистических движений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, безусловно, скрывался провальный опыт исламской политики Германской империи во время Первой мировой войны, который передавался также вследствие персональной преемственности в ведомстве[3]. Вместе с тем и после указания Э. Воерманна вопрос о политическом и военном значении ислама и «мусульманского мира» продолжал обсуждаться, причем в последующие месяцы Воерманн все больше отказывался от своей оппозиции исламской пропаганде[4].

В разгар военных действий в 1941–1942 гг., когда немецкие войска заняли населенные мусульманами территории на Балканах, в Северной Африке, в Крыму и на Кавказе и приближались к Ближнему Востоку и Центральной Азии, Берлин стал рассматривать ислам в качестве политически значимого фактора. Нацистская Германия предприняла серьезные усилия для продвижения союза с «мусульманским миром» против их предполагаемых общих врагов — Британской империи, Советского Союза, Америки и евреев[5].

Осенью 1941 года в МИД поступил двухстраничный документ, автором которого был Ласло Алмаши — исследователь пустыни, ориенталист и с 1941 г. офицер африканского корпуса Эрвина Роммеля. В ней автор изложил свою стратегию использования ислама для достижения германских военных целей на Ближнем Востоке. В этом документе ислам и арабский национализм не противопоставлялись друг другу, напротив, в нем заметно стремление соединить их в проекте «Великой Сирии» и персонифицировать в лице иерусалимского муфтия Мухам-

---

2 ADAP. Serie D: 1937–1945. Bd. 12. P.1. Frankfurt, 1963. S. 194.

3 *Höpp G.* Der Koran als «Geheime Reichssache». Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945 // Gnosisforschung und Religionsgeschichte. Festschriften für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag. Hrsg. Holger Preißler und Hubert Seiwert. Marburg: Diagonal-Verlag, 1994. S. 400.

4 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 40.

5 Hitler's Muslim stop-gaps. Interview with historian David Motadel. URL: https://en.qantara.de/content/interview-with-historian-david-motadel-hitlers-muslim-stop-gaps.

мада Амина аль-Хусейни, которой должен был стать халифом и главой «великосирийского государства»[1].

Анализируемый документ, его стилистика, язык и выражаемые в нем представления о «мусульманском мире» и его значении в противостоянии противникам Германии не просто напоминал «план Оппенгейма», предложенный в октябре 1914 г. Вильгельму II, но фактически в основных чертах воспроизводил его.

«У Германии мало внутренних связей с исламом. Британия, напротив, имеет разнообразные внутренние связи с миром ислама»[2], — утверждалось в документе. Значимость «внутренних связей» с исламом раскрывалась в следующем пассаже: «Если чувство солидарности между Германией и исламом возникло бы и в результате 250 миллионов мусульман проявили бы внимание и сочувствие к Германии, то таким образом получилось бы вызвать у Англии массовый психоз с катастрофическими последствиями», «… следовательно, Англия вынуждена будет пойти на заключение скорейшего мира»[3].

Халифат, как и Османская империя, перестал существовать после Первой мировой войны, однако в анализируемой записке 1941 г. именно возрождение халифата рассматривалось как способ, с помощью которого Германия могла бы создать «глубокую связь» с исламом, а муфтий аль-Хусейни характеризовался как наиболее подходящая фигура на роль халифа.

Прибытие муфтия и его переговоры с Гитлером открывали новые возможности для немецкой пропаганды на Ближнем Востоке. Как отмечал Л. Алмаши, «весь ислам пришел бы в огромное движение вследствие приема великого муфтия фюрером, торжественного заявления о гарантии для объединенной Большой Сирии с признанием великого муфтия духовным лидером, а также посредством пропаганды, ссылающейся на необходимость халифата, и обращения великого муфтия по радио к арабскому миру»[4]. В конце записки содержался призыв «… сооружать не панарабское, а великосирийское государство, чтобы проложить

---

1 После поражения в мае 1941 г. антибританского восстания в Ираке аль-Хусейни удалось бежать в Иран. В октябре 1941 г. он был доставлен в Италию, где провел переговоры с Муссолини и Чиано, а в затем отправился в Берлин и 28 ноября встретился с Гитлером. Вероятно, упомянутый документ был направлен в МИД вскоре после прибытия муфтия в Италию.

2 BArchivP, AA. Nr. 611174. Bl. 1.

3 Ibid.

4 Ibid. Bl. 2.

путь к решению вопроса о халифате и тем самым помочь исламу по-настоящему бескорыстным способом»[5].

Автор документа обращался к целому комплексу проблем, находившихся в орбите ближневосточной политики Третьего рейха, правда, если одни из них (о декларации, гарантирующей независимость арабских стран[6], о едином арабском государстве, о политике в отношении ислама, об арабских лидерах, на которых следует сделать основную ставку) находились в центре внимания немецких дипломатов, то другие — в частности «проблема халифата» — скорее на периферии их внимания. В той упрощенной и искаженной реальности, которую рисовал в своем воображении Л. Алмаши, продвижение халифатистского проекта, безусловно, рассматривалось как многообещающее с точки зрения пропаганды мероприятие, с другой стороны, подобный проект плохо соотносился с идеей о необходимости дозированного и избирательного обращения к исламу и мог быть негативно воспринят как союзниками Третьего рейха (Италией, вишистской Францией), так и странами, рассматривавшимися Берлином как важные партнеры (Турция, Саудовская Аравия).

Неслучайно через год после появления анализируемого выше документа Штеффен, сотрудник «штаба Гроббы» в МИД, в своей записке от 9 ноября 1942 г. пришел к заключению, что «вопрос о восстановлении халифата больше не является актуальным…»[7].

Необходимость учитывать позиции Италии, вишистской Франции, нейтральной Турции и других акторов заставляла немецкое руководство придерживаться крайне осторожной линии в отношении любых политических проектов в арабском мире, в том числе и проекта «Великой Сирии».

Тем не менее, поскольку начиная с лета 1941 г. немецкое командование планировало прорыв на Ближний Восток одновременно по двум направлениям, эту операцию необходимо было сопроводить соответ-

---

[5] BArchivP, AA. Nr. 611174. Bl. 1.

[6] Данные вопросы были предметом постоянных обсуждений, политических споров и интриг, в которых участвовали немецкие и итальянские дипломаты и политики, а также арабские националисты, сотрудничавшие со странами «оси». Иерусалимский муфтий аль-Хусейни, бывший премьер-министр Ирака аль-Гайлани и другие арабские лидеры ставили свое сотрудничество со странами «оси» в прямую зависимость от провозглашения Берлином и Римом декларации о независимости и признания за арабскими государствами права на создание единого государства.

[7] *Höpp G.* Der Koran als «Geheime Reichssache». Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945 // Gnosisforschung und Religionsgeschichte. Festschriften für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag. Hrsg. Holger Preißler und Hubert Seiwert. Marburg, 1994. S. 444.

ствующими пропагандистскими и политическими мероприятиями. Немецкий МИД снова возвращается к вопросу о «политической организации» арабского мира.

В начале 1942 г. Риббентроп поручил Фрицу Гроббе, «уполномоченному по арабским странам» в МИД, подробно изложить линию МИД в предстоящем «наступлении Германии в арабских странах»[1]. В одном из разделов подготовленной Ф. Гроббой записки, датированной 7 февраля 1942 г., называвшемся «новый порядок в арабских странах», немецкий дипломат представил планируемые политические преобразования: «Ирак, Саудовская Аравия, Йемен и Египет останутся независимыми странами. Сирия, Ливан, Палестина и Трансиордания будут объединены в одно государство — "Великая Сирия". Ирак и Великая Сирия могут создать единую федерацию. Все перечисленные арабские страны будут объединены союзом или системой союзных договоров. Свержение хашимитских правителей в Багдаде и Аммане. Ирак получает Кувейт, Ибн Сауд — Маан и Акабу, а также контроль над Оманом, морским побережьем и, возможно, над Хадрамаутом и Бахрейнскими островами»[2].

Интересно, что понятие «независимые» использовалось для описания Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Египта — государств, которые имели различную степень самоуправления перед войной, но не для Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании[3] — подмандатных территорий, находившихся до войны под прямым контролем Великобритании и Франции. В документе была подтверждена линия, состоявшая в готовности германского МИД поддержать территориальные притязания Ибн Сауда в отношении части территорий Трансиордании и небольших государств Аравийского полуострова, находившихся под контролем Великобритании. В этой же логике передела «британского наследства» на Ближнем Востоке планировалась передача Ираку Кувейта.

В записке заметно стремление Ф. Гроббы выстроить баланс между бывшим премьер-министром Ирака Рашидом Али аль-Гайлани и муфтием Амином аль-Хусейни (в том числе в отношении «Великой Сирии»): «Гайлани будет министром-президентом (премьер-министром) и в данном случае — главой Ирака, но в вопросах Великой Сирии бу-

---

[1] *Eichholtz D.* Krieg um Öl. Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel 1938–1943. Leipzig, 2006.

[2] Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. М., 2011. С. 187.

[3] *Nicosia Francis R.* Nazi Germany and the Arab World. New York, 2015. P. 207.

дет привлекаться как советник. Великий Муфтий будет представителем и, если на это согласятся ведущие сирийские вожди, главой правительства Великой Сирии»[4]. Руководство германского МИД и военные, в частности Фельми, руководитель «Особого штаба Ф», видели в остром соперничестве между аль-Хусейни и аль-Гайлани серьезную проблему, которая затрудняла сотрудничество с ними[5]. Одновременно Ф. Гробба делал очередную попытку найти «modus vivendi» в отношениях Германии и Италии на Ближнем Востоке, в которых признаваемое «политическое главенство» Италии сочеталось бы с фактическим главенством Германии. Более того, Ф. Гробба допускал возможность участия Японии в решении арабских вопросов, «как только Япония выразит свое согласие на участие стран Оси в решении индийских вопросов»[6].

Планы политического переформатирования Ближнего Востока, разрабатывавшиеся в контексте готовившегося наступления в регионе, становятся менее актуальными к осени 1942 г. (после поражений итало-немецких войск в сражениях под Эль-Аламейном в июле и ноябре 1942 г. и на фоне тяжелых боев на Кавказе и под Сталинградом).

Уже в записке немецкого МИД от 17 июля 1942 г., в которой излагалась позиция по вопросу о «будущей организации арабского мира» двух ключевых арабских союзников Третьего рейха — аль-Хусейни и аль-Гайлани, отмечалось, что данный «вопрос не является в настоящее время таким острым, чтобы принимать по нему решение»[7]. Также в записке отмечалась необходимость до вступления в переговоры с арабскими лидерами обсудить отдельные аспекты этой проблемы с итальянцами, и вместе с тем признавалась несвоевременность этого обсуждения: «Как известно, итальянцы до сих пор относились к общеарабским идеям с большой сдержанностью. Время для того, чтобы этот вопрос с Италией окончательно решить, кажется, еще не пришло»[8].

Таким образом, в этом документе фактически повторялась точка зрения на «организацию» арабского мира, которая была преобладающей

---

[4] Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. М.: МФД, 2011. С. 187.

[5] *Шерстюков С. А.* «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха / под науч. ред. О. Ю. Курныкина. Барнаул, 2014. С. 133.

[6] Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. М.: МФД, 2011. С. 188.

[7] BArchivP, AA. F 13300. Bl. 5.

[8] Ibid.

в дипломатической переписке весной 1941 г. Отсутствие острой необходимости позволяло вернуться к неопределенной, не оформленной окончательно позиции относительно будущего арабского мира, форм политической организации региона, распределения власти и влияния в нем между Германией и Италией.

В подходах немецких дипломатов к проекту «Великой Сирии» проявились особенности, характерные для политического курса Третьего рейха в арабском мире в целом: масштаб замыслов и в то же время крайняя осторожность в их реализации, ожидание быстрого и значительного эффекта при сравнительно небольших усилиях. Немецкая пропаганда в регионе апеллировала к недавней истории, связанной для арабских стран не с обретением независимости после распада Османской империи, а установлением колониального господства Великобритании и Франции в форме системы мандатов. Германии, увидевшей в годы войны в арабах «естественных союзников» в борьбе против Великобритании, следовало разработать и предложить привлекательный проект политической организации арабского мира, который предусматривал бы (или, по крайней мере, допускал) создание, в той или иной форме, объединенного арабского государства. Этот проект должен был представлять альтернативу той системе политического господства, которую создали в регионе Великобритания и Франция. Обращение к травматичному для арабского мира опыту колониализма и заявка на альтернативность, эксплуатация надежды и страха станут важными лейтмотивами немецкой пропаганды в регионе. Претензии на альтернативность, выражавшиеся в пропаганде, сочетались в немецких проектах со стремлением воспользоваться опытом британской колониальной политики в регионе. Немецкие дипломаты, называвшие эмира Трансиордании Абдаллу «марионеткой Великобритании», тем не менее нередко признавали, что британцы, поддерживавшие (или даже инициировавшие) стремление Абдаллы к образованию «Великой Сирии», успешно продвигали свои интересы в регионе. И в случае с «Великой Сирией» задача формулировалась ими таким образом, чтобы, восприняв эту политическую конструкцию, поставить во главе нового государства не Абдаллу, а лидера, ориентированного на Германию. Впрочем, этот сценарий был предусмотрен и в отношении существовавших в регионе государств.

Немецкие дипломаты, формулировавшие и обсуждавшие разные варианты «нового порядка» в арабском мире, заходили в своем политическом воображении значительно дальше, чем в своей пропаганде и прак-

тических шагах. Одна из причин этого заключалась в том, что если в годы Первой мировой войны Великобритания и Франция, стремившиеся к разделу арабских провинций Османской империи, вели борьбу и договаривались в основном друг с другом (в меньшей степени — с Российской империей, а Великобритания также с шерифом Мекки Хусейном), то Германия в годы Второй мировой войны вынуждена была учитывать позиции и возможную реакцию значительно большего числа акторов. К началу Второй мировой войны все арабские государства находились в той или иной степени под влиянием или контролем европейских колониальных держав[1]. Уже одно это обстоятельство задавало рамки политики Третьего рейха в арабском мире, подтверждая в глазах немецких дипломатов и чиновников тезис о слабости, несамостоятельности и неустойчивости государств региона и об условности их границ. Хотя вопрос о влиянии расовой идеологии на политику Германии в арабском мире нуждается в дополнительном изучении, известно, что приверженцы национал-социалистической идеологии полагали, что арабы были не способны создать государство. Эта идея представляла собой доведенный до крайности европоцентристский тезис о неготовности различных неевропейских народов (в том числе арабов) к созданию собственной государственности, выдвинутый Великобританией и Францией после окончания Первой мировой войны для оправдания необходимости мандатной системы.

Несмотря на то что немецкие дипломаты и военные предлагали разные варианты конструирования политического пространства в арабском мире, сходств в их взглядах было гораздо больше, чем различий. Чаще всего это были не подробно разработанные планы, а скорее наброски, содержавшие сходный круг идей (выражавшихся в более или менее радикальной форме). Выстраиваемый ими нарратив предполагал существование факторов, умелое использование которых привело бы — почти с неизбежностью — к коллапсу Британской империи на Ближнем Востоке. Одни считали достаточным для этого активизацию Германии в арабском мире, другие — обращение к исламу (халифатистскому проекту), третьи — заявления о поддержке «Великой Сирии». Некоторые полагали, что успех Германии на Ближнем Востоке принесет выполнение всех перечисленных условий.

---

[1] *Nicosia Francis R.* Nazi Germany and the Arab World. New York, 2015. P. 1.

2. Радиопропаганда Третьего рейха в арабских странах в годы Второй мировой войны

В одном из своих выступлений, обращаясь к руководителям немецкого радио, министр просвещения и пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс назвал радио «самым современным и самым важным инструментом массового влияния, который существовал когда-либо»[1]. Однако национал-социалисты использовали пропагандистский потенциал радио не только внутри Германии, но и за ее пределами, в том числе на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В годы Второй мировой войны национал-социалистическая Германия осуществляла масштабную пропагандистскую кампанию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в рамках которой радиовещанию отводилась особая роль. Немецкие специалисты не сомневались, что для воздействия на «неграмотное и легко возбудимое население» Магриба радио было лучшим пропагандистским оружием[2]. Масштаб пропагандистских усилий Третьего рейха в арабском мире в определенной мере ставит под сомнение разделяемый многими исследователями тезис о периферийности ближневосточного направления в его политике.

Организация радиовещания Германии в арабском мире

Возможность организации радиовещания в арабском мире начала обсуждаться в германском МИД в начале 1938 г. «Как следует из доклада VII политического отдела, — отмечалось в записке немецкого дипломата Отто фон Хентига от 7 января 1938 г., — в настоящий момент обстоятельства для начала подобных радиотрансляций благоприятны. Арабский мир ждет, как мы знаем из многих журнальных публикаций и личных посещений, выступления с нашей стороны»[3].

С 1934 г. радиовещание в регионе на арабском языке осуществляла итальянская радиостанция «Бари»; 3 января 1938 г., не в последнюю очередь как ответ на итальянскую радиопропаганду, была запущена арабская служба Би-би-си[4].

---

1 *Welch D.* The Third Reich. Politics and Propaganda. Second Edition. London and New York, 2002. P. 38.

2 *Ageron Ch.-R.* Les Populations du Maghreb face a la propagande Allemande // Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1979. №. 114. P. 14.

3 Hentig's note, Berlin. Januery 7th, 1938 — K864 / K220349–50. URL: https://www.zmo.de/biblio/nachlass/intern/hoepp/int01_12/01_12_004.pdf.

4 *Issawi el F., Baumann G.* The BBC Arabic Service: Changing Political Mediascapes // Middle East Journal of Culture and Communication. 2010. № 3. P. 137.

С одной стороны, интенсивная радиопропаганда, которая велась британцами и итальянцами в арабском мире, подталкивала Берлин к тому, чтобы начать собственное радиовещание в арабских странах, с другой стороны, шедшая в то время итало-британская радиовойна заставляла немецких дипломатов быть крайне осторожными в планировании того, каким образом следует организовать собственное радиовещание. В упомянутом уже докладе речь шла о содержательном наполнении вещания на арабском языке и одновременно о его неуместности в данный момент: «Не говоря уже о дизайне программы, которая, в качестве простой трансляции новостей, скорее всего, будет немного суховатой, и чтобы увеличить ее привлекательность для арабской аудитории, было бы желательно, по примеру итальянцев, добавить в программу фрагменты арабской музыки. Следуя непосредственно за арабским вещанием англичан, наша трансляция имела бы ярко выраженную антианглийскую направленность и именно таким образом воспринималась бы в Англии»[5].

Хотя в докладе VII политического отдела предлагалось начать радиовещание на арабские страны, руководство МИД отвергло это предложение. В то же время по указанию министра народного просвещения и пропаганды Геббельса были предприняты предварительные шаги для начала радиовещания на арабском языке[6].

Представителям различных немецких ведомств, вовлеченным в арабские дела, в течение войны еще не раз придется делать сложный выбор между политической целесообразностью и пропагандистской эффективностью.

Пробный запуск трансляций передач на арабском языке из Германии состоялся в марте 1939 г., с 24 апреля радио Берлина начало транслировать регулярные вечерние выпуски новостей на арабском языке. С 9 мая 1941 г. начал вещание дополнительный секретный передатчик «Голос свободной Аравии». В конце 1941 г. было организовано вещание на арабском языке из Афин[7].

На протяжении 1940 и 1941 гг. происходили события, которые вовлекли Германию в активное противостояние на Ближнем Востоке

---

[5] Hentig's note, Berlin. Januery 7th, 1938 — K864 / K220349–50. URL: https://www.zmo.de/biblio/nachlass/intern/hoepp/int01_12/01_12_004.pdf.

[6] *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London; Toronto, 1966. P. 41.

[7] *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. P. 453.

и в Северной Африке. Хотя после разгрома Франции Гитлер дал гарантии правительству Виши о неприкосновенности французской колониальной империи в Северной Африке, именно после этих событий у Германии появились новые задачи и новые возможности для более масштабной пропагандистской работы на этих территориях. В частности радиостанции в Берлине и Париже начали трансляции на магрибских диалектах арабского и кабильском языке. Трансляции из Парижа должны были создать впечатление, что радиовещание осуществляется французами[1].

Прибытие в Северную Африку танкового корпуса Роммеля в начале 1941 г., антибританское восстание в Ираке, поднятое в мае 1941 г. иракским премьером Рашидом Али аль-Гайлани и получившее поддержку Берлина, а также немецкое вторжение на Балканы и нападение Германии на Советский Союз повысили для Берлина стратегическую значимость Ближнего Востока и Северной Африки — военные усилия Третьего рейха в этих регионах (пока довольно ограниченные) сопровождались масштабной пропагандистской деятельностью. Брошюры и радиопередачи были направлены на то, чтобы завоевать поддержку среди мусульман в тыловых районах немецких войск в Магрибе, а также способствовать распространению пораженческих настроений среди арабов и вместе с тем вызвать восстания за линией фронта союзников в Египте и на Ближнем Востоке[2].

5 мая 1941 г. Герхард Рюле, директор департамента радиополитики МИД, отправил Риббентропу записку, содержавшую оценку перспектив и целей немецкой радиопропаганды в арабском мире. Он ожидал, что радиовещание из Германии на арабском языке будет эффективным, поскольку в арабских странах за пределами Египта «были распространены симпатии к Германии и репутация фюрера высока»[3]. Г. Рюле сообщал, что арабоязычные радиопередачи из Германии транслировались в Ираке, Египете, Сирии, Палестине, Трансиордании, Саудовской Аравии, Йемене, Адене, эмиратах Персидского залива и странах Магриба. Он признавал, что «симпатии к Германии в Египте меньше, как и резонанс наших радиопередач. Однако несомненно, что содержание этих передач широко известно в египетских городах»[4].

---

1 *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London; Toronto, 1966. P. 41.
2 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 41.
3 *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. New Hawen, 2009. P. 62.
4 Ibid.

Агент «иностранной службы» РСХА в Багдаде сообщал в своей записке от 10 октября 1939 г. о том, какой эффект произвели в Ираке новости о победе Германии над Польшей и какую роль в этом сыграло радиовещание: «Люди понимают теперь английские уловки яснее и лучше, чем когда-либо прежде. Вследствие этого можно было наблюдать, какой энтузиазм вызвали у арабского населения стремительные победы немецких войск в Польше. Первые шесть дней это можно было отчетливо видеть; новости из Европы были услышаны с азартом и огромным напряжением, которое вряд ли можно было еще усилить. И здесь стало очевидно, какое огромное значение имеет для Германии радио. Даже лучшие английские выдумки не смогли затмить немецкие победы в сознании арабов»[5].

В то же время он с сожалением писал, что запрет Британии на радиовещание из Германии в Багдаде нанес непоправимый урон немецкой пропаганде: «…при достаточной сильной немецкой контрпропаганде английская не может распространяться, так как англичанину уже не верят так слепо, как раньше. Но сегодня эта ситуация могла измениться в неблагоприятную для нас сторону, так как немецкое радиовещание было прервано из-за запрета слушать радио в Багдаде. Уже 5 сентября полиция ходила из магазина в магазин и обращала внимание на этот запрет. Поэтому крайне прискорбно, что мы потеряли нашу последнюю позицию в арабском регионе, тем более что была прервана и передача немецких сообщений, которая является ценным противовесом новостям Хаваса и Рейтера»[6]. Французские власти в Сирии и Ливане также после начала войны конфисковали радиоприемники в кофейнях и общественных местах, чтобы «не дать собираться толпам людей для прослушивания немецко-арабских радиотрансляций»[7].

Зарубежная пропаганда не являлась прерогативой одного ведомства — помимо МИД и министерства народного просвещения и пропаганды к этой работе были подключены внешнеполитическая служба НСДАП, РСХА и структуры ОКВ. Как отметил исследователь Кристоф Маркс, несмотря на ее централизованный характер, нацистская радиополитика напоминала структуру власти Третьего рейха в целом, с присущими ей «организованным хаосом» и путаницей в отношении обязан-

---

[5] Российский государственный военный архив (Далее: РГВА). Ф. 500. 1938–1940. Оп. 4. Д. 489. Л. 31.

[6] Там же. Л. 32.

[7] *Freitag, U., Gershoni, I.* The Politics of Memory: Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. 2011. Jg. 37. S. 324.

ностей, из-за которых Мартин Брошат говорил об «институциональном лабиринте» (institutionelles Gestrüpp)[1]. Данная ситуация порождала межведомственную конкуренцию, но иногда подталкивала к сотрудничеству.

Редакции иностранного вещания были первыми подразделениями «беспроводной службы» (des Drahtlosen Dienstes) министерства пропаганды и просвещения. В апреле 1941 г. они в качестве «зональных редакций» вошли в состав имперской радиовещательной компании (Reichsrundfunkgesellschaft). В 1940 г. в рамках МИД по указанию Риббентропа был образован собственный отдел радиовещания (Abteilung Rundfunk), который частично предоставлял материал для вещания, а также участвовал в последующем контроле содержания трансляций[2].

Первые радиопередачи были подготовлены и выпущены небольшой группой переводчиков и спикеров под руководством арабиста Герхарда Ротта, который до 1941 г. являлся ведущим арабистом «восточной зоны». Немецким востоковедам, представленным в каждой из редакций, было поручено следить как за переводами, так и за выступавшими[3]. В годы Первой мировой войны многие известные немецкие ориенталисты являлись сотрудниками «Службы информации по Востоку», активно участвуя в немецкой пропаганде в восточных странах, с началом Второй мировой войны представители немецкого ориентализма также начали сотрудничать со структурами, осуществлявшими пропаганду в азиатских странах.

Не менее важной задачей для немецкой пропаганды являлось привлечение на службу выходцев из стран Востока, которые могли оказать неоценимую помощь в качестве переводчиков, радиоведущих, журналистов. В случае радиотрансляций роль спикера, который мог бы обратиться к публике на доступном и понятном ей языке, была особенно важна. Разработанная МИД в 1940 г. концепция радиовещания в арабском мире исходила из того, что в арабоязычных трансляциях из Германии «арабы должны говорить с арабами». С этой целью в передачах цитировались обзоры арабской прессы, а арабские националисты, на-

---

1 *Marx Ch.* «Dear Listeners in South Africa»: German Propaganda Broadcasts to South Africa, 1940–1941 // South African Historical Journal. 1992. Vol. 27, № 1. P. 149.

2 *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 455.

3 Ibid. S. 456.

ходившиеся в эмиграции в Германии, привлекались к сотрудничеству в качестве спикеров[4].

Самым известным спикером «Радио Берлина», обращавшимся с эмоциональными речами к жителям Ближнего Востока и Северной Африки, являлся Юнус Бахри — иракский националист и антиколониальный активист, который до 1939 г. был публицистом и диктором националистической «дворцовой радиостанции» короля Гази I[5]. Слова «привет, арабы, это Берлин» стали знаменитым позывным Юнуса Бахри[6].

Фриц Гробба, являвшийся до 1939 г. послом Германии в Ираке и организовавший незадолго до начала Второй мировой войны перелет Юнуса Бахри в Берлин, в своих воспоминаниях рассматривал его работу в качестве диктора «Радио Берлина» как весьма успешную: «Юнус Бахри не был образованным арабом и в качестве радиовещателя время от времени позволял себе использовать вульгарные или диалектные слова, что воспринималось образованными арабами как бестактность, но благодаря звучному голосу и суггестивно действующей манере говорить он в короткое время стал настолько популярным в арабском мире, что Би-би-си резко атаковало его в своих эфирах...»[7].

Известным спикером берлинского радио являлся также марокканец, салафитский мыслитель Мухаммад Таки ад-Дин аль-Хилали, защитивший диссертацию в Германии и преподававший арабский язык в Боннском университете.

Еще до его приезда в Германию Хилали высоко оценивал потенциал радио как важного средства массовой коммуникации и надеялся, что, создавая национальные радиостанции, мусульмане смогут использовать радио для продвижения антиколониальной повестки и исламской пропаганды[8].

---

[4] *Henßler Vera* «Das Werk des Propheten vollenden». Die Auslandspropaganda der Nationalisten in die arabisch-islamische Welt // Blätter des informationszentrums 3.welt. 2010. Nr. 320. S. 37.

[5] *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 458.

[6] *Rogan E.* The Arabs: A History. New York, 2011. P. 446.

[7] *Grobba F.* Die deutsche Ausnutzung der arabischen Eingeborenenbewegung im zweiten Weltkrieg // Foreign Military Manuscripts, National Archives: German Exploitation of Arab Nationalist Movements. 1957. S. 36–37.

[8] *Ryad U.* A. Salafi Student, Orientalist Scholarship, and Radio Berlin in Nazi Germany: Taqi al-Din al-Hilali and His Experiences in the West // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. NewYork, 2014. P. 129.

Став в 1939 г. диктором арабского радио Берлина, Хилали в своих выступлениях в основном говорил о Северной Африке, и критиковал колониальную политику Франции в Северной Африке. Помимо своих антифранцузских выступлений Хилали резко критиковал мусульман за их слабость в защите Палестины. В этих речах он использовал цитаты из Корана, связанные с обязанностью джихада в исламе[1]. В крайне полемической серии выступлений в июле 1939 г. под названием «Пророческое руководство, от которого мусульмане отказались» Хилали подверг резкой критике растущую французскую, британскую и еврейскую власть в мире. По его словам, «рог дьявола» снова вырос в мире, в то время как пророческие традиции исчезли из жизни мусульман. Государство джахилийи (доисламского невежества) пришло на смену этим традициям. Из-за их безразличия к джихаду жизнь мусульман стала более жалкой, чем смерть[2].

Исследователи по-разному оценивают характер сотрудничества арабских националистов с Германией в сфере пропаганды. По мнению американского историка Джефри Херфа, сотрудничество двух сторон «основывалось на сочетании уже упомянутых общих интересов, а также общих идеологических пристрастий»[3]. Как полагает данный исследователь, «в радиотрансляциях отражалось культурное слияние и встреча национал-социалистической идеологии с определенными нитями арабского национализма и религиозных исламских традиций»[4]. Однако немецкий историк Ханс Гольденбаум рассматривает это сотрудничество под иным углом зрения. Он подчеркивает, что арабские эмигранты являлись сотрудниками, а не партнерами руководящих кадров немецкого пропагандистского аппарата. Сотрудники страновых отделений «восточной зоны», занимая последнее место в институциональной иерархии, по его мнению, отвечали не за разработку и форму, а только за непосредственное осуществление пропагандистского вещания[5]. Известные и относительно влиятельные

---

1 *Ryad U.* A. Salafi Student, Orientalist Scholarship, and Radio Berlin in Nazi Germany: Taqi al-Din al-Hilali and His Experiences in the West // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. NewYork, 2014. P. 136–137.

2 Ibid. P. 137.

3 *Herf J.* Hitlers Dschihad. Nationalsozialistische Rundfunkpropaganda für Nordafrika und den Nahen Osten // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2010. № 58 (2). S. 263.

4 Ibid.

5 *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 461.

эмигранты и коллаборационисты Махаммад Амин аль-Хусейни и Рашид Али аль-Гайлани, которым Д. Херф и ряд других авторов приписывали большое значение и даже руководящие функции в немецкой зарубежной пропаганде, по мнению Х. Гольденбаума, не имели прямого влияния на радиопропаганду[6]. Значительная часть арабских националистов, сотрудничавших с национал-социалистами (в том числе в сфере пропаганды), стремилась использовать это сотрудничество для продвижения собственной антиколониальной повестки. Пространство для проведения собственной политической линии не могло быть широким, в то же время арабские сотрудники не являлись простыми винтиками немецкой пропагандистской машины. Так, в ходе радиовещания некоторые арабские дикторы допускали собственные комментарии (подобные комментарии, в частности, стали одной из причин временного отстранения Юнуса Бахри от работы), предлагали материалы и темы для пропаганды. Мухаммад Амин аль-Хусейни в ряде случаев участвовал в обсуждении тем, предназначавшихся как для печатной пропаганды, так и для радиотрансляций.

Инфраструктура зарубежного радиовещания укреплялась по мере разрастания военного конфликта и первых успехов Германии в рамках стратегии «блицкрига», что давало возможность не только для покрытия вещанием новых географических зон, но и для интенсификации самого радиовещания. Начиная с 15 ноября 1939 г. немецкие радиостанции выпускали три ежедневных информационных бюллетеня. С 1940 г. они увеличили количество передач на арабском языке, доведя их до пяти ежедневных выпусков[7].

Кроме того, немецкие радиостанции каждый день транслировали семь пятнадцатиминутных радиопередач на турецком языке: четыре из Берлина и по одной из Бухареста, Софии и Тираны (Албания). В дополнение к новостям их программы предлагали музыку и развлечения для турецкой аудитории. Нейтральный статус Турции до февраля 1945 г. использовался Германией для пропаганды не только в самой Турции, но и на всем Ближнем Востоке. Из Анкары и Стамбула немецкие агенты проникали в арабские страны, и информация из этих стран передавалась в Берлин[8].

---

6 Ibid. S. 460.

7 *Fabel S.* La Politica Maghrebina del Terzo Reich. Parma, 1989. P. 42.

8 *Arsenian S.* Wartime Propaganda in the Middle East // Middle East Journal. 1948. Vol. 2, № 4. P. 425–427.

Содержание трансляций

Из всех арабских государств, возникших на обломках Османской империи к началу Второй мировой войны, только Саудовская Аравия обладала реальной независимостью. Поэтому антиколониализм становится одним из основных элементов немецкой пропаганды в арабском мире, а национал-социалистическая Германия была представлена в немецкой пропаганде в арабо-мусульманском мире как антиколониалистская держава, которая вынуждена требовать во имя равенства прав реституции ее похищенных колоний[1].

В директиве ОКВ № 30 от 23 мая 1941 г. уточнялось то, что должно было стать лейтмотивом немецкой пропаганды на Ближнем Востоке: «Победа Оси принесет освобождение и суверенитет странам Ближнего Востока, которые страдают от британского ига. Кто любит свободу, тот присоединяется к антибританскому фронту». В то же время Гитлер добавил: «Мы не должны вести пропаганду против позиции Франции в Сирии»[2].

В радиопередачах из Германии, обращенных к мусульманскому населению стран Магриба, снова и снова повторялось, что французский колониализм привел к порабощению мусульманского населения и что мусульманам необходимо отказаться от войны, которая их не касается: «Мы спрашиваем вас, как мусульмане могут помогать Франции, в то время как она не предоставляет им никаких прав и считает их неполноценными людьми?»[3].

В конце мая 1940 г. — в период, когда немецкие войска продвигались к Парижу, — арабское радио в Берлине объявило о триумфе немцев, которые пришли отомстить за северо-африканцев и покончить с французскими империалистами. «Скоро вы больше не будете слышать о Франции», — восклицали радиоведущие с невероятной экспрессией: «Франция забыта! Дорогие магрибские братья, скажите себе: будь проклят этот народ! Пусть Бог проклянет его здесь и в другом мире!»[4].

В радиопередачах этого периода настойчиво проводилась идея о том, что у мусульман французских колоний в Северной Африке нет причин для сохранения лояльности Франции. «Что оправдает так называемую лояльность магрибцев, это плачевное состояние населения? — говори-

---

1 *Ageron Ch.-R.* Les Populations du Maghreb face a la propagande Allemande // Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1979. № 114. P. 2.

2 Ibid. P. 8.

3 Ibid. P. 15.

4 Ibid. P. 17.

лось в трансляции 24 января 1940 г. — (...) В Алжире местные жители сталкиваются с вымогательством налоговых органов. Они недоедают уже больше века. Образование дается им по капле. Если некоторые гордые души хотят освободиться от французского гнета, они быстро изолируются (...). Это царство лести, нужно лизать сапоги мистера француза только потому, что он француз и что у него есть пулеметы и пушки. Ни один алжирец не любит Францию»[5].

После поражения Франции критика французской колониальной власти была продолжена, в том числе при помощи коротковолнового передатчика «Париж-Мондиаль», который попал под контроль Германии 20 июля 1940 г.[6] «Справедливость восстановлена, — объявил спикер в день ввода в эксплуатацию «Париж-Мондиаль», — теперь можно услышать голоса мусульман, которые Франция задушила в Северной Африке, из столицы Парижа»[7].

Успехи Германии в Европе произвели большое впечатление в арабском мире и повысили восприимчивость арабской публики к немецкой пропаганде на Ближнем Востоке. Французскому авторитету в Северной Африке был нанесен смертельный удар после разгрома Франции нацистской Германией в начале Второй мировой войны[8]. Националистические движения в Тунисе, Алжире и Марокко были воодушевлены проявлением французской слабости[9].

Великобритания, стремившаяся сохранить свою империю на Ближнем Востоке, с началом Второй мировой войны оказалась в крайне уязвимом положении. Уступки, на которые шли британцы под давлением националистических движений в Ираке, Палестине и Египте, после начала войны были обесценены — британцам нужен был полный контроль над арабскими странами, а арабским националистам — полная независимость. Немецкая и итальянская пропаганда убеждали арабов, что именно начавшаяся война (и победа стран Оси в ней, представляв-

---

[5] *Ageron Ch.-R.* Les Populations du Maghreb face a la propagande Allemande // Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1979. № 114. P. 15.

[6] Ibid. P. 18.

[7] Ibid.

[8] *Rogan E.* The Arabs: A History. New York, 2011. P. 471.

[9] Хотя настроения тунисцев в годы режима Виши менялись, поражение Франции в июне 1940 г. было встречено большинством их радостно. Во время религиозных праздников можно было услышать: «Всевышний послал немцев, чтобы отомстить французам! Да будет проклят этот народ! Прокляни его Аллах на этом свете и на том!» (*Ланда Р. Г.* История Туниса. XX век. М. 2017. С. 79).

шаяся неизбежной) дает арабским странам возможность для обретения независимости, которой они должны воспользоваться.

В значительной степени пропаганда Германии в арабском мире представляла собой ответ (прямой или завуалированный) на пропаганду Великобритании и США. В одном из немецких документов предлагалось в качестве ответа на листовки, в которых «демонстрировались мощь Британии и ее оружия, а также американские заводы и их производство», распространить «картинки, иллюстрирующие, как сырье и богатства, которые были доступны британцам и американцам, теперь вырваны из их рук и перешли под контроль стран "оси" после их побед в России и потери британского влияния в Европе и вследствие японских побед на Дальнем Востоке»[1].

Примечательно, что в этом же документе речь шла о том, что Германия в своей пропаганде в арабском мире не должна ограничиваться опровержением британцев и их союзников или «демонстрацией их преступного насилия в отношении арабов и мусульман, а должна, напротив, обращаться к арабам и мусульманам с позитивными идеями. Она прославляет блестящие дела арабов и подчеркивает их великую историю и их духовные качества. Ей необходимо показать, насколько немцы искренне заботятся о них и стремятся осуществить их надежды, короче, как они во всем благосклонны к ним»[2].

Постоянным мотивом немецкой пропаганды являлось утверждение о слабости британцев и надвигающемся коллапсе Британской империи. Оно использовалось и для того, чтобы убедить арабов в неизбежности победы Германии и призвать их к восстанию против англичан. Немецкая пропаганда также утверждала, что британское господство в арабском мире может смениться господством американцев, большевиков или евреев (в зависимости от контекста акцент мог делаться на одном из образов врага, часто использовался троп еврейско-большевистского или американо-еврейского врага).

Пропаганда Третьего рейха в ее радиотрансляциях на арабский мир не жалела красок для описания злодеяний британцев и французов в колониях и подмандатных территориях, обвиняя их в эксплуатации, репрессиях и терроре, а также в повышении цен и проблемах в снабжении. Одновременно подчеркивалось презрение империалистов и колонизаторов к культуре, традиции и религии местных жителей, которому про-

[1] BArchivP, AA. FC 15451, Bl. 297998.
[2] Ibid.

тивопоставлялось «естественное» уважительное отношение немецкой стороны к «арабизму» и исламу[3].

В передачах неоднократно указывалось на не выполненные Великобританией обещания в отношении арабского движения за независимость. В связи с Декларацией Бальфура 1917 г., в которой Великобритания поддержала создание «еврейского национального дома» в Палестине, соглашение Сайкса — Пико снова и снова обсуждалось нацистской пропагандой как «английское мошенничество в отношении арабов»[4].

В радиотрансляциях из Германии жесткой критике подвергались арабские националисты и лидеры, сотрудничавшие с британцами или являвшиеся их союзниками. Они изображались в качестве «коллаборационистов», «предателей», «врагов арабов», «лакеев англичан и евреев»[5] и противопоставлялись арабским борцам за свободу. Критические выпады в основном были обращены против Фахри ан-Нашашиби (противника Амина аль-Хусейни) в Палестине, Нури ас-Саида в Ираке и Абд ар-Рахмана Шахбендера в Сирии, а также против таких правителей, как король Абдалла в Иордании и иракский принц-регент Абд аль-Илах[6]. Они наделялись отрицательными и унизительными эпитетами: «доктор Шахбандар, слуга и спекулянт англичан», «Абдалла, слуга евреев», «равви Абдалла», «Фахри ан-Нашасиби, хвост эмира Абдаллы», «сэр Нури Баша», которые должны были вызвать ассоциации с османским или британским деспотизмом или еврейско-сионистским врагом[7].

Немецкая пропаганда инвестировала значительные усилия в создание и популяризацию образов арабских союзников Третьего рейха, и прежде всего наиболее известного из них — Мухаммада Амина аль-Хусейни. Представленный как «Великий муфтий», бывший муфтий Иерусалима Хусейни с самого начала изображался немецкой пропагандой в качестве безупречного представителя антиколониальных устремлений и «арабского дела». После начала британо-иракской войны в мае

---

[3] *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 467.

[4] *Henßler Vera.* «Das Werk des Propheten vollenden». Die Auslandspropaganda der Nationalisten in die arabisch-islamische Welt // Blätter des informationszentrums 3.welt. 2010. Nr. 320. S. 37.

[5] *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 467. S. 470.

[6] Ibid.

[7] Ibid.

1941 г. радио «Берлин» даже сообщило, что борьба с Англией была организована по всему региону «под руководством Великого муфтия» и его призывы будут вдохновлять иракский народ[1].

Иракский премьер-министр Рашид аль-Гайлани также относился к тем арабским политикам, чей героический образ «борца за свободу» выстраивала немецкая пропаганда. Гайлани, возглавлявший антибританский путч во время британо-иракской войны, в радиотрансляциях из Берлина прославлялся как «немецкий Бисмарк», который добьется арабского единства[2].

После подавления антибританского восстания в Ираке и Хусейни, и Гайлани оказались в Берлине, где начали сотрудничать с немецкими пропагандистскими структурами. Выступления муфтия и Гайлани по радио, их статьи и изображения стали постоянным элементом немецкой пропаганды в арабском мире. В одной из радиотрансляций из Берлина весной 1942 г. спикер заявил, что «арабам необходимо будет осознать их силу. Во времена, предшествовавшие исламу, они были разобщены. Когда Мухаммад объединил их, они победили персов, римлян и евреев, так и теперь могут победить англичан, русских и американцев. Во главе их встали бы их великие вожди, Муфтий и Рашид Али, которые постоянно обменивались поздравлениями с Гитлером и Муссолини. Они продолжают бороться за арабскую свободу и часто обсуждают будущее арабских стран с лидерами Оси»[3].

Как известно, антисемитизм являлся одним из основополагающих элементов идеологии национал-социализма, а антисемитская пропаганда — одним из главных способов канализации эмоций ненависти, агрессии и страха. Антисемитская пропаганда в арабском мире, безусловно, имела ряд специфических черт, в то же время она использовала приемы и механизмы, апробированные национал-социалистической пропагандой внутри Германии. Для немецкой пропаганды в арабском мире важен был как антиеврейский, так и антисионистский дискурс.

Гитлер периодически упоминал в своих речах борьбу арабов в Палестине еще до начала Второй мировой войны, после начала войны палестинский вопрос занял одно из центральных мест в немецкой про-

---

1 *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 468.

2 Ibid.

3 *Herf J.* Hitlers Dschihad. Nationalsozialistische Rundfunkpropaganda für Nordafrika und den Nahen Osten // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2010. № 58 (2). S. 268.

паганде в арабском мире. Антиколониальная критика в данном случае переплеталась с антисионистской риторикой. Обращаясь к проблеме образования еврейского государства в Палестине, немецкая пропаганда охотно использовала теорию заговора. Палестинская проблема служила для иллюстрации единства арабов, с одной стороны, и тесного взаимодействия их противников — британцев и евреев, с другой. Одна из самых часто упоминаемых угроз в радиотрансляциях из Германии на арабские страны — угроза создания «еврейской империи» на Ближнем Востоке, что должно было иметь для арабов самые тяжелые последствия. «Известно, что Белый дом полон евреев», — утверждал спикер в радиотрансляции в 1942 г., — и большинство заметных представителей союзников на Ближнем Востоке являются евреями. Евреев олицетворял Вейцман, стремившийся к престолу Палестины, который твердо решил, что Палестина, Сирия и Трансиордания будут объединены в чисто еврейский центр, который будет доминировать над всем Ближним Востоком и, в конце концов, миром. В этом Вейцман поддерживается Америкой, а Британия должна была, нравится ей это или нет, подчиняться, потому что теперь она слишком слаба, чтобы протестовать против этого. Арабы, которые теперь отдают свои земли и состояние жадным еврейским поселенцам в Палестине и лишены свободы британцами, были бы депортированы в земли голода и нищеты, еще более бесплодные, чем те, к которым они привыкли в Палестине. «Уже 700 000 евреев было разрешено оккупировать Сирию, и 500 000 вскоре будут доставлены в Палестину»[4].

Еврейское население различных арабских государств, как и еврейское население европейских государств, описывалось в немецкой пропаганде как враждебная и опасная группа, как нелояльный элемент внутри этих стран[5]. Образ, который возникал в сообщениях о евреях, связывал их прежде всего с несправедливо присвоенным богатством и предательством национального сообщества[6]. 7 июля 1943 г., когда Африканский корпус генерала Эрвина Роммеля вторгся в Египет, радиостанция «Голос свободного арабизма» сообщила о том, что большое количество евреев (а также ряд поляков, греков, армян и «свободных французов»),

---

4 *Herf J.* Hitlers Dschihad. Nationalsozialistische Rundfunkpropaganda für Nordafrika und den Nahen Osten // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2010. № 58 (2). S. 269.

5 *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 473.

6 Ibid. S. 472.

живущих в Египте, получили от британских властей оружие и боеприпасы. Поскольку, как утверждал радиоведущий, «они вооружены Великобританией, чтобы убить арабов и спасти Британскую империю», он призывал не только египтян, но арабов из других стран к убийству евреев: «Долг египтян состоит в том, чтобы уничтожить евреев и разрушить их имущество. Египет никогда не забудет, что именно евреи являются проводниками империалистической политики Великобритании в арабских странах и что они являются источником всех бедствий, которые пришли в страны Востока»[1]. Призыв к убийству евреев легитимировался и через обращение к исламу.

Перед нацистской пропагандой, пытавшейся выработать наиболее действенные способы воздействия на общественное мнение в странах арабского мира, возникало множество проблем. Каким языкам отдать предпочтение — «литературному» арабскому или диалектам? Стоит ли затрагивать в пропаганде в арабском мире расовую теорию? Как вести антисемитскую пропаганду и при этом не вызвать подозрения в арабском мире в том, что политика дискриминации будет распространена на арабов? Как перевести нацистскую пропаганду на язык, доступный и понятный в других социальных, культурных и политических условиях?

Многие клише антисемитской и антисионистской пропаганды Третьего рейха (о стремлении «международного еврейства» к мировому господству, о еврейских заговорах, о евреях как внутреннем «другом», о развязывании евреями мировой войны, о евреях как источнике всех бед), которые широко использовались в пропаганде внутри страны, транслировались также и в арабском мире.

Пропаганда Германии строилась на поддержании и культивировании среди арабов одновременно надежд и опасений. После разгрома 8-й британской армией Монтгомери в сражении под Эль-Аламейном войск Африканского корпуса Роммеля и последовавшего за этим быстрого сокращения германского военного присутствия в регионе в немецкой пропаганде в арабском мире акцент все очевиднее стал смещаться в сторону целенаправленного культивирования страха. Немецкой пропагандой транслировалась идея о том, что поражение стран «оси» приведет не только к еще большему порабощению арабского мира, но и к физическому уничтожению арабов и мусульман в других странах.

---

[1] *Herf J.* Hitlers Dschihad. Nationalsozialistische Rundfunkpropaganda für Nordafrika und den Nahen Osten // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2010. № 58 (2). S. 274.

Нарастающая активизации США в арабском мире и высадка англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 года привели к тому, что Соединенные Штаты все чаще становились объектом атак для немецкой пропаганды. США не имели колоний на Ближнем Востоке и в Северной Африке и выступали в качестве нового игрока в регионе, не отягощенного негативным историческим опытом взаимодействия с арабо-мусульманским миром. Возможно, поэтому нацистская пропаганда в арабском мире, направленная против США, выстраивалась в основном через топосы антисемитизма и антисионизма. Амин аль-Хусейни, обращаясь 26 ноября 1942 г. по радио к арабской аудитории, заявил, что «американская интервенция в Северной Африке усиливает власть евреев, увеличивает их влияние и удваивает их злодеяния. Америка самый большой агент евреев, а евреи являются правителями в Америке»[2].

Директива Имперской службы прессы от 26 февраля 1943 г. информировала редакторов о растущем американском влиянии в Ираке, Сирии и Саудовской Аравии и планах по созданию «большого еврейского государства в Палестине под американским руководством». Редакторам настоятельно рекомендовали помнить, что американцы (в отличие от англичан, которые были обеспокоены исламом в колониальной Индии) не сталкивались с необходимостью «принимать во внимание исламских подданных»[3]. Американцы поэтому «представляют исключительно интересы евреев в Азии»[4]. Они стремятся эксплуатировать богатства региона и «поработить местное население, что соответствует их враждебности по отношению к исламу как религии… Подчеркивая враждебность Соединенных Штатов по отношению к исламу, являющуюся следствием еврейского господства, мы не должны создавать впечатление, что английское господство на Ближнем Востоке было бы лучше американского»[5].

Нападение Германии на СССР и оккупация немецкими войсками советских территорий, на которых проживали мусульмане, ввод советских войск в Иран в 1941 г., формирование антигитлеровской коалиции с участием СССР, наличие в арабских странах левых сил и советская пропаганда на Ближнем Востоке стали теми факторами, которые (кроме собственно идеологических причин) способствовали фокуси-

---

[2] *Herf J.* The Jewish Enemy: Nazi Propaganda During World War II and the Holocaust. Cambridge, 2006. P. 174.
[3] Ibid. P. 198.
[4] Ibid.
[5] Ibid.

рованию различных немецких структур на антисоветской и антикоммунистической пропаганде.

Ввод советских и британских войск в Иран интерпретировался немецкой пропагандой как начало «большевизации» исламских стран. «Исламу угрожает большевизм. Советско-английское вторжение в Иран показывает, что Англия готова оставить арабские страны для большевизации. Даже если британцы однажды покинут оккупированные территории, маловероятно, что Советы уйдут добровольно, однако советское правление означает борьбу с исламом»[1].

Немецкая пропаганда целенаправленно осуществляла демонизацию евреев, в то же время демонизации подвергались коммунизм как идеология и политическая практика, а также антирелигиозный советский режим. Поскольку коммунизм рассматривался как «изобретение евреев», а власть большевиков как еврейская власть, по сути, антикоммунистическая пропаганда тесно переплеталась с антисемитской. Коммунизм конструировался в качестве самостоятельной угрозы для ислама и арабов и вместе с тем как одно из проявлений глобальной угрозы «мирового еврейства».

В конце сообщения, подготовленного в октябре 1941 г., в котором большевизм подвергался всесторонней критике («Большевизм, смертельный враг религии, является самой разрушительной системой, которую когда-либо знал человек… Большевизм как система правления означает тиранию и угнетение. Большевизм как экономическая система означает уничтожение собственности и имущества… Большевизм как общественный строй подавляет всякую свободу. Он убивает дух соперничества, разрушает дом и семью и унижает положение женщины…»[2]), следовало утверждение, что с большевизмом борется весь мир и что «мусульмане несут особую ответственность в борьбе с этой чумой, которая надеется сегодня легко найти себе дорогу»[3].

Акцент в критике большевизма на том, что он угрожает исламу и всем ценностям и нормам жизни мусульман, позволял формулировать тезис, согласно которому «арабские народы исходя из их религиозной принадлежности являются врагами большевизма», а Германия является единственной страной, которая в состоянии устранить опасность большевизма[4]. В радиотрансляциях из Германии подчеркивалось, что в не-

---

1 BArchivP. AA, F 17598, Bl. 482041.
2 Ibid. Bl. 482043.
3 Ibid.
4 Ibid. F 4925. Bl. 390752.

мецкой армии было много мусульманских добровольцев, сражающихся со «страшными большевиками»[5].

Проникновение коммунизма в мусульманский мир уподоблялось «проникновению в организм разрушительных бактерий эпидемического заболевания, бактерий, которые разрушают организм до того, как их можно будет уничтожить»[6].

Нацистский режим в ходе противостояния с Францией, Великобританией и Советским Союзом стремился инструментализировать ислам, а исламский (или, часто, псевдоисламский) дискурс являлся такой же составляющей немецкой пропаганды как антиеврейский, антисионистский, анитиколониальный, националистический и антикоммунистический дискурсы. Несмотря на широкое обращение немецкой пропаганды к исламу, исламским понятиям, образам и символам, это обращение было избирательным и являлось предметом обсуждения в германских политико-дипломатических кругах на протяжении почти всей войны. Герхард Рюле предлагал в 1941 г. организовать трансляцию серии лекций на религиознгые темы, «в которых посредством пропаганды ислама будет повышен интерес к трансляциям»[7]. В то же время он утверждал, что немецкие передачи должны уделять больше внимания светской борьбе за независимость от Британии, чем религиозным призывам. Провозглашение священной войны, полагал он, распространяемое по радио из Германии, «имело бы незначительное воздействие»; несмотря на религиозность арабских низших и средних слоев, такой подход «не привел бы арабское пространство в движение»[8]. В действительности, однако, в последующие годы грань между светскими и религиозными призывами стала неразличимой[9].

Немецкий дипломат и ориенталист Курт Прюфер, имевший большой опыт работы на Ближнем Востоке, в письме от 13 декабря 1943 г. указывал на два основных направления пропаганды против СССР на Ближнем Востоке: «…следует вести усиленную пропаганду в том направлении, чтобы народам Переднего Востока, включая Турцию, стало ясно на примере Балкан, что Советская Россия, как раньше царизм, не стремится ни к каким другим целям, кроме империалистических, направленным

---

5 *Arsenian S.* Wartime Propaganda in the Middle East // Middle East Journal. 1948. Vol. 2, № 4. P. 420.

6 BArchivP. AA, F 17598, Bl. 482047.

7 *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. New Hawen, 2009. P. 63.

8 Ibid.

9 Ibid.

на проникновение во все восточные и балканские страны. Во-вторых, особенно следует сказать арабам, которые, в отличие от турок и до некоторой степени персов, все еще придерживаются ислама, что большевизация их стран будет означать уничтожение их религии. Я прекрасно знаю, что мы неохотно играем на мусульманском инструменте, но в данном случае мне кажется, что это необходимо. В качестве примера антиисламской позиции большевизма наряду с известными всем враждебными действиями большевиков в отношении религии можно было указать на их политику по отношению к мусульманским кавказским народам»[1].

Представление СССР и в качестве империалистической, и в качестве враждебной исламу державы стали лейтмотивом немецкой пропаганды в арабском мире. Сообщения о преследованиях мусульман в СССР и уничтожении мечетей, а также о советских репрессиях в Иране должны были продемонстрировать арабам, какую опасность для них и их религии представляет коммунизм и советский режим. С другой стороны, заметную роль в нацистской пропаганде, распространявшей в регионе политизированную версию ислама[2], играли сравнения национал-социализма и ислама. В арабских радиопередачах из Германии ислам всегда изображался как равный национал-социализму, поскольку, как утверждалось в них, для обоих учений была характерна приверженность послушанию, сообществу и общественной пользе, а не индивидуализму и эгоизму[3]. Впрочем, подобные сравнения, как и очевидная эксплуатация религии немецкой пропагандой, оскорбляли многих верующих[4][5].

Инструментов и возможностей для измерения динамики общественных настроений в арабских странах в годы войны не было — однако противостоящие стороны уделяли значительное внимание тому, что-

---

1 BArchivP. AA, 4518 FC. Bl. 398860.

2 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 76.

3 *Henßler Vera*. «Das Werk des Propheten vollenden». Die Auslandspropaganda der Nationalisten in die arabisch-islamische Welt // Blätter des informationszentrums 3.welt. 2010. Nr. 320. S. 38.

4 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 108.

5 Исследователь И. Гершони, комментируя термин «исламофашизм», который в последнее время стал частью академического и псевдоакадемического дискурсов, отметил, что в 1930-е гг. и во время Второй мировой войны этот термин был совершенно чужд мусульманским интеллектуалам в Египте и на арабском Ближнем Востоке. «Для большинства арабских интеллектуалов и публицистов, — продолжает он, — которые представляли исламскую мысль или исламские движения, было немыслимо соединение эти двух совершенно разных доктрин и образов жизни. Любая попытка гармонизировать ислам и фашизм, не говоря уже о самом термине «исламофашизм» или «фашистский ислам», была бы предана анафеме» (*Gershoni I.* Why the Muslims Must Fight against Nazi Germany: Muhammad Najâtî Sidqfs Plea // Die Welt des Islams. 2012. 52. P. 472*)*.

бы понять, какой отклик вызывает их пропаганда и пропаганда их противников в арабских странах. Так, Вальтер Шелленберг, начальник VI управления РСХА, в своем докладе от 21 декабря 1942 г. высоко оценивал влияние немецкой радиопропаганды в Палестине: «У арабов непоколебимая вера в то, что немцы победят. Немецкие коротковолновые передачи слушаются только небольшим количеством людей. Но их содержание скоро распространяется среди арабов. Оно преувеличено и украшено в восточной манере до такой степени, что оригинальный текст едва ли можно распознать»[6]. Герхард Рюле также сообщал в своей записке, что содержание радиопередач из Германии «в течение короткого времени широко распространялось» в Ираке и Сирии, что являлось результатом «сильного интереса к Германии и фанатичного восхищения фюрером»[7]. Подобные сообщения нельзя игнорировать, даже если учесть, что за ними часто стояло желание преувеличить успехи собственной пропаганды. Впрочем, существуют многочисленные подтверждения того, что союзники придавали самое серьезное значение радиопропаганде нацисткой Германии в арабском мире, признавая ее успехи. Так, американский посол в Египте Александр Кирк в записке от 29 мая 1941 г. для государственного секретаря писал о пораженческих разговорах и о «про-осевой» пропаганде внутри Египта, «исходящей как из внешних колониальных источников, так и из определенных элементов египетского населения, включая турецкую аристократию и высокопоставленных чиновников». По свидетельству А. Кирка, британцы «подчеркивают значительный эффект радиопередач на арабском языке из Бари и Берлина, особенно последних, которые признаются гораздо более эффективными, чем британские радиопередачи для ближневосточных слушателей, отчасти из-за манеры изложения, но в большей степени из-за того, что пропагандисты Оси имеют больше возможностей для игры на местных предрассудках, таких как антибританские и антиеврейские чувства, а также имеют полную свободу в том, чтобы давать самые экстравагантные обещания, независимо от их намерения или способности выполнить их»[8].

---

[6] Цит по: *Mallmann K.-M. and Cüppers M.* «Elimination of the Jewish National Home in Palestine»: The Einsatzkommando of the Panzer Army Africa, 1942 // Yad Vashem Studies. 2007. № 35 (1). P.18.

[7] *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. New Hawen, 2009. P. 62.

[8] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, Cairo, May 29, 1941 // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. The British Commonwealth; the Near East and Africa. Vol. III. Washington, 1941. P. 276.

Большинство исследователей признают, что пропагандистские послания нацистской Германии встречали разнообразные отклики в различных арабских странах и в разных сегментах общества этих стран.

Радиотрансляции нацистской Германии с их агрессивным тоном, вульгарным языком и насильственным контентом были направлены в основном на необразованные слои общества. Вместе с тем отмеченные особенности нацистских радиопрограмм, вероятно, делали их менее привлекательными для образованных слоев, владевших большинством радиоприемников, и даже для слушателей в городских кофейнях[1]. Уважение (иногда декларируемое) Берлина к имперским интересам Италии, вишистской Франции и франкистской Испании на Ближнем Востоке и в Северной Африке приводило к тому, что немецкая пропаганда — как печатная, так и радиовещательная — часто обходила острые вопросы, связанные с колониальным господством этих стран, что не осталось незамеченным в арабском мире[2].

Арабское вещание Германии сталкивалось с рядом объективных трудностей — как технических, организационных, так и содержательных. Даже в Германии, где национал-социалистический режим полностью контролировал пространство публичных коммуникаций, радиотрансляции не всегда оказывали желаемое воздействие на общественное мнение. В арабском мире немецкие радиостанции конкурировали за внимание публики с радиостанциями других стран. Кроме того, большинство коротковолновых радиостанций в Палестине и многие в Марокко, Алжире, Египте и Ираке принадлежали евреям или солдатам союзников, которые вряд ли с симпатией относились к немецкой пропаганде[3].

В случае с трансляциями на арабском языке постоянно существовала проблема перевода, которая не сводилась к необходимости адекватного перевода слов, но следовало сделать доступным и понятным для арабских масс идейный контент. При обращении к восточной аудитории невозможно было апеллировать к тому же общему фону истории, культуры и религии, что в христианской Европе и Новом Свете[4]. В какой-то мере эта проблема решалась путем привлечения к пропагандистской рабо-

---

1 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 107.
2 Ibid. P. 108.
3 *Freitag, U., Gershoni, I.* The Politics of Memory: Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. 2011. Jg. 37. S. 324.
4 *Barbour N.* Broadcasting to the Arab World: Arabic Transmissions from the B. B. C. and Other Non-Arab Stations // Middle East Journal. 1951. Vol. 5, № 1. P. 66.

те выходцев из стран Востока. Однако привлечение к сотрудничеству арабских эмигрантов в Германии, нередко преследовавших собственные интересы и постоянно конфликтовавших друг с другом, часто порождало новые проблемы.

3. Пропаганда Германии в отношении мусульманских солдат Великобритании и Франции

В британских и французских военных формированиях, с которыми столкнулся вермахт после начала Второй мировой войны, служили десятки тысяч мусульман. После победы Германии над Францией в немецком плену оказалось от 90 до 100 тысяч солдат — выходцев из французских колоний (примерно 65 тысяч «североафриканцев» и от 16 до 20 тысяч «западноафриканцев»), в подавляющем большинстве — мусульман[5].

В годы Первой мировой войны немцы в союзе с османами вели интенсивную пропаганду, направленную на колониальные военные формирования стран Антанты, а также создали два специальных лагеря для мусульманских военнопленных на территории Германии, в которых мусульман призывали присоединиться к турецкой армии и объявленному османским халифом джихаду. Хотя в годы Первой мировой войны не удалось добиться ни массового дезертирства, ни восстаний в колониальных частях армий стран Антанты, ситуация, сложившаяся после начала Второй мировой войны, подталкивала Третий рейх к тому, чтобы начать масштабную пропагандистскую работу как в отношении мусульманских военнопленных, так и в отношении колониальных войск своих противников в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Несмотря на изменившуюся ситуацию (Германия больше не являлась союзником ведущей мусульманской державы, а халифат не существовал), с началом Второй мировой войны немецкие пропагандистские структуры снова предприняли попытку использовать ислам для воздействия на мусульманских солдат союзников по антигитлеровской коалиции.

Исследовательница Софи Вагенхофер в своей работе демонстрирует амбивалентность, которая характеризовала отношения между национал-социалистической Германией и арабами, показывая на примере североафриканских колониальных войск противоречия, существовавшие

[5] *Scheck R.* Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War // Holocaust and Genocide Studies 2012. Vol. 26, № 3. P. 447.

между политически обусловленной пропагандой в арабском мире и расово-идеологическим неприятием арабов[1].

В январе 1920 г., после подписания Версальского договора, в рейнской оккупационной зоне были размещены 85 тысяч французских солдат, из которых почти половину составляли африканцы — алжирцы, марокканцы, западноафриканцы, тунисцы и мадагаскарцы. С весны 1920 г. они внезапно оказались в центре внимания немецкой прессы, которая развернула расистскую пропагандистскую кампанию против «черного позора»[2]. «Черный позор» также стал темой для пропаганды формирующегося национал-социалистического движения. В своих выступлениях в начале 1920-х гг. Адольф Гитлер неоднократно заявлял, что «наши жены и дочери оскверняются черными животными»[3]. При этом французы, как и их колониальные войска, в конечном итоге рассматривались как инструмент в руках гораздо более опасной силы: заговора мирового еврейства, направленного на целенаправленное «загрязнение» немецкой крови[4].

С началом Второй мировой войны возникает политическая необходимость пропаганды в отношении тех, кто еще недавно конструировался в качестве угрозы расистской пропагандой внутри Германии. В конце 1939 г. в кругах вермахта и во внешнеполитическом ведомстве начались спорадические дискуссии о пропаганде в отношении мусульманских солдат во французских войсках и продвижении образа Третьего рейха как «друга мусульман»[5].

Во время военной операции против Франции Берлин начал широкую пропагандистскую кампанию, направленную на африканских военнослужащих французской армии. Радио «Зеесен», расположенное недалеко от Берлина, а также радио «Штутгарт» транслировали предназначавшиеся для них программы на классическом арабском и французском языках. Радио «Зеесен» транслировало некоторые программы также на марокканском и тунисском диалектах арабского языка, дру-

---

1 *Wagenhofer S.* «Rassischer» Feind — politischer Freund?: Inszenierung und Instrumentalisierung des Araberbildes im nationalsozialistischen Deutschland. Berlin, 2010. S. 1.

2 *Koller C.* Frankfurt — Berlin — Rheinland: vom ethnologischen «Material» zur «schauerlichen Gefahr» — afrikanische Kriegsgefangene und Besatzungssoldaten in Deutschland (1870–1945) // Van der Heyden U., Zeller J. Kolonialismus hierzulande: eine Spurensuche in Deutschland. Erfurt, 2008. S. 203.

3 Ibid. S. 205.

4 Ibid.

5 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 78.

гие — на берберском и кабильском языках[6]. Один из главных тезисов германской пропаганды этого времени заключался в призыве к северо-африканским мусульманам отказаться от войны, которая их не касалась. В радиотрансляции 23 апреля 1940 г. сообщалось: «Французские власти угрожают самыми жестокими военными наказаниями сыновьям Туниса, Алжира и Марокко, которые хотят избежать войны, в которой у них нет интереса. Северные африканцы прекрасно знают, что помощь, которую они принесут Франции, означает усиление преследований французов против их соотечественников. Это также означает, что французское господство вместо ослабления усилится»[7].

Немецкая пропаганда повторяла, что «Англия будет сражаться до последнего французского солдата», потому что «Франция — всего лишь пешка на британской шахматной доске»[8]. Она также сообщала магрибинцам, что французы предназначены только для использования в качестве «пушечного мяса»: «Марокканцы хороши только для того, чтобы отправить их на передовую»; «пока англичане играют в футбол или охотятся далеко от фронта, марокканцев отправляют на линию Мажино в качестве пушечного мяса»[9]. Таким же образом колониальные солдаты противопоставлялись французам: «пока французы остаются в тылу, чтобы петь, пить и стрелять в воздух, упражняясь в стрельбе (sic), туземцев отправляют на передовую и в Норвегию»[10].

Стремясь внушить магрибинцам идею о бессмысленности их участия в начавшейся войне, немецкая пропаганда апеллировала не только к антиколониализму, но и к антисемитской идее «еврейского заговора». Спикеры немецких радиостанций заявляли, что эта война, от которой сами французы отказались, была также «еврейской войной», которая будет использована евреями, «чтобы изгнать арабов из Палестины и обосноваться на их месте»[11]. Поэтому молодые магрибинцы не должны были вступать в коалицию, созданную евреями: «Не позволяйте втянуть себя в адскую яму, куда Франция устремляется и где она найдет справедливое наказание. Мы на пороге больших событий, подумайте об этом»[12]. Интересно, что этот же топос «еврейского заговора» будет

---

6 *Ageron Ch.-R.* Les Populations du Maghreb face a la propagande Allemande // Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1979. № 114. P. 15.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 Ibid. S. 15–16.

10 Ibid. S. 16

11 Ibid.

12 Ibid.

использоваться нацистской пропагандой для призыва арабов к борьбе против войск союзников.

Одна из брошюр, распространенных во французской Северной Африке весной 1940 г., призвала мусульман к восстанию против своих имперских хозяев, переплетая антиколониальную и религиозную риторику. Брошюра была полна ссылок на (предполагаемое) угнетение ислама под французским правлением, Франция обвинялась в подавлении шариата, запрете изучения Корана в школах, нападениях на мечети и преследовании миссионерских целей[1].

Постоянно призывая к дезертирству, бегству, отказу от участия в войне, в ряде случаев немецкие радиостанции объявляли о произошедших мятежах или дезертирстве мусульманских солдат.

Германия, как страна, «дружественная арабам», противопоставлялась осуществляющим колониальную политику Франции и Великобритании. «Ваши враги отправляют вас под пушечный огонь на фронт, они отправляют вас на верную смерть в войне против Германии, хотя Германия не является вашим врагом и никогда не колонизировала и не преследовала арабские народы. Напротив, немцы желают всем арабам свободы и счастья»[2].

В сообщениях, призывавших арабских солдат к дезертирству, неизменно подчеркивалось совпадение целей немцев и арабов, а также то, что солдаты, которые перейдут на сторону Германии, получат хороший прием. «Покидайте вражеские ряды и идите к немецким друзьям. Вы будете благоденствовать, сохранив воинские звания и права… Германия является той страной, которая вступила в войну, чтобы вас, ее арабских братьев, освободить от деспотизма. Бросьте эту бессмысленную войну и идите к нам. Вас как гостей и братьев сердечно встретят. И когда война закончится, вы вернетесь на свою Родину как победители»[3].

Для того чтобы спровоцировать дезертирство среди арабских солдат, были отпечатаны листовки в форме «паспорта-пропуска». «Обладатель этого паспорта должен быть немедленно вывезен из опасной зоны. При необходимости ему должна быть предоставлена медицинская помощь. Как представитель народа, которого враг принудил к военной службе, он имеет право на привилегированное и почетное отношение»[4], — отмечалось в листовке.

---

1 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 80–81.
2 BArchivP, Persönlicher Stab Reichsführer SS (Далее: RFSS). F 3347. Bl. 1.
3 Ibid. Bl. 2576054.
4 BArchivP, 78g2. Bl.2.

После победы нацистской Германии над Францией немецкая пропаганда не скрывала своего торжества, преподнося эту победу, в частности, как освобождение Северной Африки от французского колониализма. В действительности, однако, Германия оказалась перед необходимостью сохранять французскую колониальную империю — хотя Франция рухнула под натиском Германии, французская поддержка ее колониальных опорных пунктов в Северной Африке и на Ближнем Востоке должна была стать стратегическим активом Германии в ее борьбе с Великобританией[5]. Пропаганда, направленная на страны Магриба, таким образом, отражала внутреннее противоречие политики Германии: правительству Гитлера приходилось постоянно считаться с французской точкой зрения и в то же время заигрывать с национальными устремлениями североафриканских арабов[6].

Североафриканские солдаты, оказавшиеся в немецком плену, рассматривались как ценные источники информации, с помощью которых можно было узнать о степени эффективности немецкой пропаганды. С этой целью для военнопленных разрабатывались специальные вопросники. В секретной записке ОКВ, составленной на основе этих опросов, признавались, с одной стороны, определенные успехи пропаганды, с другой — объективные трудности при ее распространении: «Наши арабские передачи были хорошо услышаны и поняты североафриканскими солдатами во Франции. Предположительно 15 алжирских стрелков (Мухаммед бен Ахмед) нашли наши арабские листовки. Дальнейшее их распространение, по-видимому, затруднено из-за жесткого контроля, так как уже поднятие листовок наказывается расстрелом. По мнению Мухаммеда, у североафриканцев нет никаких условий и возможностей, чтобы ответить на призывы немецкой пропаганды»[7]. В той же записке признавались сложности, с которыми сталкивалась немецкая пропаганда в Северной Африке, причем эти сложности трактовались через призму расовых стереотипов и предрассудков: «Большая часть североафриканцев не пригодна для дальнейшего использования. Большинство из них либо ограничены, либо крайне ненадежны по своему характеру... Мораль наемных солдат, ограниченность и ха-

---

[5] *Mejcher H.* North Africa in the Strategy and Politics of the Axis Powers, 1936–1943 // Les Cahiers de Tunisie. 1981. Vol. 117–118, № 3–4. P. 640.

[6] *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London-Toronto, 1966. P. 130.

[7] BArchivP, AA. F 4030. Bl. 1.

рактерная неполноценность этих людей представляют большую сложность для нашей пропаганды»[1].

Для прибывшего в Берлин в ноябре 1941 г. «великого муфтия» Иерусалима Мухаммада Амина аль-Хусейни, мечтавшего о создании арабской армии, работа с мусульманскими солдатами, служившими в вермахте, а также пропаганда, направленная на мусульманских солдат союзников, станет одним из главных направлений его деятельности[2].

В своих призывах к североафриканским солдатам аль-Хусейни, стремясь вызвать их эмоциональный отклик, обращался одновременно к их националистическим, антиколониальным и исламским чувствам. «Союзники, на стороне которых вы боретесь и за которых проливаете свою кровь, являются вашими врагами. Они захватили ваши страны, их колонизируют и выкачивают ресурсы. Они нарушают ваши религиозные обычаи и глумятся над ними, смеются над образом вашей жизни, над вашим языком и вашими традициями»[3].

В выступлениях аль-Хусейни арабы, как единое сообщество, объединенное исламом, противопоставлялись евреям: «И особенно вы забыли, какому жестокому обращению они подвергли Палестину, святую землю, где стоит мечеть аль-Акса, первая священная Кааба арабов? Ваши враги, которые заставляют вас сражаться за них, передали святую Палестину евреям, которые хотят сделать ее своей национальной территорией и построить еврейское государство!»[4].

В инструкции немецкого МИД относительно пропаганды в Марокко и других странах Северной Африки подчеркивалась необходимость использования примеров и образов местных героев как недавнего, так и отдаленного прошлого[5].

Называя примеры антиколониальной борьбы в странах Северной Африки в прошлом и в настоящем, муфтий эмоционально обращался к североафриканским солдатам: «Почему вы сражаетесь на стороне ваших врагов и жертвуете собой ради интересов союзников, которые яв-

---

1 BArchivP, AA. F 4030. Bl. 1.

2 О деятельности иерусалимского муфтия, в том числе в период берлинской эмиграции, см.: *Gensicke K.* Der Mufti von Jerusalem und die Nationalsozialisten. Eine politische Biographie Amin el-Husseinis. Darmstadt, 2007; *Luca Anthony R.* De «Der Grossmufti» in Berlin: The Politics of Collaboration // International Journal of Middle East Studies. 1979. Vol. 10, № 1. P. 125–138.

3 BArchivP, RFSS. F 3347. Bl. 1.

4 Ibid.

5 BArchivP, AA. FC 15451. Bl. 298001.

ляются покровителями евреев и врагами вашей религии?»[6]. «О марокканские братья, разве последователи пророка после битвы при Ухуде потеряли мужество?»[7]

«Вы, великие герои, вы, наследники великих арабов, чьим мечом Бог покорил Восток и Запад, как вы можете сегодня терпеть эту мерзость и рабство и как вы можете дарить свои души этим угнетателям? Аллах велик! Как вы можете пройти мимо этой прекрасной возможности!»[8].

Призыв к борьбе против союзников (которая могла принимать разные формы) легитимировался муфтием аль-Хусейни через идею долга в защите нации и ислама: «Это ваш долг, защищать вашу страну и вашу религию. Сохраняйте вашу кровь для этой священной цели. Сделайте все, чтобы остановить войну и сбежать из рядов ваших врагов, чтобы ослабить их силы»[9].

Участие в войне на стороне союзников в других сообщениях расценивалось как смертный грех. Муфтий, обращаясь к солдатам, широко использовал исламские понятия и метафоры: «Арабские солдаты! Сегодня вы идете на смерть. Если вы хотите пожертвовать своей жизнью, то имеете право пожертвовать ею только ради святого имени Аллаха. И это было бы счастьем для ваших стран, если бы вы умерли как мученики, которые обретают вечную жизнь в царстве Бога. Но если вы жертвуете собой ради своих врагов, союзников, этих покровителей евреев и врагов ислама и Пророка — мир его душе, тогда вы умрете как предатели, которых презираются в этом мире и которые сталкиваются с самыми тяжелыми наказаниями в другом мире»[10].

С началом операции Африканского корпуса Роммеля в Северной Африке у Германии появились возможности для более масштабной и организованной пропагандистской кампании в регионе. В это время пропагандистские усилия Третьего рейха в регионе достигают своей высшей точки. И в Берлине, и в Лондоне полагали, что исход противостояния во многом зависит не только от военных потенциалов сторон, но и от того, в какую сторону будет склоняться общественное мнение в арабских странах. Однако и сам военный потенциал Великобритании и войск «Свободной Франции» находился в критической зависимости от способности мобилизовать мусульманских солдат и их готовности

---

6 BArchivP, AA. FC 15451. Bl. 298001.
7 Ibid. FC 15124. Bl. E511849.
8 Ibid. F 15124. Bl. 512903.
9 Ibid.
10 Ibid, RFSS. F 3347. Bl. 2.

сражаться с войсками «оси»[1]. «… В Лондоне широко распространен страх перед мусульманами, — писал Геббельс в своем дневнике 8 августа 1942 года, — факт, который чрезвычайно важен для нас, и который мы в полной мере используем в нашей пропаганде, направленной на Аравию»[2].

Присутствие немецких войск в Северной Африке позволило немецким агентам более широко распространять пропагандистские сообщения с помощью листовок на арабском языке. Армии Роммеля было придано подразделение разведки, которым командовал Константин Александр Фрейхеер фон Нейрат, офицер связи из министерства иностранных дел[3].

Следует заметить, что между МИД и структурами ОКВ происходили споры по поводу разделения компетенций, в частности по вопросу о том, какое ведомство обладает прерогативой в вопросах пропаганды. Так, записка МИД от 23 февраля 1940 г. свидетельствует: межведомственный спор относительно того, какая структура должна нести ответственность за утверждение всех листовок, не был завершен в начале 1940 г. Приложенное к записке письмо с иллюстрациями листовок демонстрировало, что даже II департамент Абвера был вынужден представлять в министерство иностранных дел на утверждение военные листовки, направленные на деморализацию вражеских войск[4]. В директиве ОКВ № 30, принятой 23 мая 1941 г., подтверждалась ведущая роль МИД в пропагандистской работе в регионе: «Руководство пропагандой на Среднем Востоке является задачей министерства иностранных дел, которое в этом отношении взаимодействует с верховным главнокомандованием (отделом военной пропаганды штаба оперативного руководства)»[5].

Фон Нейрат тесно сотрудничал со своим помощником, востоковедом Хансом Александром Винклером, который, вероятно, нес основную от-

---

[1] Уинстон Черчилль, обсуждая в письме Рузвельту проблему Индии (и возможность обнародования декларации о предоставлении Индии после войны статуса доминиона) писал 4 марта 1942 г.: «Мы не должны ни в коем случае разрывать отношения с мусульманами, представляющими 100-миллионный народ и главные соединения армии, на которые мы рассчитываем в ближайших боях» (*Черчилль У.* Вторая мировая война: в 3 кн. М., 1991. Кн. 1. Т. I. С. 96).

[2] *Goebbels Joseph* Tagebücher, 1924–1945; in 5 Bd.; hrsg. von Ralf Georg Reuth. Bd. 4: 1940–1942, 4. Aufl. München; Zürich, 2008. S. 1823.

[3] *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. New Hawen, 2009. P. 78–79.

[4] *Kirchner K.* Flugblätter aus Deutschland 1939/1940. Erlangen, 1982. S. XXIX.

[5] Директива ОКВ № 30 от 23 мая 1941 г. // *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1: Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе (1933–1941). М., 1973. С. 752.

ветственность за написание и перевод листовок, обращенных к арабам и мусульманам. 20 ноября 1941 г. фон Нейрат направил в МИД проект листовки под названием «Война и голод», предлагая распространить ее в Северной Африке. Текст, листовки, вероятно, был написан Винклером[6]. Листовка касалась одной из самых чувствительных тем для немецкой пропаганды в арабском мире — «расового вопроса». В начале текста повторялись те обвинения, которые британская пропаганда направляла в адрес национал-социалистической Германии: «в течение двух полных лет в странах Европы бушует война, развязанная нацистской расовой ненавистью»; «Если бы Германия одержала победу в этой великой борьбе, то она стала бы угнетать не только Европу, но и восточные народы! Немцы по-прежнему рассматривают европейцев как своих соседей и как партнеров, с которыми они хотят сохранить хорошие отношения. Но что было бы, если бы восточные народы оказались бы под властью нацистов. Они относились бы к ним как к прирожденным рабам, в соответствии с безграничным заблуждением немцев — антисемитизмом, в котором сговорились Гитлер, Гиммлер и Розенберг»[7].

Последующий текст листовки строился на отрицании данных обвинений и выдвижении собственных обвинений, острие которых направлялось не против британцев, а против евреев: «Германия устала от бесчисленных евреев, которые, как личинки, сидели в ее теле в качестве профессоров, адвокатов, художников и, не в последнюю очередь, промышленников и торговцев. С 1933 г. фюрер начал наводить порядок в доме. Однако он делал это не с помощью грубой силы, как евреи ожидали, а честно и по-немецки — через законы, устанавливающие долю иностранцев в жизни нации. Тут они закричали: ох и ах! И многие из них уехали туда, где у них лучше шли дела: в Лондон и Нью-Йорк. Там они поспешили раздуть огонь, пока не начали войну. И теперь они пытаются втянуть не только Европу, но и весь мир в этот водоворот. Путь евреев всегда извилист. Теперь, сын арабов, твоя очередь. Египтяне, сирийцы и иракцы! Теперь они лгут вам о нацистской расовой ненависти и антисемитизме. Они хотят втянуть вас в свой фронт против врагов евреев; поэтому они хотят отделить вас от того, кто в ваших интересах борется против священного союза англичан и большевиков. Действительно, "антисемитизм" — это выражение, которое происходит из Германии; но из того времени, когда евреи, скрывавшиеся за их "семитским" язы-

---

[6] *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. New Hawen, 2009. P. 79.

[7] BArchivP, AA. F 17598, Bl. 482032.

ком, еще не были признаны единственным врагом народов. И как глупо утверждать, что Германия сегодня использует этот термин против арабов, когда каждый ребенок в мире знает, что евреи и арабы не имеют ничего общего в их духовных качествах, что инстинктом и историей они кардинальным образом отделены друг от друга. Немецкая расовая идея, которую евреи пытаются перевернуть с ног на голову, стремится продвинуть расово высшую, то есть подлинную и истинную составляющую народа, не только немецкого. Она признает каждый народ богоугодным, за исключением коррумпированного, паразитического еврейского народа… Однажды, молодые арабы, вы столкнетесь с вопросом о сущности вашей нации так же, как мы. Хотите ли вы ради вашей национальной гордости очищения от чужой крови и осуществите ли это — ваше дело, и вы должны решить его сами. В любом случае Германия не имеет никаких предубеждений в отношении к вам, как утверждает еврейская ложь. Скорее она принимает участие в вашей борьбе против англичан и евреев с теплой симпатией и с божьей помощью!»[1]

Содержание текста данной листовки демонстрирует, как нацистская пропаганда пыталась адаптировать параноидальный нарратив о евреях как абсолютном зле к контексту арабских стран. Евреи не просто противопоставлялись арабам, речь шла об абсолютизации различий между ними. Очевидно и стремление легитимировать расовую теорию (и основанные на ней политические и правовые шаги) и утвердить тезис о том, что она не только не направлена против арабов, но что арабы как нация сами сталкиваются с проблемами, схожими с проблемами немцев, и должны решать их таким же образом.

Успехи Э. Роммеля в Северной Африке дали немецкой пропаганде возможность для того, чтобы прославить силу немецкого оружия, а также подчеркнуть «всеобщее восхищение» германскими победами в арабском мире. В своем выступлении по радио 3 июля 1942 г. аль-Хусейни заявил: «Великие победы немецко-итальянских войск в Северной Африке доставили большую радость всему Востоку и особенно арабским народам. Эти победы усилили восхищение всех арабов генерал-фельдмаршалом Роммелем, его изобретательной стратегией и храбростью воинов держав Оси, поскольку они борются против общего врага — Англии и еврейства, и одновременно против опасности большевизма, который после оккупации Ирана приблизился к границам арабских стран»[2].

---

[1] BArchivP, AA. F 17598, Bl. 482032–482034.
[2] BArchivP, AA. 14009. Bl. 321578.

Немецкая пропаганда пыталась убедить общественное мнении арабских стран в том, что победа «оси» принесет освобождение арабскому миру: «…поражение Англии в этой войне все ближе и оно знаменует собой начало конца Британской империи. Непосредственным следствием этой победы является освобождение Египта и всех арабских стран на Ближнем Востоке от британского рабства»[3].

Аль-Хусейни выступая по радио, непрерывно призывал своих слушателей в Северной Африке помогать армиям «оси» и всячески противостоять союзным войскам. «В борьбе с большевизмом и плутократическими демократиями, находящимися в руках евреев, — заявлял он, — исламские народы являются естественными союзниками немцев»[4].

Немецкая пропаганда в Северной Африке и на Ближнем Востоке была адресована в том числе индийским солдатам (многие из которых являлись мусульманами), составлявшим значительную часть британских военных формирований на Востоке.

В телеграмме представителя министерства иностранных дел в Африканском корпусе Константина Александра фон Нейрата от 31 июля 1942 г. говорилось: «Влияние индийских листовок после бегства примерно 40 индийцев во главе с сикхским офицером подтвердилось. Необходимо стимулировать немедленную подготовку следующих листовок в виде паспорта с изображением генерал-фельдмаршала Роммеля, свастики и индийской прялки. Цвет ни в коем случае не должен быть желтым или песочным. Нужен как можно более короткий текст, ограничивающийся апелляцией к силе нашего оружия и призывом прекратить борьбу, а также обещанием свободы в отправлении религиозного культа»[5].

Британская разведка пристально следила за сообщениями немецкой пропаганды, для противодействия которой британцы активно привлекали мусульманских лидеров, в том числе короля Саудовской Аравии Ибн Сауда. Так, накануне решающего сражения в Египте Ибн Сауд отправил в штаб-квартиру Монтгомери в Эль-Аламейне своего двадцатилетнего сына Мансура, который должен был помочь сплотить индийских мусульман, сражавшихся в составе 8-й британской армии[6].

---

[3] BArchivP, AA. 14009. Bl. 321578.

[4] *Fabel S.* La Politica Maghrebina del Terzo Reich. Parma, 1989. P. 73.

[5] *Höpp G.* Frontenwechsel: Muslimische Deserteure im Ersten und Zweiten Weltkrieg und in der Zwischenkriegszeit // Höpp G., Reinwald B. (Hg.). Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen, 1914–1945. Berlin, 2000. S. 132.

[6] *Bray B., Darlow M.* Ibn Saud: The Desert Warrior Who Created the Kingdom of Saudi Arabia. NewYork, P. 396.

Еще 27 октября 1941 г. британская газета «Дэйли мейл» сообщала из Каира об интенсивных усилиях по созданию «единого арабо-мусульманского фронта против немецкой агрессии»[1].

Частью общих военных и пропагандистских усилий, предпринимавшихся нацисткой Германией, стало формирование воинских подразделений, в которые входили мусульманские военнослужащие. Начавшееся в мае 1941 г. антибританское восстание в Ираке закончилось провалом, однако именно британо-иракская война стала тем событием, которое придало новое качество арабской политике Германии, ускорило процесс ее структурного и концептуального оформления. Она заставила высшее руководство Германии принять более или менее определенную программу действий на Ближнем Востоке, основа которой была изложена в принятой 23 мая 1941 г. директиве № 30[2]. Для координации немецких военных усилий на Ближнем Востоке был создан «Особый штаб Ф», который возглавил генерал Хельмут Фельми. Это подразделение должно было, в частности, «устанавливать военные связи с враждебными Англии силами, в том числе вне Ирака»[3]. Создание арабского формирования в структуре вермахта являлось, по сути, шагом в рамках выполнения этой задачи. Неслучайно Гитлер, несмотря на скептическое отношение к арабам как «низшей расе», отменил в мае 1941 г. ограничения на вербовку неарийцев в вермахт и разрешил формирование немецко-арабского учебного подразделения[4].

Цель немецкой пропаганды в регионе состояла в том, чтобы спровоцировать направленные против союзников восстания арабов, которые поддержали бы военные усилия Третьего рейха. Арабская часть в составе вермахта призвана была стать символом немецко-арабского «союза»[5]. Впрочем, несмотря на создание в мае 1941 г. в Греции, в лагере на мысе Сунион, «немецко-арабского учебного отдела», вопрос о направлении его деятельности, а также о формах, масштабах и принципах немецко-арабского военного сотрудничества на протяжении двух лет оставался предметом острых политических дискуссий.

---

1 РГВА. Ф. 1493 к. Д. 74. Оп.1. Л. 56.

2 *Шерстюков С. А.* «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха. Барнаул, 2014. С. 111–112.

3 Директива ОКВ № 30 от 23 мая 1941 г. // *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1: Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе (1933–1941). М., 1973. С. 751.

4 *Kehoe J. T.* Living Propaganda and Self-Serving Recruitment: The Nazi Rationale for the German-Arab Training Unit, May 1941 to May 1943 // War in History. 2017. Vol. 24 (4). P. 521.

5 Ibid. P. 526–527.

Х. Фельми позже утверждал, что возлагал большие надежды на то, что арабы проявят боевую доблесть, но в действительности он подчеркивал лишь пропагандистскую ценность «немецко-арабского учебного отдела» и предлагал использовать входящих в него арабов в качестве дикторов на нацистском радио, вещавшем на арабские страны. В начале августа 1941 г., спустя всего несколько недель после прибытия новобранцев, Х. Фельми утверждал, что «Особый штаб Ф» должен взять на себя полную ответственность за ближневосточную пропаганду[6]. Инициатива Х. Фельми, однако, была отклонена.

Арабские лидеры, оказавшиеся в Германии после провала антибританского путча в Ираке, — аль-Хусейни и аль-Гайлани выступали за создание арабского легиона — отдельных воинских единиц, которые служили бы под национальными флагами и подчинялись арабским офицерам[7]. Не отказываясь от идеи создания подобного легиона, ОКВ по целому ряду причин вплоть до 1943 г. не смогло превратить даже небольшое «немецко-арабское учебное подразделение» в боеспособную единицу. Среди факторов и причин, затруднявших образование арабского легиона, следует отметить формальное признание приоритета Италии в арабском вопросе, необходимость учета интересов Испании и Франции, трудности переговоров с муфтием и аль-Гайлани и нарастающее соперничество между ними, отсутствие ясности в том, какая деятельность должна стать основной для арабского подразделения в составе вермахта и где его необходимо использовать. Впрочем, не менее важной причиной были расовые предрассудки немецких военных и расовая дискриминация, с которой сталкивались арабские солдаты.

Пропаганда в отношении североафриканских военнопленных

Противостояние «оси» и союзников в Северной Африке повысило ценность мусульманских военнопленных из североафриканских стран, ставших важной «целевой группой» для немецкой пропаганды. Исследователь Раффаэль Шэк отмечает в своей статье, что немцы постоянно прилагали усилия для того, чтобы завоевать симпатии военнопленных из Северной Африки, обращаясь к их религиозным чувствам. Они надеялись сформировать антифранцузскую и прогерманскую элиту, которая после освобождения из лагерей будет собирать разведыватель-

---

[6] *Kehoe J. T.* Living Propaganda and Self-Serving Recruitment: The Nazi Rationale for the German-Arab Training Unit, May 1941 to May 1943 // War in History. 2017. Vol. 24 (4). P. 529–530.

[7] *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London; Toronto, 1966. P. 251.

ные данные для Германии и облегчит немецкое военное проникновение в Магриб[1].

В декабре 1940 г. немецкая оккупационная администрация во Франции создала «Магрибское агентство пропаганды»[2], которое состояло из трех отдельных страновых секций, куда входили националистические активисты «Алжирской народной партии» и тунисской партии «Новый Дустур»[3]. Агентство регулярно выпускало радиопередачи на арабском языке для североафриканских военнопленных, которые обычно включали информацию о местонахождении других военнопленных, чтение Корана и пронацистские «информационные бюллетени». В лагерях для военнопленных также распространялись арабские газеты. Магрибским военнопленным разрешалось также выпускать собственные пропагандистские газеты — «Голос заключенных» и «Полумесяц»[4].

Содержание пропагандистских посланий, предназначенных для мусульманских солдат на фронтах войны, для гражданского населения в странах Северной Африки, а также для североафриканских военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, не отличалось большой вариативностью. Используя разные инструменты (радио, кинофильмы, газеты и журналы, плакаты, листовки и открытки), немецкие пропагандистские службы пытались донести до населения Ближнего Востока и Северной Африки схожий комплекс идей, способов описания событий и возможных реакций на них.

Вместе с тем пропаганда, направленная на мусульманских военнопленных французской армии, безусловно, стремилась учитывать контекст, искала темы и риторические приемы, которые могли бы оказать наибольшее воздействие на оказавшихся в плену солдат. Как и в случае пропаганды на фронте, немецкая пропаганда в лагерях для военнопленных подчеркивала дискриминацию мусульманских солдат во француз-

---

1 *Scheck R.* Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War // Holocaust and Genocide Studies 2012. Vol. 26, № 3. P. 447.

2 *Martin C. Thomas.* The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940–1944 // French Historical Studies. 2002. Vol. 25, № 4. P. 670.

3 Державы «оси» пытались вовлечь тунисцев, и прежде всего «Новый Дустур», в свои планы подчинения Магриба. В ноябре 1942 г. немцы, вступившие в неоккупированную зону Франции, освободили из заключения Бургибу и его товарищей (якобы по приказу фюрера), отправив их в Рим 9 января 1943 г. Там Бургиба получил письмо от Амина аль-Хусейни, пытавшегося склонить его на сторону держав «оси». В ответ Бургиба написал: «Сначала независимость Туниса, а потом все остальное, но вряд ли первое дадут» (*Ланда Р. Г.* История Туниса. XX век. М., 2017. С. 84.)

4 *Martin C. Thomas.* The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940–1944 // French Historical Studies. 2002. Vol. 25, № 4. P. 670.

ской армии и использование их в качестве «пушечного мяса». Во-вторых, пропаганда утверждала, что арабы могут легко управлять собой, ссылаясь на пример короля Ибн Сауда и борцов за свободу Северной Африки. В-третьих, немецкая пропаганда часто рисовала мрачную картину, связанную с риском побега из лагерей военнопленных: трудности достижения Свободной зоны Франции, вероятность быть призванным в трудовой батальон французскими властями, плохая экономическая ситуация во французской Северной Африке. В-четвертых, немцы подчеркивали свое уважение к религиозным потребностям заключенных-мусульман, например, распространяя фотографии мечети, построенной в лагере для военнопленных недалеко от Берлина. Наконец, немецкая пропаганда стремилась разжечь негодование заключенных по поводу того, что многие расценивали как привилегированный статус евреев в Северной Африке[5].

Во время специально организованных поездок французских военнопленных в Берлин с ними были записаны интервью для арабского вещания[6]. Дезертиры и военнопленные заявляли о том, что они бежали от «бесчеловечного обращения», которому они подвергались во французской армии, проклинали «французских собак» и благословляли бога за то, что немцы так хорошо обходились с ними[7].

Формирование образа Германии как страны, не имевшей колониальных устремлений в арабском мире, дружественной исламу и мусульманам, стремящейся к освобождению мусульманских стран, являлось еще одной задачей (и постоянной темой) для немецкой пропаганды. Эти идеи, в частности, были выражены в брошюре, изданной на арабском и французском языках и распространявшейся в лагерях, где содержались заключенные из Северной Африки: «Мусульмане, пришло время для расчета — Франция стоит перед нами на коленях. Ваши почтенные руководители, Абд-аль Кадир, Дустур, мусульманский Конгресс, Североафриканская Звезда были изгнаны или уничтожены Францией. У Германии никогда не было идеи поработить людей, которые имеют право на свободу, как и их европейские братья. Разве Германия до 1918 года не была достаточно сильной, чтобы начать покорять людей, которые жили спокойно в своих домах? Да, но в Германии

---

[5] *Scheck R.* Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War // Holocaust and Genocide Studies 2012. Vol. 26, № 3. P. 451.

[6] Ibid. P. 448.

[7] *Ageron Ch.-R.* Les Populations du Maghreb face a la propagande Allemande // Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1979. № 114. P. 16.

не было этой идеи рабства. Но, благодаря Богу, который праведен, вы будете свободными людьми и равными своим европейским братьям. Германия доказала свою приверженность исламу, помогая Абд-эль-Криму оружием и советами и помогая некоторым другим мусульманским вождям, защищавшим свою свободу и землю. Кто был союзником мусульманской Турции? Посмотрите на историю, и вы поймете это… Пусть только две религии будут владычицами мира. Христианство и Ислам. Хайль Гитлер»[1].

Интересно, что брошюра, начинавшаяся с обращения «мусульмане» и стремившаяся в стилистическом отношении подражать Корану, заканчивалась традиционным нацистским приветствием «Хайль Гитлер». Хотя использование исламской риторики и ссылки на ислам являлись привычными для немецкой пропаганды, идея об исламе и христианстве как двух «главенствующих религиях» представляется необычной.

Гораздо чаще немецкая пропаганда играла на противопоставлении мусульман и христиан. Так, одна из листовок, призывавших североафриканских солдат отказаться от участия в войне на стороне союзников, провозглашала: «Настоящий мусульманин никогда не борется на стороне врагов ислама, которые захватили ваши мечети и превратили их в церкви и которые сегодня посылают вас умирать, чтобы спасти жизни христиан»[2].

В ходе осуществления пропаганды в отношении военнопленных можно было использовать более широкий диапазон средств (к примеру, мусульманским заключенным демонстрировались документальные фильмы, восхвалявшие немецкую армию)[3], воздействовать на военнопленных, помимо пропаганды, можно было посредством изменения условий их содержания в лагерях. Как и в годы Первой мировой войны, немцы не только создавали специальные лагеря для военнопленных-мусульман, но и стремились обеспечить в них сравнительно благоприятный режим содержания, предусматривавший в том числе возможность отправления военнопленными исламского религиозного культа. Подполковник Йоханнес Гутшмидт, являвшийся командующим округа, куда входили несколько немецких лагерей для военнопленных в районе Орлеана, 29 августа 1940 г. отметил в своем дневнике: «арабы — алжирцы,

---

1 *Baida J.* Le Maroc et la propagande du IIIeme Reich // Hesperis-Tamuda. 1990. Vol. 28. P. 103–104.

2 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 77–78.

3 Ibid. P. 103.

тунисцы и марокканцы — должны быть размещены в специальных лагерях по политическим причинам. По-видимому, мы хотим сохранить [sic] побережье Северной Африки»[4]. На практике, однако, многие пленные мусульманские солдаты подвергались жестокому обращению со стороны немецких охранников[5].

Немецкие спецслужбы стремились скрыть факт осуществления ими общей координации пропаганды среди военнопленных, прилагая все усилия для того, чтобы распространяемые в лагерях взгляды казались спонтанными и арабскими по происхождению. Основная ответственность в этом отношении ложилась на командующих лагерей и вербовщиков абвера, которые фокусировались прежде всего на грамотных, политически ангажированных заключенных, зная, что они, скорее всего, будут более сочувственно относиться к предполагаемой нацистской поддержке ислама и арабских национальных устремлений[6].

Командующие лагерей для военнопленных в оккупированной Франции пытались продемонстрировать уважение немцев к исламу, а некоторые из них напоминали мусульманским военнопленным о предполагаемой связи между слабостью Франции и моральным разложением, сопровождавшим секуляризацию[7].

Хотя Гитлер приказал перевести всех неевропейских французских военнопленных из Германии обратно во Францию, видимо, в качестве гуманитарного жеста, приблизительно от одной до двух тысяч североафриканских военнопленных тайно содержались в Германии. Наиболее важным для пропагандистских целей объектом являлся лагерь Шталаг III-A Луккенвальде в деревне Гросберен в нескольких километрах к югу от Берлина[8].

В этом лагере специально отобранные североафриканские младшие офицеры, главным образом из интеллектуальных центров Алжира, Туниса и Феса, обучались агентами абвера методам секретной агентурной работы. По оценке военного штаба генерала Максима Вейгана в Алжире, к марту 1941 г. через лагерь прошло около трех тысяч заключенных

---

4 *Scheck R.* Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War // Holocaust and Genocide Studies 2012. Vol. 26, № 3. P.453.

5 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 79.

6 *Martin C. Thomas* The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940–1944 // French Historical Studies. 2002. Vol. 25, № 4. P. 671.

7 Ibid. P. 670.

8 *Scheck R.* Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War // Holocaust and Genocide Studies 2012. Vol. 26, № 3. P. 454.

и политических активистов из арабских территорий, подконтрольных Франции и Великобритании[1].

Абвер осуществлял вербовку военнопленных для выполнения различных задач. Освобождение части военнопленных являлось эффектной пропагандистской акцией, в то же время, вернувшись на родину, бывшие военнопленные могли заниматься деятельностью, отвечавшей интересам стран «оси». Освобождение из плена 10 тыс. магрибинцев — солдат французской армии многие тунисцы восприняли как подтверждение ходивших в Тунисе слухов о том, что Германия договорилась с Францией об отмене протектората[2].

Немецкий посол в Тунисе Ран в записке 10 февраля 1943 г. писал о возможности осуществления подобной акции: «При обсуждении с ОКВ / отделом пропаганды вермахта было высказано предложение отобрать из восьми лагерей военнопленных во Франции, где содержатся североафриканцы, подходящих людей из Туниса, Алжира и Марокко, в течение короткого времени провести с ними политическую работу, а затем отправить их на родину через тунисский фронт. Ожидается, что эти люди энергично устремятся в родные места, вступят в напряженные контакты с властями Жиро, ни в коем случае не будут соглашаться идти на военную службу и будут вызывать раздражение у французов. Людей необходимо доставить в Северную Африку поодиночке или небольшими отрядами при удобном случае»[3].

В мае 1943 г. остатки военных формирований «оси» были разгромлены в Тунисе — вместе с прекращением военного присутствия Третьего рейха в Северной Африке утратила актуальность и проблема формирования арабского легиона. Как заметил исследователь Ф. Никозия, окончательное завершение любого присутствия стран «оси» в Северной Африке отодвинуло арабский мир, еще больше, чем прежде, на периферию стратегических интересов и политики Германии[4]. Это, однако, не означало конца пропагандистской войны в Северной Африке и на Ближнем Востоке, хотя военное поражение «оси» ограничило возможности для ведения пропаганды и изменило контекст ее восприятия.

В 1944 г. интенсивность немецкой радиопропаганды не уменьшилась, и арабские ораторы открыто и прямо говорили о независимости стран

---

1 *Martin C. Thomas.* The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940–1944 // French Historical Studies. 2002. Vol. 25, № 4. P. 671.

2 *Ланда Р. Г.* История Туниса. XX век. М., 2017. С. 79.

3 BArchivP, AA. F15810. Bl. E 026316.

4 *Nicosia Francis R.* Nazi Germany and the Arab World. New York, 2015. P. 221.

Магриба и призывали мусульман к восстанию с целью освобождения их родины[5]. «Пришло время выбирать, — заявил радиоведущий Ахмед Бен Язид в своей ежедневной передаче, — или независимость и свобода, или империализм и рабство… Настало время изгнать ваших врагов с вашей земли»[6].

Арабские ораторы в своих радиообращениях по-прежнему активно призывали военнослужащих мусульман в армиях союзников к дезертирству и саботажу. 4 июня 1944 г. спикер Радио «Париж-Мондиаль» восклицал в эфире: «Саботаж, саботаж всегда и везде, арабы Магриба!.. Не забывайте, что ваши настоящие друзья и союзники — немцы!»[7] «Голлисты обманывают вас, — заявил Ахмед Бен Язид 30 июля 1944 г., — как они это уже сделали однажды после войны 1914–1918 годов. Поэтому вы должны уничтожить их, прежде чем они уничтожат вас!»[8].

Однако немецкая пропаганда в отношении мусульманских солдат союзников имела ограниченный успех. В годы войны несколько сотен тысяч арабских солдат сражались в рядах союзников по всему миру. В Палестине около 9 тыс. мусульман были завербованы в подразделения британской армии. Мусульмане служили также под британским командованием в легендарном Арабском легионе Трансиордании, который был задействован в различных районах Ближнего Востока. Французская армия также завербовала сотни тысяч мусульман, главным образом из Северной и Западной Африки, которые сначала сражались за Третью Республику во время битвы за Францию, а впоследствии в войсках Свободной Франции, состоявших в основном из колониальных войск. Только во французской Северной Африке было набрано не менее 233 тыс. солдат — 134 тыс. алжирцев, 73 тыс. марокканцев и 26 тыс. тунисцев[9].

При оценке влияния германской пропаганды в годы Второй мировой войны необходим дифференцированный подход. Так, например, ряд исследователей на основе изучения источников приходят к выводу, что марокканские военнопленные меньше подвергались идеологической обработке и, вероятно, как следствие этого, оказались менее восприимчивы (или совсем не восприимчивы) к воздействию нацистской пропаганды в сравнении с алжирскими и суданскими заключенными.

---

5 *Fabel S.* La Politica Maghrebina del Terzo Reich. Parma, 1989. P. 75.

6 Ibid.

7 Ibid. P. 76.

8 Ibid.

9 *Motadel D.* The Muslim world in the Second World War // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A. (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Cambridge. II Politics and Ideology. 2015. P. 624–625.

Исследователь Моше Гершович высказал предположение, что, возможно, марокканцы считались менее склонными к изменению лояльности, подтверждая репутацию аполитичных, профессиональных наемников[1]. Или это было связано с доминирующей расистской иерархией, сыгравшей свою роль уже во время французской оккупации Рейнской области в начале 1920-х гг., в соответствии с которой марокканцы считались менее «продвинутыми» в сравнении с другими местными жителями Северной Африки, которые дольше подвергались «цивилизующему» влиянию европейского империализма[2].

В годы войны пропаганда держав «оси» не смогла спровоцировать ни одного крупного восстания в мусульманских подразделениях союзнических войск, а также вызвать массовое дезертирство. В лагерях для военнопленных немцам удавалось осуществлять вербовку агентов, однако идея формирования арабского легиона провалилась, в том числе из-за отсутствия достаточных человеческих ресурсов для его комплектования — «Немецко-арабский учебный отдел» к концу 1942 г. насчитывал 6 тыс. человек, из которых только 800 человек составляли студенты из арабских стран Ближнего Востока и бывшие североафриканские военнопленные[3]. Однако вопрос о влиянии немецкой пропаганды и ее долговременных последствиях является более сложным, а поиск ответа на него требует отказа от обобщенных (часто стереотипных) оценок и нюансированного исследования причин и мотивов[4], которые заставляли мусульман сражаться в рядах союзников в одних случаях и выражать сочувствие (или переходить на сторону «оси») — в других. Один из предварительных выводов, к которому пришли исследователи на основе изучения опыта дезертирства мусульманских солдат во время и Первой, и Второй мировых войн, состоит в том, что доминирующими причинами дезертирства в большинстве случаев были не политические (или религиозные) факторы, а «профанные», жизненные мотивы,

---

1 *Gershovich M.* Scherifenstern und Hakenkreuz. Marokkanische Soldaten im Zweiten Weltkrieg // Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus. Herausgegeben von Gerhard Höpp, Peter Wien und Rene Wildangel. Berlin, 2004. S. 346–347.

2 Ibid.

3 *Höpp G.* Kollaboration oder Patriotismus? Araber zwischen Anti-Hitler-Koalition and Achse. URl: https://www.zmo.de/biblio/nachlass/intern/hoepp/int04_04/04_04_049.pdf.

4 Ibid.

что вполне согласуется с общим ущемленным статусом мусульманских комбатантов в европейских (колониальных) армиях[5].

Заключение

Одной из составляющих борьбы империй в XIX — 1-й половине XX в. была борьба за дискурс, за создание картины мира, языков описания, которые подкрепляли бы притязание той или иной империи на политическое доминирование, а также легитимировали существующий колониальный порядок. В начале XX в. — с изобретением и началом широкого распространения телеграфа, радио — эта борьба приобретает дополнительные возможности и еще большую значимость. Новую страницу в этой борьбе открыла Первая мировая война, в ходе которой разрабатывались и апробировались не использовавшиеся прежде (или использовавшиеся в ограниченном масштабе) механизмы воздействия на массы. Первая мировая война стала временем рождения и небывалого расцвета государственной пропаганды во всех странах, вовлеченных в военный конфликт. Пропаганда рассматривалась воюющими сторонами в качестве оружия, по силе воздействия равноценного военной силе или экономическому давлению[6].

Первая (как и Вторая) мировая война являлась войной империй, а ее исход во многом зависел от способности имперских центров использовать ресурсы колоний (материальные и человеческие) и сохранять лояльность своих колониальных подданных.

Дебаты об исламе, которые начались в Германии на рубеже XIX и XX вв., стимулировались колониальным опытом Германии, связанным в том числе с религиозными движениями мусульман в немецкой Восточной Африке[7]. В ходе этих дебатов формулировались такие идеи и способы восприятия ислама и мусульман, которые будут востребованы после начала Первой мировой войны. Одним из подобных стереотипных представлений стало отождествление ислама и религиозного фанатизма, а также ислама и восстаний против неисламской власти[8]. Примеры столкновения других европейских империй с мусульманским

---

[5] *Höpp G.* Frontenwechsel: Muslimische Deserteure im Ersten und Zweiten Weltkrieg und in der Zwischenkriegszeit // Höpp G., Reinwald B. (Hg.). Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen, 1914–1945. Berlin, 2000. S. 134.

[6] *Усманова Д.* Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 2016. T. 37. P. 73.

[7] *Habermas R.* Debates on Islam in Imperial Germany // Islam and the European Empires, ed. by David Motadel. Oxford, 2014. P. 246–247.

[8] Ibid. P. 247.

сопротивлением и восстаниями мусульман (нередко продолжительными и относительно успешными) подкрепляли подобный взгляд на ислам. Тем не менее идея о возможности использования ислама в предстоящем противостоянии Германии с другими империями, не раз высказывавшаяся до начала Первой мировой войны немецкими дипломатами, политиками и некоторыми ориенталистами, имела как сторонников, так и противников. Последние часто исходили не из отрицания насильственного потенциала ислама и эфемерности панисламизма, а из того, что этот потенциал может быть использован против самой Германской империи. Среди немецких экспертов — ученых и военных — находились и те, кто изначально считал идею «священной войны» утопичной, но решения принимали не они[1].

После начала Первой мировой войны и по мере осознания того, что она не закончится быстрой победой Германии, Берлин попытался использовать мобилизующий потенциал ислама для борьбы с британцами, французами и русскими. Пропаганда в отношении мусульманских сообществ станет частью более широких усилий Германской империи, направленных на организацию восстаний и революций как в колониальных периферийных зонах, так и в имперских центрах ее противников. Однако ни активная пропаганда, ни отправка ряда специальных миссий в Персию, Афганистан и другие мусульманские страны не привели к тому результату, на который рассчитывал Берлин. Одной из причин этого были искаженные представления о мусульманском мире и степени его единства и однородности, о популярности халифа-султана и влиянии на мусульман в Османской империи и за ее пределами провозглашенного им джихада, наконец, об исламе и мусульманах в целом. Как заметил российский историк Б. Колоницкий, отчасти неудача проекта «священной войны» была следствием того экзотического «ориенталистского» образа ислама, созданного самими европейцами, рассуждавшими о «фанатичных» и «свирепых» мусульманах, которые якобы только и ждут сигнала к «джихаду», чтобы начать вырезать неверных[2].

В годы Первой мировой войны немецкие государственные структуры привлекли к пропагандистской работе ориенталистов, а также вступили во взаимодействие с представителями националистических движений стран Востока, видевших в сотрудничестве с Германией возможность для продвижения собственной антиколониальной повестки.

---

[1] *Колоницкий Б.* Кайзер и джихад. Как Германская империя пыталась организовать исламскую революцию. URL: https://republic.ru/posts/91825.

[2] Там же.

Одно из следствий Первой мировой войны заключалось в том, что выходцы из колоний увидели себя, возможно, впервые в истории не за кулисами, а на главной сцене мировой политики. И хотя они по-прежнему находились в ущемленном положении, подвергались дискриминации, сама ситуации войны создавала для них новые возможности, а для европейских держав — новые риски, так как от лояльности или нелояльности колониальных подданных зависела не только устойчивость империй, но и, как казалось многим, — исход войны.

Многие прежние границы и конвенции, которые обеспечивали устойчивость колониального порядка, в результате трансформаций, вызванных Первой мировой войной и ее последствиями, перестали существовать, были пересмотрены или оказались проницаемыми. Распад четырех континентальных империй привел к кардинальным изменениям прежнего политического ландшафта, однако взаимосвязи различных политических акторов, действовавших на пространстве распавшихся империй, не только не прекратились, но и нередко интенсифицировались.

После окончания Первой мировой войны произошел подъем антиколониальных движений во многих странах Востока. Послевоенная Европа (и это являлось новым феноменом, подтверждающим сокращение дистанции, не только в символическом, но и в географическом смысле, между колонизаторами и колонизируемыми) стала политическим пространством для антиколониальных активистов. В этом отношении Германия занимала особое место, став центром интеллектуальной жизни мусульманской эмиграции в Европе. Поражение в войне не только лишило Германию ее колоний в Африке, Азии и на Тихом океане, но и привело к радикальному сокращению немецкого присутствия на Ближнем Востоке. В то же время Германия в 1920-е гг. превратилась в страну, привлекательную для деятельности антиколониальных активистов, в том числе из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Национальные активисты из мусульманских стран, оказавшиеся в Германии после окончания войны, не имели поддержки официальных государственных структур Веймарской республики и в лучшем случае могли рассчитывать на лояльное отношение к ним представителей власти, тем не менее некоторые из них сохраняли связи с немецкими дипломатами и военными (бывшими и действующими), а также с представителями немецких академических кругов и стремились использовать их для достижения своих целей. Мусульманская эмиграция стала частью политического и культурного ландшафта послевоенной Германии, а ее представители искали возможности для заключения

тактических союзов, вступали в контакты с различными акторами, которые часто находились на противоположных концах идеологического спектра. Так, преследующие разные цели пангерманисты и антиколониальные активисты находили точки идеологических пересечений, использовали похожие дискурсивные стратегии, критикуя западный империализм, либеральные политические режимы и активно эксплуатируя идею о схожести перенесенных (Германией / восточными народами / мусульманами / арабами) страданий и унижений[1].

Германия в годы Первой мировой войны потратила значительные усилия на пропаганду джихада на Ближнем Востоке (и в мусульманском мире в целом), надеясь мобилизовать мусульман против государств Антанты. После окончания войны антиколониальные активисты и в Европе, и за ее пределами, воспринявшие риторику В. Вильсона и большевиков о национальном самоопределении, верили, что, в том числе с помощью пропаганды и мобилизации общественного мнения, смогут добиться освобождения своих стран. Эти надежды не оправдались: в рамках миропорядка, созданного в результате подписания Версальского договора, Британия и Франция расширили собственные имперские владения; в то же время неотъемлемым элементом этого порядка, подрывавшим его устойчивость, стал антиколониальный национализм.

К 1933 г., когда к власти в Германии пришли национал-социалисты, большая часть мусульманских эмигрантов покинула эту страну. После начала Второй мировой войны Германия снова становится центром притяжения для антиколониальных националистов (в том числе из Ближнего Востока и Северной Африки), некоторые из них были готовы сотрудничать с Берлином не только по прагматическим, но и по идеологическим причинам. После завершения «вильсоновского момента» в 1919 г., когда надежды на достижение национального самоопределения за пределами Европы рухнули, многие антиколониальные националисты, разочаровавшиеся в либеральном универсализме и либеральном мировом порядке, обратились к более радикальным союзникам и идеологиям для достижения национальной независимости. Некоторые из них восприняли коммунизм, распространяемый эмиссарами Коминтерна; другие обратились к новым правым режимам и иногда воспринимали авторитарные националистические и революционные пред-

[1] *Kuck N.* Anti-colonialism in a Post-Imperial Environment — The Case of Berlin, 1914–33 // Journal of Contemporary History. 2014. Vol. 49 (1). P. 157–159.

ставления о современности — ориентирами для них являлись турецкий кемализм, итальянский фашизм и немецкий национал-социализм[2].

Симпатии к Германии подпитывались также антиколониальными чувствами арабов. Посол Германии в Ираке Фриц Гробба писал в своем меморандуме 1937 г., что «наиболее распространенным основанием арабской дружбы… является признание того, что Германия — единственная европейская великая держава, достаточно сильная для того, чтобы помочь арабам, и не имеющая при этом никаких планов в отношении арабской территории»[3]. Исследователь Р. Дитрих, комментируя это высказывание, заметил, что мнения арабов в отношении немецкой политики были гораздо более разнообразными и сложными, чем предполагал Гробба, и арабское сочувствие к Германии отнюдь не было столь широко распространено, как тот утверждал[4]. Тем не менее тезис о «симпатиях» («сочувствии») арабов к Германии, иногда подкрепляемый какими-то аргументами и примерами, иногда просто постулируемый, был общим местом в нарративе немецких дипломатов об арабах и политике Германии в арабском мире, как в период Веймарской республики, так и в годы Третьего рейха.

Во время Второй мировой войны немецкая пропаганда на Ближнем Востоке и в Северной Африке предпринимала немалые усилия для мобилизации протестных настроений в этих регионах через эксплуатацию антиколониальных и националистических чувств, распространение антисемитских и антисионистских посланий и использование исламской риторики. В годы Первой мировой войны идея о «дружбе» Германии и мусульманского мира была одной из магистральных тем немецкой пропаганды; утверждение о немецко-арабской «дружбе» и отсутствии у Германии каких-либо колониальных притязаний в арабском мире являлись постоянным рефреном немецкой пропаганды в годы Второй мировой войны.

Попытка Германской империи использовать ислам в качестве оружия в борьбе со странами Антанты в период Первой мировой войны была признана неудачной, однако спустя два десятилетия после ее окончания способы рассуждений в Германии об исламе и мусульманах не претерпели больших изменений. В годы Второй мировой вой-

---

[2] *Motadel D.* The Global Authoritarian Moment and the Revolt against Empire // The American Historical Review. 2019. Vol. 124, Issue 3. P. 845–846.

[3] *Dieterich R.* Germany's Relations with Iraq and Transjordan from the Weimar Republic to the End of the Second World War // Middle Eastern Studies. 2005). Vol. 41, №4. P. 463.

[4] Ibid.

ны немецкие дипломаты дискутировали о том, какое место должен занимать ислам в пропаганде Третьего рейха на Ближнем Востоке, иногда противопоставляя ислам арабскому национализму, однако на практике немецкая пропаганда часто использовала понятия «арабы» и «мусульмане» как взаимозаменяемые, и апелляция к ним предполагала существование коллективного субъекта с единой волей, направленной на абстрактное «национальное освобождение» или освобождение «мусульманского мира»[1].

Предпринятые Германской империей в годы Первой мировой войны и Третьим рейхом в годы Второй мировой войны пропагандистские усилия на Ближнем Востоке и в Северной Африке не являлись следствием долгосрочного стратегического планирования, а были ситуативным ответом на военный кризис[2]. По мнению исследователя Дэвида Мотаделя, в случае Третьего рейха эти усилия могут рассматриваться как часть общего перехода к стратегическому прагматизму и логике тотальной мобилизации[3].

Идеология национал-социализма оказывала определяющее влияние на внешнеполитическую стратегию Третьего рейха, однако опыт немецкой пропаганды на Ближнем Востоке и в Северной Африке в годы Второй мировой войны показывает способность национал-социалистического режима проявлять гибкость (в том числе в ключевых для него идеологических вопросах) и прагматизм в тех случаях, когда это могло принести стратегическую выгоду.

В то же время противоречия, которые несла в себе немецкая политика и пропаганда в арабском мире, ограничивали ее потенциал, делали ее более уязвимой для критики как со стороны государств антигитлеровской коалиции, так и внутри арабского мира. К таким ограничителям, в частности, относились противоречия между декларируемой дружбой Германии и арабов и расовой теорией, в соответствии с которой арабы считались расово неполноценным народом; между антиколониальной риторикой немецкой пропаганды и очевидным экспансионизмом и колониальными амбициями держав «оси»; между заявлениями о стремлении Германии к «освобождению» арабских стран и нежеланием Бер-

---

1 *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3. S. 469.

2 *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014. P. 2.

3 Ibid.

лина взять на себя какие-либо обязательства в отношении признания независимости арабских стран и их права на объединение.

Ответы на вопрос о влиянии пропаганды нацистской Германии на арабское население Ближнего Востока требуют контекстуализации. Государственная пропаганда в годы Первой и Второй мировых войн распространялась в сложной, непредсказуемой и быстро менявшейся обстановке, вместе со слухами, неофициальными информационными сетями и вражеской пропагандой, что отражалось на восприятии тех или иных пропагандистских посланий[4]. Разумеется, менявшаяся ситуация на фронтах оказывала прямое влияние и на общественные настроения, и на отношение к пропаганде противоборствующих сторон. Существовала, в частности, прямая связь между восприятием Третьего рейха в странах арабского мира и немецкой пропаганды в регионе и военными успехами Германии. Последовавшие за периодом впечатляющих побед германской армии в начальный период войны неудачи и поражения (с осени 1942 г. — и в Северной Африке, и в войне с СССР) не могли не отразиться на восприятии пропаганды держав «оси» в арабском мире.

Обе мировые войны воспринимались многими мусульманами на Ближнем Востоке как «чужие войны», которые ведутся европейскими державами и участия в которых, насколько это возможно, следует избегать. Другая позиция, сформулированная радикально настроенными арабскими националистами в годы Второй мировой войны, заключалась в том, что война предоставляет шанс на освобождение их стран от колониальной зависимости. Сотрудничество со странами «оси» они рассматривали как попытку использования этого шанса. Многих националистов, выразивших поддержку Великобритании и Франции, пугала перспектива замены британского (французского) колониализма на немецкий (итальянский) колониализм.

В условиях сохранявшейся массовой неграмотности населения арабских стран радиовещание рассматривалось национал-социалистами в качестве наиболее доступного (и потенциально эффективного) инструмента пропаганды. Хотя степень эффективности пропаганды Третьего рейха на Ближнем Востоке оценивается по-разному, на эти усилия вынуждены были реагировать союзники по антигитлеровской коалиции — как путем интенсификации и нового содержательного наполне-

[4] *Fox J.* The propaganda war // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A. (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Vol. 2: Politics and Ideology. Cambridge, 2015. P. 92.

ния собственной пропаганды, так и посредством осуществления определенных политических, военных и административных шагов.

Успех пропагандистских посланий был также обусловлен их корреляцией с фундаментальными ценностями, укоренившимися системами взглядов и индивидуальной субъективностью[1]. В годы Второй мировой войны противостоящие друг другу великие державы вновь обратились к исламу в попытке завоевать сердца и умы мусульман. Привлекаемые к сотрудничеству Берлином, Римом и Токио мусульманские лидеры призывали своих единоверцев к поддержке держав «оси», в то же время другие мусульманские лидеры выступили в поддержку стран антигитлеровской коалиции. Многие мусульманские политики и духовные авторитеты заявляли, что джихад (который пытались инструментализировать как державы «оси», так и союзники) носит оборонительный и глобальный характер, а священная война ведется для защиты мусульманского мира в целом от колониальных держав[2].

Эти призывы вызывали различные, как правило, противоречивые отклики у мусульман, однако в попытках использовать «исламский фактор» в борьбе друг с другом великие державы невольно способствовали подъему мусульманского самосознания и превращению исламских движений в самостоятельных акторов на мировой сцене. Поддержка великими державами антиимперских движений, черпавших свою силу как в идеологии национализма, так и в религии, стала одной из причин крушения глобального имперского порядка.

---

1 *Fox J.* The propaganda war // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A. (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Vol. 2: Politics and Ideology. Cambridge, 2015. P. 92.

2 *Eden J.* A Soviet Jihad against Hitler: Ishan Babakhan Calls Central Asian Muslims to War // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. № 59. P. 240.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Архивные документы

Bundesarchiv-Potsdam, Auswärtiges Amt — Федеральный архив (Потсдам), Фонд министерства иностранных дел: F 62323, FC 62322, FC 62320, FC 64100, 4927, 4928, FC 15451, F 17598, F 4925, F 4030, F 15124, FC 15124, FC 15451, F 17598, 14009, F 14882, 611174, F 13300, 57630.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Bonn) — Политический архив Министерства иностранных дел (Бонн): R 21667.

Bundesarchiv-Potsdam, Persönlicher Stab Reichsführer SS — Федеральный архив (Потсдам), Личный штаб рейхсфюрера СС: F 3347.

Public Records Office. Fond Foreign Office. Управление государственных архивов (Лондон). Фонд министерства иностранных дел: 371/6463–122616.

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151, Ф. 133.

Российский государственный военный архив. Ф. 500 к, Ф. 1363 к. Ф. 1493 к.

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1399, Ф. 1396.

2. Опубликованные документы

1. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1: Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе (1933–1941). М.: Наука, 1973.

2. *Казанджян Р.* Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920–1922). М.: ИВ РАН, 1996.

3. «Победит тот, кто будет владеть Востоком»: Из дневника немецкого разведчика Ф. Майера. Иран 1941–1942 гг. / Публ. А. Б. Оришева // Отечественные архивы. 2003. № 3.

4. Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. М.: МФД, 2011.

5. *Тихонов Ю.Н.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. Новые архивные документы // Восточный архив. 2010. № 2 (22).

6. *Тихонов Ю.Н.* «Ключ к мировой революции находится в Индии». Меморандум А. Джемаль-паши советскому правительству. 1921 // Исторический архив. 2002. № 5.

7. *Тихонов Ю.Н.* Неизвестное письмо А. Джемаль-паши наркому Г.В. Чичерину // Восточный архив. 2017. № 1 (35).

8. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. (далее: ADAP). Serie D: 1937–1945. Bd. 11. P.2. Б. м. 1964.

9. ADAP. Serie D: 1937–1945. Bd. 12. P.1. Frankfurt a. M. 1963.

10. Archives Diplomatiques (Дипломатические архивы), Serie Levant (Серия Левант). 1918–1940. Turquie (Турция). Vol. 561.

11. *Çabuk M.* Cihan Harbi'nde Sudan'daki Osmanlı Faaliyetleri ve Şeyhülislam'ın Cihat Mektubu // Türkiyat Mecmuası. 2017. C. 27/1.

12. Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. The British Commonwealth; the Near East and Africa. Volume III. Washington, D. C.: U.S. Government Printing Office, 1941.

13. *Goebbels J.* Tagebücher, 1924–1945; in 5 Bd.; hrsg. von Ralf Georg Reuth. Bd. 4: 1940–1942, 4. Aufl. München; Zürich: Piper, 2008.

14. *Grobba F.* Die deutsche Ausnutzung der arabischen Eingeborenenbewegung im zweiten Weltkrieg // Foreign Military Manuscripts, National Archives: German Exploitation of Arab Nationalist Movements. 1957.

15. *Hagen G.* Die Turkei im Ersten Weltkrieg, Flugblatter und Flugschriften in arabischer, persischer und osmanischturkischer Sprache aus einer Sammlung der Universitat Bibliothek Heidelberg Eingeleiter, uberstzt und kommentiert. Frankfurt am Main; Bern; N. Y.: Peter Lang, 1990.

16. Hentig's note, Berlin. Januery 7th, 1938 — K864 / K220349–50. URL: https://www.zmo.de/biblio/nachlass/intern/hoepp/int01_12/01_12_004.pdf

17. *Herf J.* Hitlers Dschihad. Nationalsozialistische Rundfunkpropaganda für Nordafrika und den Nahen Osten // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2010. 58 (2).

18. *Höpp G.* (ed.), Mufti-Papiere: Briefe, Memoranden, Reden und Aufrufe Amin al-Husainis aus dem Exil, 1940–1945. Berlin, 2002.

19. *Kirchner, Klaus* Flugblätter aus Deutschland 1939/1940. Erlangen: Verl. D+C. 1982.

20. *Schwanitz Wolfgang G.* Max von Oppenheim und der Heilige Krieg. Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940 // Sozial. Geschichte. 2004. № 19 (3).

21. *Epkenhans T.* Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // Archivum Ottomanicum. 2001. № 19.

3. Мемуары

1. *Вильгельм II.* Мемуары. События и люди. 1878–1918. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. Отто Бисмарк. Вильгельм II. Воспоминания и мысли / Пер. с нем. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007.

2. *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1914–1915. М.: АСТ, 2002.

3. *Радек К.* Ноябрь. Страничка из воспоминаний // Красная новь. 1926. № 10.

4. *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 3 кн. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. I.

5. *Djemal A.* Memories of a Turkish statesman — 1913–1919. New York: George H. Doran Company, 1922.

6. *Enver Pascha* Um Tripolis: Feld-Ausgabe. Munchen: Hugo Bruckmann Verlag, 1918.

7. Grobba F. Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatischer Tätigkeit im Orient. Göttingen: Musterschmidt-Verlag, 1967.

8. *Hentig Werner Otto von.* Mein Leben — eine Dienstreise. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963.

9. *Prüfer C.* Germany's covert war in the Middle East: espionage, propaganda and diplomacy in World. London: I. B. Tauris, 2018.

10. *Sanders O. Liman von.* Funf Jahre Turkei. Berlin: Avgust Scherl, 1919.

11. *Schabinger von Schowingen K. E.* Weltgeschichtliche Mosaiksplitter: Erlebnisse und Erinnerungen eines kaiserlichen Dragomans. Baden-Baden: Selbstverlag, 1967.

4. Периодика

1. *Arslan S.* Das Osmanische Reich // Süddeutsche Monatshefte. 1918. № 10. Jg. 15.

2. *Arslan S.* Die Araber und die Engländer // Der Neue Orient. 1917. Bd. 1. № 6.

3. *Arslan S.* Die Notwendigkeit kolonialer Ausdehnung für das deutsche Reich // Rheinisch-Westfälische Zeitung. 1917. № 895. Nov. 10.

4. *Arslan S.* Was Syrien vom Kriege erwartet // Der Neue Orient. 1917. Bd. 2. № 1.

5. *Becker C. H.* Deutschland und der Heilige Krieg // Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. 1915. № 9.

6. *Becker C. H.* Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) // Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien. 1932. Zweiter Band.

7. Dementi der Gerüchte über Enver Pascha // Liwa-el-islam. 1922. № 1–2.

8. Die Verschwörung der Kemalisten gegen den Islam: die wahre Bedeutung des Khalifats; Erklärung der «Shura» und Vertreter anderer organisierter Körperschaften / Mohammed Jabbar Kheiri. Berlin: Morgen- und Abendland-Verlag, 1924.

9. *Galli Gottfried*. Dschihad. Der Heilige Krieg des Islams und seine Bedeutung im Weltkriege unter besonderer Berücksichtigung der Interessen Deutschlands. Freiburg: Troemer, 1915.

10. *Hurgronje C. Snouck* The Holy War, «Made in Germany». New York and London, 1915. URL: http://en.wikisource.org/wiki/The_Holy_War,_Made_in_Germany.

11. Kriegsurkunden. Funf Fatwas osmanischer Geistlicher zur Kriegserklarung des Kalifen // Die Welt des Islams. 1915. Band III, Heft 1.

12. Salih Aschscharif. Attunisi Die Wahrheit über den Glaubenskrieg. Berlin: Verlag Dietrich Reimer, 1915.

13. Vortrag des Herrn Prof. D. Dr. Richter: «Der Krieg und der Islam» // Die Welt des Islams. 1915. Band III, Heft 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айрапетов О.* Решающие дни для Болгарии: август-сентябрь 1915. Политика. Из истории политики и дипломатии // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/polit/1954459.html.

2. *Алексеев И.* URL: http://www.gazeta.ru/science/2011/06/20_a_3668461.shtml.

3. *Алимова А. Н.* Антун Сааде и идеология пансирианизма // Ислам в современном мире. 2018. 14 (1).

4. *Арабаджян З.* А. Иран*:* противостояние империям (1918–1941). М.: ИВ РАН, 1996.

5. *Бартольд В. В.* Халиф и султан: Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. VI.

6. *Беляков В. В.* И это все о нем. Штрихи к портрету А. А. Смирнова // Восточный архив. 2009. № 1 (19).

7. *Васильев А. Д.* Османская разведка и национально-освободительное движение в Индии в годы Первой мировой войны // Vitaleus: Сб. ст. в честь юбилея В. И. Шеремета. М.: ИВ РАН, 2010.

8. *Вдовиченко Д. И.* Энвер-паша // Вопросы истории. 1997. № 8.

9. *Винклер Г. А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013.

10. Гатауллина Л. Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915–1916 гг.) (по материалам архи-

ва Министерства иностранных дел Германии) // Учен. зап. Казан. ун-та. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2.

11. *Гиленсен Б.М.* Сотрудничество Красной Москвы с Энвер-пашой и Джемаль-пашой // Восток (Oriens). 1996. № 3..

12. *Гилязов И.* Национал-социалисты и ислам в Германии // Мир ислама. 1999. № 1.

13. *Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р.* Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). Казань: Тат. кн. изд-во, 2014.

14. *Гилязов И.А.* Германская служба информации по Востоку и организация печатной пропаганды среди мусульманских народов России в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44).

15. *Гилязов И.А.* «Священная война — джихад» как инструмент военно-политической стратегии Германии в годы Первой мировой войны // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения: Сб. ст. Междунар. конф. Казань, 2015.

16. *Егорин А.З., Миронова Г.В.* Сенуситы в истории Ливии. М.: ИВ РАН, 2006.

17. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.

18. *Кардини Ф.* Европа и ислам: история непонимания. СПб.: Alexandria, 2007.

19. *Колоницкий Б.* Кайзер и джихад. Как Германская империя пыталась организовать исламскую революцию. URL: https://republic.ru/posts/91825.

20. *Конрад С.* Что такое глобальная история? М.: НЛО, 2018.

21. *Курныкин О.Ю.* Русско-турецкие войны XVIII — начала XX в. и российские мусульмане // Война и мир в истории Европы: сб. науч. ст. памяти проф. Е.П. Глушанина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007.

22. *Ланда Р.Г.* Вторая мировая война и страны Магриба // Народы Азии и Африки. 1985. № 1.

23. *Ланда Р.Г.* История Туниса. XX век. М.: ИВ РАН, 2017.

24. *Ланда Р.Г.* Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток. 2004. № 1.

25. *Лившин А., Орлов И.* Советское «пропагандистское государство» в годы II мировой войны: ресурсные ограничения и коммуникативные возможности // The Soviet and Post-Soviet Review. 2012. № 39.

26. *Малашенко А.* Исламисты хлопают дверью? // Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004.

27. *Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламский проект. М.: Весь Мир, 2006.

28. *Медяков А.С.* «Пробуждение Востока»: Османская империя в немецкой пропагандистской открытке эпохи Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5.

29. *Миллер А.И.* Империя и современный мир — некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука. 2004. № 3.

30. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006.

31. *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016.

32. *Наумкин В.* Компьютерные джихадисты Ближнего Востока. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompyuternye-dzhikhadisty-blizhnego-vostoka/.

33. *Наумкин В.* Нужно ли присоединять Россию к соглашению Сайкса — Пико? URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/.

34. Наумкин В.В. Некоторые аспекты дипломатического соперничества Советского Союза и Великобритании в Аравии в1920-е гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 2.

35. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 71.

36. *Оганесян Н.О.* Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны (1939–1945). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980.

37. *Оганисьян Ю.* Абд-аль-Кадир. М.: Молодая гвардия, 1968.

38. *Оришев А.Б.* Политика нацистской Германии в Иране. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.

39. *Оришев А.Б., Ряполов В.В.* Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

40. *Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: История XIX века. Главы из книги // Ab Imperio. 2011. № 3.

41. *Панин С.Б.* Германо-турецкая миссия в Афганистане в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 10.

42. Первая мировая война в «восточном измерении»: Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2014.

43. *Пир-Будагова Э.П.* История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015.

44. Резван Е.А. Милла // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, 1991.

45. *Ридер А.* Сравнивая континентальные империи. Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое издательство, 2004.

46. *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

47. *Родионов М.А.*, *Сарабьев А.*В. Марониты: традиции, история, политика. М.: ИВ РАН, 2013.

48. *Романько О.В.* Арабы в германских вооруженных силах (1941–1943): политический и военный аспекты вопроса // Культура народов Причерноморья. 1999. № 8.

49. *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М.: АСТ, 2004.

50. *Рудаков Ю.М.* Германия и арабский восток в конце XIX — начале XX века. М.: Академия гуманитарных исследований: Гуманитарий, 2006.

51. Саид Э. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

52. *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1976.

53. Слухи о заговорах опаснее заговоров: Историк Борис Колоницкий — о конспирологии. Беседовала Ольга Филина // Огонек. 2016. № 29.

54. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / Отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2010.

55. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М., 2019.

56. *Сюкияйнен Л.*Р. Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате // Право. 2016. № 3.

57. *Тихонов Ю.Н.* Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

58. *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк: ИНФОРМ, 2007.

59. *Тихонов Ю.Н.* «Революционная миссия» Джемаль-паши в Афганистане (1920–1922) // VITALEUS: Сб. ст., посвященный 70-летию В.И. Шеремета. М.: ИВ РАН, 2010.

60. *Усманова Д.* Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 2016. Т. 37.

61. *Френкель М.Ю.* Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940–1942 гг. // Восток. 1995. № 1.

62. *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999.

63. *Хоу С.* Запад и все остальные // Ab Imperio. 2011. № 1.

64. *Шерстюков С.А.* «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха / под науч. ред. О.Ю. Курныкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.

65. *Achcar G.* The Arabs and the Holocaust: The Arab-Israeli War of Narratives. New York: Metropolitan Books, 2010.

66. *Adal R.* Constructing transnational Islam: the East-West network of Shakib Arslan // Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation, and Communication. London; New York: Routledge, 2006.

67. *Adal R.* Shakib Arslan's Imagining of Europe: The Coloniser, the Inquisitor, the Islamic, the Virtuous, and the Friend // Islam in Interwar Europe. London: Hurst & Company, 2008.

68. *Ageron Ch.-R.* Les Populations du Maghreb face a la propagande Allemande // Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1979. № 114.

69. *Ahmad F.* The Dilemmas of Young Turk Policy, 1914–1918 // War and collapse: World War I and the Ottoman State / ed. by M. Hakan Yavuz with Feroz Ahmad. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2016.

70. *Aksakal M.* Holy War Made in Germany? Ottoman Origins of the 1914 Jihad // War in History. 2011. № 18 (2).

71. *Aksakal M.* The Ottoman Empire // Gerwarth R., Manela E. Empires at War: 1911–1923. Oxford, Cambridge University Press, 2014.

72. *Aksakal M.* The Ottoman Empire // The Cambridge History of the First World War. Ed. by Jay Winter. Chapter 17. Oxford: Cambridge University Press. 2014.

73. *Andurain Julie (d') and Drieu Cloe.* Beyond the European stage of 14–18; The other Great War in the Muslim world // Revue des mondes musulmans et de la Mediterranee. 2017. Vol 141.

74. An Emerging Modern World 1750–1870. Ed. by Sebastian Conrad, Jürgen Osterhammel. Cambridge: Harvard University Press, 2018.

75. Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945 // Geschichte und Gesellschaft. 37. Jahrg., H. 3.

76. *Arielli N.* Fascist Italy and the Middle East, 1933–40. Basingstoke. UK: Palgrave Macmillan, 2010.

77. *Arsenian S.* Wartime Propaganda in the Middle East // Middle East Journal. 1948. Vol. 2, № 4.

78. *Atçıl A.* Decentralization, Imperialism, and Ottoman Sovereignty in the Arab Lands before 1914: Shakīb Arslān's Polemic against the Decentralization Party // Welt des Islams. 2013. Vol. 53, № 1.

79. *Aydin Cemil.* The Idea of the Muslim World: A Global Intellectual History. Cambridge: Harvard University Press, 2017.

80. *Baida J.* Le Maroc et la propagande du IIIeme Reich // Hesperis-Tamuda. 1990. Vol. 28.

81. *Barbour N.* Broadcasting to the Arab World: Arabic Transmissions from the B. B. C. and Other Non-Arab Stations // Middle East Journal. 1951. Vol. 5, № 1.

82. *Barr J.* A Line in the Sand. Britain, France and the Struggle that shaped the Middle-East. London: Simon & Schuster, 2011.

83. *Behlül* Ö. Ottomanism and the Ottoman Vatan (1908–1918) // War and collapse: World War I and the Ottoman State / ed. by M. Hakan Yavuz with Feroz Ahmad. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2016.

84. *Bessis Juliette* Chekib Arslan et les mouvements nationalistes au Maghreb // Revue Historique. 1978. H. 526.

85. Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus. Herausgegeben von Gerhard Höpp, Peter Wien und Rene Wildangel. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004.

86. *Bosworth C. E.* Al-Sham // Encyclopaedia of Islam. Edited by C. E. Bosworth, E. Van Donzel, W. P. Heinrichs and G. Lecomte; Assisted by PJ. Bearman and Mme S. Nurit. Vol. VIII. Ned — Sam. Leiden: BRILL, 1995.

87. *Bragulla M.* Die Nachrichtenstelle für den Orient: Fallstudie einer Propagandainstitution im Ersten Weltkrieg. Saarbrücken: VDM, 2007.

88. Bray B., Darlow M. Ibn Saud: The Desert Warrior Who Created the Kingdom of Saudi Arabia. NewYork: Skyhorse Publishing, 2012.

89. *Burke E.* Moroccan Resistance, Pan-Islam and German War Strategy, 1914–1918 // Francia. 1975. № 3.

90. *Caesar E. F.* Great Breat, German and the Ottoman Caliphate // Der Islam. 1989. Vol. 66, № 2.

91. *Carr E. H.* Radek's Political Salon in Berlin 1919 // Soviet Studies. 1952. Vol. 3, № 4.

92. *Charles D. H.* The desperate Ottoman: Enver Paşa and the German empire: II. Middle Eastern Studies. 1994. Vol. 30. Issue 2.

93. *Çiçek M. Talha.* Arab Supporters of the Belligerent Countries // 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin: Freie Universität, 2014.

94. *Cleveland W. L.* Islam against the West: Shakib Arslan and the campaign for Islamic nationalism. London: Al saqi Books, 1985.

95. *Cleveland W. L.* Shakib Arslan // Encyclopaedia of Islam. Leiden: BRILL, 1997. Vol. IX.

96. *Conrad S.* Globalisation and the Nation in Imperial Germany. Cambridge, 2010.

97. *Conrad S., Osterhammel J.,* eds. Das Kaiserreich trans-national: Deutschland in der Welt 1871–1914, Göttingen, 2004.

98. *Cornwall Mark* The Undermining of Austria — Hungary: The battle for Hearts and Minds. London: Macmillan press, 2000.

99. *Cruickshank A.*A. The young Turk challenge in postwar Turkey // The Middle East Journal. 1968. Vol. 22, № 1.

100. *Dahlhaus F.* Möglichkeiten und Grenzen auswärtiger Kultur- und Pressepolitik dargestellt am Beispiel der deutsch-türkischen Beziehungen 1914–1928. Frankfurt am Main, 1990.

101. *Dieterich R.* Germany's Relations with Iraq and Transjordan from the Weimar Republic to the End of the Second World War // Middle Eastern Studies. 2005. Vol. 41, № 4.

102. *Dumont P.* La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16, № 2.

103. *Eden J.* A Soviet Jihad against Hitler: Ishan Babakhan Calls Central Asian Muslims to War // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. № 59.

104. *Eichholtz D.* Krieg um Öl. Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel 1938–1943. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006.

105. *Essner Cornelia* und *Winkelhane Gerd.* Carl Heinrich Becker (1876–1933). Orientalist und Kulturpolitiker // Die Welt des Islams. 1988. № 28.

106. *Fabel S.* La Politica Maghrebina del Terzo Reich. Parma: Quaderni del Veltro, 1989.

107. Faszination Orient. Max von Oppenheim: Forscher, Sammler, Diplomat, ed. G. Teichmann und G. Vögler. Köln: Du Mont, 2001.

108. *Ferris J.* The British Empire vs. The Hidden Hand: British Intelligence and Strategy and «The CUP-Jew — German-Bolshevik combination», 1918–1924 // Neilson K., Kennedy G., (eds.): The British Way in Warfare: Power and the International System, 1856–1956. Farnham, 2010.

109. *Fikriye K.* Arab intellectuals under the Young Turks: a comparative-historical analysis on memoirs (1908–1918). PhD Dissertation, İstanbul: İstanbul Şehir Üniversitesi, 2013.

110. *Fox J.* The propaganda war // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A. (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

111. *Freitag U., Gershoni I.* The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. 2011. 37 Jahrg. H. 3.

112. *Gensicke K.* Der Mufti von Jerusalem und die Nationalsozialisten. Eine politische Biographie Amin el-Husseinis. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007.

113. *Gershovich M.* Scherifenstern und Hakenkreuz. Marokkanische Soldaten im Zweiten Weltkrieg // Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus. Herausgegeben von Gerhard Höpp, Peter Wien und Rene Wildangel. Berlin, 2004.

114. Gershoni I. Why the Muslims Must Fight against Nazi Germany: Muhammad Najâtî Sidqfs Plea // Die Welt des Islams. 2012. № 52.

115. *Gerwarth R., Manela E.* Empires at War: 1911–1923. Oxford, 2014.

116. *Gilyazov I.* Germany and its plans for «revolutionization» of the Islamic World during World War I // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. Special Issue.

117. *Glenda F.* Enver Pasha's Bid for Turkestan, 1920–1922 // Canadian Journal of History. 1988. Vol. 22.

118. Gökpinar H. Deutsch-türkische Beziehungen 1890–1914 und die Rolle Enver Paschas., Marburg: Tectum-Verl, 2011.

119. *Goldenbaum H.* Nationalsozialismus als Antikolonialismus. Die deutsche Rundfunkpropaganda für die arabische Welt // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2016. Vol. 64, Issue 3.

120. *Gossman L.* The Passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge: Open Book, 2013. URL: http://www.openbookpublishers.com/htmlreader/TPOMVO/chapter04.html.

121. Götz N., Umar R. (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York: Palgrave Macmillan, 2014;

122. *Gupta D.* The Raj in radio wars. BBC Monitoring Reports on Broadcasts for Indian Audiences During the Second World War // Media History. 2019. № 25.

123. Habermas R. Debates on Islam in Imperial Germany // Islam and the European Empires, ed. by David Motadel. Oxford: Oxford University Press, 2014.

124. *Haddad A., George M.* Napoleonic Arabic Fragment of Anti-Russian Propaganda in the Ottoman Empire // The Muslim World. 1981. V. 71, № 2.

125. *Hagen G.* Die Türkei im Ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1988.

126. *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. № 24 (2).

127. *Hale J.* Radio Power. Propaganda and International Broadcasting. London, 1975.

128. *Hanisch L.* Ausgegrenzte Kompetenz. Porträts vertriebener Orientalisten und Orientalistinnen 1933–1945. Bamberg, 2001.

129. *Havemann A.* Between ottoman loyalty and arab independence: Muhammad Kurd Alī, Ğirğī Zaydān, and Šakīb Arslān // Quaderni di Studi Arabi. 1987–1988. № 5–6.

130. *Heather J.* German Empire // Gerwarth R., Manela E. Empires at War: 1911–1923. Oxford, 2014.

131. *Heather J.* Imperial Captivities: Colonial Prisoners of War in Germany and the Ottoman Empire, 1914–1918 // Race, Empire and First World War Writing, edited by Santanu Das. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

132. *Heike Liebau* et al., eds. The World in World Wars: Experiences and Perspectives from Africa and Asia. Leiden, 2010.

133. *Heine P.* El Dschihad (Al-Gihād) — eine deutsche Propagandazeitung im 1. Weltkrieg. Die Welt des Islams. 1980. XX: 3–4.

134. *Heine P.* Die «Nachrichtenstelle für den Orient» und die deutsche Öffentlichkeit // Spektrum Iran: Zeitschrift für islamisch-iranische Kultur. 2006. Vol. 19, № 2.

135. *Heine P.* Sālih aš Šarīf at Tūnisi, a North African Nationalist in Berlin during the First World War // Revue l`Occident Musulman et la Mèditerranèe. 1982. Vol. 33.

136. *Heine P.* C. Snouck Hurgronje versus C. H. Becker. Ein Beitrag zur Geschichte der angewandten Orientalistik // Die Welt des Islams, New Series. 1984. Bd. 23/24.

137. *Henßler V.* «Das Werk des Propheten vollenden». Die Auslandspropaganda der Nationalisten in die arabisch-islamische Welt // Blätter des informationszentrums 3.welt. 2010. № 320.

138. *Herf J.* Nazi Germany Propaganda Aimed at Arabs and Muslims During World War II and the Holocaust: Old Themes, New Archival Findings // Central European History. 2009. Vol. 42, No. 4.

139. *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. New Hawen: Yale University Press, 2009.

140. *Herf J.* Nazi Propaganda to the Arab World During World War II and the Holocaust: and Its Aftereffects // McElligott A., Herf J. (eds). Antisemitism Before and Since the Holocaust. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.

141. *Herf J.* The Jewish Enemy: Nazi Propaganda During World War II and the Holocaust. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

142. *Hildebrand K.* The Foreign Policy of the Third Reich. Translated by Anthony Fothergill. Berkeley: University of California Press, 1973.

143. *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London-Toronto: Routledge and Kegan Paul, 1966.

144. Hitler's Muslim stop-gaps. Interview with historian David Motadel. URL: https://en.qantara.de/content/interview-with-historian-david-motadel-hitlers-muslim-stop-gaps.

145. *Hopkirk P.* Östlich von Konstantinopel. Kaiser Wilhelms Heiliger Krieg um die Macht im Orient. Wien, Munich: Europaverlag, 1996.

146. *Höpp G.* Araber im Zweiten Weltkrieg. Kollaboration oder Patriotismus? // Wolfgang Schwanitz (Hrsg.): Jenseits der Legenden: Araber, Juden, Deutsche. Berlin: Dietz, 1994.

147. *Höpp G.* Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriß und Bibliographie. Berlin: Das Arabische Buch, 1994.

148. *Höpp G.* Der Koran als «Geheime Reichssache». Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945 // Gnosisforschung und Religionsgeschichte. Festschriften für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag. Hrsg. Holger Preißler und Hubert Seiwert. Marburg: Diagonal-Verlag, 1994.

149. *Höpp G.* Die Wünsdorfer Moschee: Eine Episode islamischen Lebens in Deutschland // Die Welt des Islams. 1996. № 36.

150. *Höpp G.Z.* Entente und Mittelmächten: arabische Nationalisten und Panislamisten in Deutschland (1914 bis 1918) // Asien, Afrika, Lateinamerika: Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien-, Afrika- und Lateinamerikawissenschaften in der DDR. 1991. Vol. 5.

151. *Höpp G.* Frontenwechsel: Muslimische Deserteure im Ersten und Zweiten Weltkrieg und in der Zwischenkriegszeit // Höpp, G. / Reinwald, B. (Hg.): Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen, 1914–1945. Berlin: Verlag Das Arabische Buch, 2000..

152. *Höpp G.* Kollaboration oder Patriotismus? Araber zwischen Anti-Hitler-Koalition and Achse. URl: https://www.zmo.de/biblio/nachlass/intern/hoepp/int04_04/04_04_049.pdf

153. *Höpp G.* Muslime in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924. Berlin: Das Arabische Buch, 1997.

154. *Höpp G.* Orientalist mit Konsequenz: Georg Kampffmeyer und die Muslime // Rainer Flasche, Fritz Heinrich, Carsten Koch (ed.). Religionswissenschaft in Konsequenz. Beiträge im Anschluß an Impulse von Kurt Rudolph. Hamburg: Lit, 2000.

155. *Höpp G.* Zwischen allen fronten. Der ägyptische Nationalist Mansūr Rifat 1883–1926 in Deutschland // Ägypten und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert im Spiegel von Archivalien, ed. by Wageh Atek and Wolfgang Schwanitz. Cairo: Dār al-Thaqāfa, 1998.

156. *Höpp G., Wien P., Wildangel R.* (Hg.) Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004.

157. *Hörner K.* Das Islambild der Deutschen: Von Goethe bis Karl May // G. Rotter (Hrsg.). Die Welten des Islam. Frankfurt. 1993.

158. Islam and the European Empires, ed. by David Motadel. Oxford: Oxford University Press, 2014.

159. *Issawi el F., Baumann G.* The BBC Arabic Service: Changing Political Mediascapes // Middle East Journal of Culture and Communication. 2010. № 3.

160. *Jehuda D. Wallach (ed.),* Germany and the Middle East, 1835–1939. Tel Aviv: Institute of German History, 1975.

161. *Jenkins J.* Fritz Fischer's «Programme for Revolution»: Implications for a Global History of Germany in the First World War // Journal of Contemporary History. 2013. № 48 (2).

162. Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Ed. by Erik-Jan Zurcher. Leiden: Leiden University Press, 2016.

163. *Johnson, Robert and Kitchen, James E.* eds. The Great War in the Middle East. A Clash of Empires. London: Routledge, 2019.

164. Jowett G. S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. Fifth Edition. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC: SAGE, 2012.

165. *Kampen W. v.* Studien zu deutschen Turkeipolitik in der Zeit Wilhelm II. Kiel: Christian-Albrechts-Universität, 1968.

166. *Kahleyss U.* Muslime in Brandenburg Kriegsgefangene in 1. Weltkrieg: Ansichten und Absichten. Berlin, 1998.

167. *Kahleyss M.* Muslimische Kriegsgefangene in Deutschland im Ersten Weltkrieg. Ansichten und Absichten // Höpp G., Reinwald, B. (Hg.), Fremdeinsätze. Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen, 1914–1945. Berlin: Das Arabische Buch, 2000.

168. *Kehoe J. T.* Living Propaganda and Self-Serving Recruitment: The Nazi Rationale for the German-Arab Training Unit, May 1941 to May 1943 // War in History. 2017. Vol. 24 (4).

169. *Keleşyılmaz Vahdet* Teşkilat-ı Mahsusa ve Cermen Esir Kamplarında Tatarlar // Atatürk Yolu Dergisi. 2000. 6 (21).

170. *Kelleher R., Storey W.* The First World War: A Concise Global History. New York, 2010.

171. Kemalists & Pan-Islamism // FO. 371 / 6463–122616.

172. *Khalid A.* Pan-Islamism in Practice. The Rhetoric of Muslim Unity and its Uses // Elisabeth Ozdalgaed. Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy, SOAS / RoutledgeCurzon Studies on the Middle East. L.; N. Y.: RoutledgeCurzon, 2005. P. 203.

173. *Kol M.* Birinci Dunya Savaşı'nda psikolojik bir operasyon olarak Cihad-ı Ekberilanı. İstanbul Bilgi Universitesi.Yuksek lisans tezi. İstanbul, 2017.

174. *Koller C.* Frankfurt — Berlin — Rheinland: vom ethnologischen «Material» zur «schauerlichen Gefahr» — afrikanische Kriegsgefangene und Besatzungssoldaten in Deutschland (1870–1945) // Van der Heyden U., Zeller J. Kolonialismus hierzulande: eine Spurensuche in Deutschland. Erfurt, 2008.

175. *Kon Kadir.* Almanya'nin Islâm Stratejisi Mimarlarindan Max von Oppenheim ve Bu Konudaki Üç Memorandumu // Tarih Dergisi. 2012. № 53 (2011).

176. *Koop V.* Hitlers Muslime. Die Geschichte einer unheiligen Allianz. Berlin: Bebra Verlag, 2012.

177.Köroglu E. Ottoman Propaganda and Turkish Identity: Literature in Turkey During. London, New York: I. B. Tauris & Co Ltd, 2007.

178. *Kramer M.* Islam Assembled: The Advent of Muslim Congress. New-York: Columbia University Press, 1986.

179. *Kreutzer S.* Dschihad für den deutschen Kaiser: Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz: Ares, 2012.;

180. *Kröger M.* Max von Oppenheim im Auswärtigen Dienst, Lecture. Historische Gesellschaft of the Deutsche Bank. 2010. June. URL: http://www.bankgeschichte.de/de/docs/Vortrag_Kroeger.pdf.

181. *Krug S.* Nachrichtenstelle für den Orient (2015). URL: http://www.mwme.eu/essays/index.html.

182. *Kruger H.* Die Nachrichtenstelle für den Orient in Berlin. Original, maschinengeschrieben.

183. *Kuck N.* Anti-colonialism in a Post-Imperial Environment — The Case of Berlin, 1914–33 // Journal of Contemporary History. 2014. Vol. 49 (1).

184. *Kuntzel M.* Von Zeesen bis Beirut. Nationalsozialismus und Antisemitismus in der arabischen Welt // Doron Rabinovici, Ulrich Speck, Natan Sznaider (Hrsg.). Neuer Antisemitismus? Eine globale Debatte. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004.

185. Letters between Hussein Ibn Ali and Sir Henry Mcmahon. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Letters_between_Hussein_Ibn_Ali_and_Sir_Henry_Mcmahon.

186. *Liman von Sanders O.* Funf Jahre Turkei. Berlin: Avgust Scherl, 1919.

187. *Loimeier R.* Edward Said und der Deutschsprachige Orientalismus: Eine Kritische Würdigung // Stichproben. Wiener Zeitschrift für kritische Afrikastudien. 2001, № 2. Jg. 1.

188. *Luca Anthony R.* De «Der Grossmufti» in Berlin: The Politics of Collaboration // International Journal of Middle East Studies. 1979. Vol. 10, № 1.

189. *Ludke T.* (Not) Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Edited by Erik-Jan Zürcher. Leiden: Leiden University Press, 2016.

190. *Lüdke T.* Jihad, Holy War (Ottoman Empire) // 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War, ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, and B. Nasson. Berlin: Freie Universität Berlin, 2014.

191. *Lüdke T.* Jihad made in Germany. Ottoman and German propaganda and intelligence operations in the First World War. Berlin: Lit, 2005.

192. *Ludke T.* Strange Fronts, Strange Wars: Germany's Battle for «Islam» in the Middle East during the First World War, and British Reactions // Joachim Burgschwentner, Matthias Egger, Gunda Barth-Scalmani, eds., Other Fronts, Other Wars? First World War Studies on the Eve of the Centennial. Leiden / Boston: Brill, 2014.

193. *Mallmann K.-M. and Cüppers M.* «Elimination of the Jewish National Home in Palestine»: The Einsatzkommando of the Panzer Army Africa, 1942 // Yad Vashem Studies. 2007. № 35 (1).

194.Mallmann K.-M., Cüppers M. Halbmond und Hakenkreuz. Das «Dritte Reich», die Araber und Palästina. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006.

195. *Manela E.* The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. New York: Oxford University Press, 2007.

196. *Mangold-Will S.* Begrenzte Freundschaft. Deutschland und die Türkei 1918–1933 (Moderne Europäische Geschichte, Bd. 5). Göttingen: Wallstein Verlag, 2013.

197. *Manjapra Kris K.* The illusions of encounter: Muslim «minds' and Hindu revolutionaries in First World War Germany and after // Journal of Global History. 2006. № 1.

198. *Martin C. Thomas* The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940–1944 // French Historical Studies. 2002. Vol. 25, № 4.

199. *Marx Ch.* «Dear Listeners in South Africa»: German Propaganda Broadcasts to South Africa, 1940–1941 // South African Historical Journal. 1992. Vol. 27, № 1.

200. *Masalha N.* Faisal's Pan-Arabism, 1921–33 // Middle Eastern Studies. 1991. № 27 (4).

201. *Mauro P.* Politica islamica e propaganda fascista in Siria e Libano (1932–1940): Doctoral Thesis. Universita» degli Studi di Cagliari, 2012.

202. *McKale D.M.* Germany and the Arab Question in the First World War // Middle Eastern Studies. 1993. Vol. 29, № 2.

203. *McKale Donald M.* War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I. Kent, OH: The Kent State University Press, 2008. Reviewed by Wolfgang G. Schwanitz.

204. McMeekin *S.* The Berlin-Baghdad Express: The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2010.

205. Mejcher H. North Africa in the Strategy and Politics of the Axis Powers, 1936–1943 // Les Cahiers de Tunisie. 1981. Vol. 117–118, № 3–4.

206. *Melka R.L.* Max Freiherr von Oppenheim: Sixty Years of Scholarship and Political Intrigue in the Middle East // Middle Eastern. 1973. Vol. 9. № 1.

207. *Morrow John H.Jr.,* The Great War: An Imperial History. London, 2004.

208. *Motadel D.* Islam and European Empires // The Historical Journal. 2012. Vol. 55, Issue 3.

209. *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2014.

210. *Motadel D.* The Global Authoritarian Moment and the Revolt against Empire // The American Historical Review. 2019. Vol. 124, Issue 3.

211. *Motadel D.* The Making of Muslim Communities in Western Europe, 1914–1939 // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

212. *Motadel D.* The Muslim world in the Second World War // Bosworth, Richard and Maiolo, Joseph A., (eds.). The Cambridge History of the Second World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

213. *Müller H.* Islam, «Ǧihād» und Deutsches Reich: Ein Nachspiel zur wilhelminischen Weltpolitik im Maghreb 1914–1918. Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris: Peter Lang, 1991.

214. Muslims in interwar Europe: a transcultural historical perspective. Leiden; Boston: Brill, 2016.

215. *Nahmad H.M.* The Third Reich and the Arab East // The Wiener Library Bulletin. 1967. 21 (2).

216. *Naour J.-Y.* Le Djihad 1914–1918. La France face au panislamisme. Paris: Perrin, 2017.

217. *Nicosia Francis R.* Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939. Ideological and Strategic Incompatibility // The International Journal of Middle East Studies. 1980. № 12.

218. *Nicosia Francis R.* Nazi Germany and the Arab World. New York: Cambridge University Press, 2015.

219. *Nordbruch G.* «Cultural Fusion» of Thought and Ambitions? Memory, Politics and the History of Arab-Nazi German Encounters // Middle Eastern Studies. 2011. № 47.

220. *Nordbruch G.* Nazism in Syria and Lebanon. The Ambivalence of the German Option, 1933–1945. New York: Routledge, 2008.

221. *Nordbruch G., Ryad U.* Introduction: Toward a Transnational History of Islam and Muslims in Interwar Europe // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

222. *Norman D.* Islam and the West. The Making of an Image. Oxford, 1993.

223. Not All Quiet on the Ottoman Fronts, Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918, reviewed by Zaur Gasimov. URL: https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=42037.

224. *Oberhaus S.* Des Kaisers Heiliger Krieg. Die deutsche Propagandastrategie im Orient wahrend des Ersten Weltkrieges am Beispiel Agypten // Journal For Intelligence, Propaganda And Security Studies. 2007. Vol. 1, № 2/07.

225. Oberhaus *S.* «Zum wilden Aufstande entflammen»: Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges. Düsseldorf. 2006. S. 182.

226. *Oberhaus S.* «Zum wilden Aufstandenent flammen»: Die deutsche Propaganda Strategie für den Orient im Ersten Weltkrieg. Saarbrücken, 2012.

227. *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck Verlag, 2009.

228. *Peters R.* Islam and Colonialism: The Doctrine of Jihad in Modern History. The Hague: Mouton, 1979.

229. *Peters R.* Islam en imperialism // De Arabische uitdaging: Europa oog in oog met een nieuwe realiteit. Rotterdam: Ordeman, 1982.

230. *Pipes D.* Greater Syria: The History of an Ambition. New York: Oxford University Press, 1992.

231. *Rabah M.* Arslān, Shakīb, Amīr. 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin: Freie Universität, 2014.

232. *Raja A.* Constructing Transnational Islam: the East-West Network of Shakib Arslan // Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation, and Communication. Ed. by Stephane A. Dudoignon, Hisao Komatsu and Yasushi Kosugi.L. N. Y.: Taylor & Francis Group, 2006.

233. *Raja Adal.* Shakib Arslan's Imagining of Europe: The Coloniser, the Inquisitor, the Islamic, the Virtuous, and the Friend. Nathalie Clayer and Eric Germain (eds.), Islam in Interwar Europe. London: Hurst & Company, 2008.

234. *Rogan E.* The Arabs: A History. New York: Basic Books, 2011.

235. *Rubin B., Schwanitz Wolfgang G.* Nazis, Islamists and the Making of the Modern Middle East. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.

236. *Ryad U.*A. Salafi Student, Orientalist Scholarship, and Radio Berlin in Nazi Germany: Taqi al-Din al-Hilali and His Experiences in the West // Götz Nordbruch, Umar Ryad (eds.). Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. NewYork: Palgrave Macmillan, 2014.

237. *Sarıtaş I.* Alman İmparatorluğu'nun Türk Dünyasına Yönelik Propaganda Faaliyetleri: Arkeolog Max Freiherr von Oppenheim ve Doğu Haber Ajansı // Bilig. 2019. Sayı 91.

238. *Schamir* H. «The Middle East in the Nazi Conception» // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte. 1975. Beiheft 1.

239. *Schechtman J.B.* The Mufti and the Fuehrer: The rise and fall of Haj Amin el-Husseini. New York, London: Yoseloff Publishing, 1965.

240. *Scheck R.* Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War // Holocaust and Genocide Studies 2012. Vol. 26, № 3.

241. *Schwanitz W.* Die Berliner Djihadisierung des Islam: Wie Max von Oppenheim die islamische Revolution schürte // *KAS*. 2004. № 10.

242. *Schwanitz W.G.* Djihad «Made in Germany»: Der Streit um den Heiligen Krieg 1914–1915 // Sozial. Geschichte. 2003. № 18.

243. *Schwanitz W.G.* German-Kuwaiti Relations: From Their Beginnings to the Reunification of Germany // Meria Journal The Middle East Review of International Affairs. March, 2009. Vol. 13, № 1. URL: http://www.gloria-center.org/meria/2009/03/schwanitz.html#author.

244. *Schwanitz W.* Max von Oppenheim und der Heilige Krieg: Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940 // Soziale Geschichte. 2004. № 19.

245. *Sinno A.-R.* Gedanken und Haltungen von Schakib Arslan zum I. Weltkrieg, Vortrag am Zentrum Moderner Orient. Berlinam 30/31. 3. 2006. S. 7. URL: http://www.abdelraoufsinno.com/Conferences/docum_74.pdf

246. *Sinno A.-R.* The Role of Islam in German Propaganda in the Arab East during the First World War: Aims, Means, Results and Local Reactions // The First World War as Remembered in the Countries of the Eastern Mediterranean. Ed. by Farschid O., Kropp M., Dähne S. Beirut: Orient-Institut Beirut, 2006.

247. *Steppat F.* Das Jahr 1933 und seine Folgen für die arabischen Länder des Vorderen Orients // Die Grosse Krise der Dreissiger Jahre. Vom Niedergang der Weltwirtschaft zum Zweiten Weltkrieg. Gerhard Schulz (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985.

248. *Strachan Hew.* The First World War as a Global War // First World War Studies. 2014. Vol. 1 (1).

249. *Studt J.-D.* Max von Oppenheim und der Nahe Osten — Lebenstraum oder politische Intrige? // Asien Afrika Lateinamerika. 1999. Vol. 27.

250. *Talha Ç. M.* Arab Supporters of the Belligerent Countries // 1914–1918 — online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin: Freie Universität, 2014.

251. *Talha Çiçek M.* The Holy War in Syria: Cemal Pasha and the Ottoman Plan to conquer Egypt in the First World War // War & Society. 2016. Vol. 35. No. 1.

252. The Balfour Declaration. November 2, 1917. URL: http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20balfour%20declaration.aspx.

253. The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, Cairo, May 29, 1941 // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. The British Commonwealth; the Near East and Africa Volume III. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1941.

254. The Oxford Handbook of Propaganda Studies. Ed. by Jonathan Auerbach and Russ Castronovo. Oxford: University Press, 2014.

255. *Tibawi A. L.* A Modern History of Syria (Including Lebanon and Palestine). Macmillan: St Martin's Press, 1969.

256. *Tillmann H.* Deutschlands Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1965.

257. *Troy R. R. Paddock* (Ed.). World War I and Propaganda. Leiden: Brill, 2014.

258. *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire, 1914–1918, Princeton: Princeton University Press, 1968.

259. *Wagenhofer S.* «Rassischer» Feind — politischer Freund?: Inszenierung und Instrumentalisierung des Araberbildes im nationalsozialistischen Deutschland. Berlin: Schwarz, 2010.

260. *Wasti S. T.* Amir Shakib Arslan and the CUP Triumvirate // Middle Eastern Studies. 2008. Vol. 44, № 6.

261. Welch D. The Third Reich. Politics and Propaganda. Second Edition. London and New York: Routledge, 2002.

262. *Wild S.* National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939 // Die Welt des Islams, New Series. 1985. Bd. 25, № 1/4.

263. *Wokoeck U.* German Orientalism. The study of the Middle East and Islam from 1800 to 1945. London; New York: Taylor & Francis Group, 2009.

264. Woodward D. R. Hell in the Holy Land: World War I in the Middle East. Lexington: University Press of Kentucky, 2006.

265. *Yamauchi M.* The Unromantic Exiles: Istanbul to Berlin. Enver Pasha 1919–1920. Research Report on Urbanism in Islam. Tokyo, 1989.

266. *Yenen A.* Approaching Transnational Political History: The Role of Non-State Actorsin Post-Ottoman State-Formation // In Transnational Actors — Crossing Borders: Transnational History Studies. Edited by Steffi Marung and Matthias Middell. Leipzig: Leipziger Universitäts Verlag, 2015.

267. *Yenen A.* The «Young Turk Zeitgeist» in the Middle Eastern Uprisings in the Aftermath of World War I // War and Collapse: World War I and the Ottoman State. Ed. by M. Hakan Yavuz and Feroz Ahmad, 1181–1216. Salt Lake City: University of Utah Press, 2016.

268. *Yenen Alp.* Legacies of Jihad 100 Years after World War I // Gingko Library Blog. 2014. № 14. URL: https://edoc.unibas.ch/40784/.

269. *Yılmaz Ş.* An Ottoman Warrior Abroad: Enver Paşa as an Expatriate // Middle Eastern Studies. 1999. Vol. 35, № 4.

270. Youssef Aboul-Enein, Basil Aboul-Enein The Secret War for the Middle East: The Influence of Axis and Allied Intelligence Operations during World War II. Annapolis: Naval Institute Press, 2013.

271. *Zekeriya K.* Şekib Arslan bazı mektupları ve İttihadcılar ile ilişkileri // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Tarih Enstitüsü dergis. 1995–1997. Sayi 15.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I
УСИЛИЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПО МОБИЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 13
1. Джихад «made in Germany»: Первая мировая война и дискуссии об исламе 13
2. Германо-османский альянс и пропаганда джихада: между вымыслом и реальностью (1914–1918) 33
3. Германская и османская пропаганда в Египте в период Первой мировой войны 43
4. Немецкие ориенталисты и пропаганда Германской империи на Ближнем Востоке (1914–1918) 69

Глава II
МУСУЛЬМАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД 81
1. Эмир Шакиб Арслан между Османской и Германской империями 81
2. Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша между Москвой и Берлином (1918–1922) 96
3. Мусульмане в Германии в 1920-е годы: между панисламизмом, кемализмом и большевизмом 115

Глава III
ПРОПАГАНДА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 132
1. Проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны 132
2. Радиопропаганда Третьего рейха в арабских странах в годы Второй мировой войны 154

3. Пропаганда Германии в отношении мусульманских солдат Великобритании и Франции 175

Библиография 203

Научное издание

Шерстюков Сергей Андреевич

НЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1914–1945)

Монография

Редактор *Н. Ю. Ляшко*
Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*
Оформление обложки *Ю. В. Плетнева*

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 02.03.2020.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 13,3. Тираж 100. Заказ 67.

Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66